

ПЕРМСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

**МИГРАЦИОННАЯ ЛИНГВИСТИКА
В СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ
ПАРАДИГМЕ:
ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ,
ПЕРЕВОД, ДИДАКТИКА**

Пермь 2020

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**МИГРАЦИОННАЯ ЛИНГВИСТИКА
В СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ ПАРАДИГМЕ:
ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ, ПЕРЕВОД,
ДИДАКТИКА**

МОНОГРАФИЯ

Пермь 2020

УДК 81'27
ББК 81.2
М576

Миграционная лингвистика в современной научной парадигме:
М576 дискурсивные практики, перевод, дидактика [Электронный ресурс] : монография / С. В. Шустова, Е. О. Зубарева, Н. В. Хорошева, В. М. Костева, Е. Ю. Мощанская, А. С. Киндеркнехт, Köck Jh. / научный редактор д-р филол. наук, профессор О. А. Радченко ; Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Электронные данные. – Пермь, 2020. – 1,23 Мб; 156 с. – Режим доступа: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/mono/migracionnaya-lingvistika-v-sovremennoj-nauchnoj-paradigme.pdf>. – Загл. с экрана.

ISBN 978-5-7944-3434-7

В монографии представлены результаты работы отечественных и зарубежных исследователей в области формирования и становления нового направления в парадигме гуманитарных наук – миграционной лингвистики.

В предлагаемой монографии рассматриваются вопросы теоретического освещения миграции в трудах Н. Я. Марра, номинации участников миграционного дискурса, аспекты медиационных практик и дидактики в миграционном дискурсивном пространстве. Мнение редколлегии может не совпадать с мнением авторов.

Работа представляет интерес для преподавателей вузов, аспирантов, магистрантов, студентов. Материалы могут быть использованы при разработке различных курсов, а также в научной и учебной работе с аспирантами, магистрантами и студентами.

УДК 81'27
ББК 81.2

*Издается по решению ученого совета
факультета современных иностранных языков и литератур
Пермского государственного национального исследовательского университета*

Научный редактор:

доктор филологических наук, профессор Московского государственного лингвистического университета *О. А. Радченко*

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук Шустова С. В., д-р филол. наук Файзиева Г. В., д-р ист. наук Шустов С. Г., канд. филол. наук Меньшакова Н. Н., канд. филол. наук Платонова Е. А., канд. филол. наук Хрусталева М. А.

Рецензенты:

заведующий кафедрой английского языка гуманитарных специальностей факультета международных отношений, канд. филол. наук, доцент

Белорусского государственного университета *И. Н. Ивашкевич;*

д-р филол. наук, профессор Амурского государственного университета

С. В. Андросова;

канд. филол. наук, профессор Новосибирского государственного педагогического университета *И. В. Архипова*

ISBN 978-5-7944-3434-7

© ПГНИУ, 2020

ПРЕДИСЛОВИЕ

В коллективной монографии «Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: дискурсивные практики, перевод, дидактика» продолжается публикация материалов, посвящённых вопросам формирования и развития миграционной лингвистики, её теоретико-методологической базы, уточнения объекта и предмета исследования. В монографии представлены результаты исследований в области созданного социального портрета детей-мигрантов на основе свободного ассоциативного эксперимента, изучения репрезентации данного концепта в научном дискурсе с целью выявления и характеристики отношения принимающей страны к мигрантам в целом, к детям в частности. В рамках данного раздела вводятся понятия «семантический модуль» и «семантический микромодуль» для систематизации полученных данных.

Интересным считаем обращение к рассмотрению миграции в трудах Н. Я. Марра, так как миграции в концепции учёного часто переплетаются в культурно-историческом и в лингвистическом контекстах. Заслуживающим внимания является анализ устного перевода в миграционном дискурсивном пространстве, так как именно в рамках миграционного дискурса осуществляется социальный перевод, способствующий адаптации мигрантов к реалиям титульной нации. В монографии раскрывается роль медиатора как нейтрального социального агента в аспекте урегулирования институционального на локальном и межгосударственном уровнях. Социальные практики медиатора направлены на ослабление конфликтности миграционного дискурса. В монографии предлагается дискурсивный анализ интервью турецкого посла в Австрии с точки зрения лингвоконфликтности в рамках миграционной педагогики.

Мы, как и прежде, открыты к обсуждению и дискуссии по рассматриваемым проблемам и приглашаем заинтересованных исследователей к сотрудничеству.

Благодарим наших глубокоуважаемых научного редактора – доктора филологических наук, профессора Московского государственного лингвистического университета Олега

Анатолеевича Радченко и рецензентов – доктора филологических наук, профессора Амурского государственного университета Светлану Викторовну Андросову и кандидата филологических наук, профессора Новосибирского государственного педагогического университета Ирину Викторовну Архипову за ценные замечания и рекомендации, способствующие уточнению ряда позиций и положений в области миграционной лингвистики.

Предлагаемая коллективная монография представляет широкие перспективы для создания целостной картины миграционных дискурсивных практик, возможность наметить новые направления для изучения миграции в лингвистическом аспекте и выявить спектр вопросов, которые ждут своего решения.

*Ответственный редактор
доктор филологических наук, профессор
Шустова Светлана Викторовна*

Шустова С. В.,
доктор филологических наук, доцент, профессор
Зубарева Е. О.,
факультет современных иностранных языков и литератур
Хорошева Н. В.,
кандидат филологических наук, доцент,
Пермский государственный
национальный исследовательский университет

«ДЕТИ-МИГРАНТЫ» КАК СОЦИАЛЬНЫЕ АГЕНТЫ МИГРАЦИОННОГО ДИСКУРСА¹

Введение

Тематика миграции становится наиболее актуальной в области лингвистических исследований особенно в последнее десятилетие. Для обозначения этой сферы все чаще исследователи прибегают к понятию «миграционная лингвистика» (Migrationslinguistik). Как отмечалось нами ранее, причиной становления миграционной лингвистики как самостоятельного направления в лингвистической науке стал факт массивных, многообразных миграционных движений, возникающих в мобильном и глобализирующемся мире. А на основе этих глобальных процессов особую значимость приобретает языковая динамика и ее релевантность для лингвистики в целом.

В фокусе внимания исследователей миграционных процессов находятся различные аспекты предлагаемой тематики: полити-

© Шустова С. В., Зубарева Е. О., Хорошева Н. В., 2020

¹ Авторы выражают благодарность студентам 1 курса факультета современных иностранных языков Пермского государственного национального исследовательского университета, студентам 1 курса Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики (Пермский филиал), коллег из Республики Беларусь, Республики Таджикистан, г. Москвы, г. Челябинска, г. Екатеринбурга, г. Благовещенска, г. Ижевска, г. Перми, г. Архангельска, г. Санкт-Петербурга, г. Астрахани за помощь в проведении ассоциативного эксперимента, результаты которого легли в основу предлагаемого раздела коллективной монографии. На первом этапе в эксперименте приняли участие 32 человека, на втором этапе – 80 человек.

ческие, экономические, социологические, правовые, культурологические, психологические. В связи с этим и подходы к определению понятия «миграция» варьируются.

Так, например, интерес представляет влияние миграций на социокультурную среду. Современные мигранты в развитых странах не демонстрируют желания принимать ценности титульной нации. Это приводит к существованию «параллельных» сообществ. В условиях политического, экономического и социального кризисов, выступающих в качестве стимула для спекуляции экстремистскими и другими антимиграционно настроенными политическими силами, отношение общества к мигрантам противоречиво [Абдрахманов, Шакиров и др., 2013, с. 170].

Травматический опыт переселения, различия в культуре и конфликты в условиях новой реальности, проблемы одиночества, трудности адаптации – неполный перечень факторов, способствующих восприятию детей-мигрантов себя непонятыми и непринятыми. С прибытием на территорию России мигрантов из бывших республик Советского Союза целыми семьями с детьми различного возраста возникли проблемы с их социализацией и адаптацией.

Принимаются меры, позволяющие детям из семей мигрантов посещать общеобразовательные школы, получать высшее образование. Учёными анализируется опыт стран ЕС по интеграции мигрантов в образовательное пространство принимающей страны.

Так, в 2015 г. в Италии появился документ, предложенный Министерством образования школам Италии, «Отличные от кого?», представляющий собой справочник по интеграции, подготовленный от имени национального наблюдательного совета по интеграции и межкультурному диалогу. К приоритетным сторонам инклюзивного (интегративного) образования Министерством образования Италии определены:

1. Закрепить право на немедленное включение в образовательную среду только что прибывших детей-мигрантов.

2. Помнить и осознавать важность детского сада в рамках процесса интеграции детей.

3. Противодействовать школьной запущенности и задержкам в обучении.

4. Сопровождать на этапах перехода; адаптировать образовательные программы и систему оценок под нужды прибывших детей.

5. Организовать эффективные системы ориентации и поддержки на продолжение учебной деятельности детьми-мигрантами. Прикладывать усилия для развития у учеников внутренней позиции протагонистов своей деятельности.

6. Поддерживать учеников в освоении итальянского языка как второго языка, необходимого для получения образования.

7. Учитывать и повышать ценность и значимость языкового разнообразия.

8. Предотвращать явления школьной сегрегации.

9. Вовлекать семьи в процесс обучения и образования детей.

10. Поощрять межкультурное образование в школах [Хаперская, Шенсин, 2019, с. 56–57].

Методологической базой исследования послужили гипотетико-индуктивный, гипотетико-дедуктивный методы, описательный. В качестве материала исследования выступают корпусные данные лаборатории корпусной лингвистики Лейпцигского университета, Национального корпуса русского языка, научные статьи, данные, полученные в ходе проведения ассоциативного эксперимента с носителями русского языка.

Теоретическое обоснование исследования

Отсутствие единой терминосистемы, а как следствие дивергентное использование концептов миграционной лингвистики в различных научных направлениях усложняют моделирование как миграционных процессов, так и их ключевых концептов. Объектом миграционной лингвистики становится не только модель динамических языковых процессов, не только модель миграционного дискурса, но и

такие аспекты как мотивация, обстоятельства, факторы протекания миграции, последствия миграционных процессов. Каждый из названных аспектов может представлять самостоятельную сферу исследования. Ведущая роль отводится социальному началу.

Развитие миграционной лингвистики связано с Т. Крефельдом [Krefeld, 2004], который предложил системный подход к исследованию коммуникативного пространства мигрантов, основываясь на концепции Р. О. Якобсона. Т. Крефельд исследует язык в условиях экстратерриториальности (контактные феномены, изоляционные феномены), динамику языка в условиях миграционных процессов, говорение в условиях сменяющихся кодов (*mixings* и *switchings*), историю языка как историю коммуникативного пространства.

В основе миграционной лингвистики, по мнению Е. Гугенбергер, находится дихотомия «локальное / глобальное», а также мир отдельно взятого языка и система, которая конструируется на основе тщательного изучения его развития. Е. Гугенбергер руководствуется принципом “*follow the people*” и анализирует язык галисийских мигрантов в детстве и юношестве в Аргентине до настоящего времени. Благодаря контрастивному сопоставлению коммуникационных пространств Галисии и Аргентины определяются социальные, культурные, языковые образцы речевого поведения [Gugenberger, 2018].

Т. Штель считает, что в фокусе внимания миграционной лингвистики находится языковой контакт, приобретение способности к многоязычию и динамика развития полиязычия, а также внутренней многоязычие в аспекте переноса и скрещивания дискурсивных традиций – в нашем понимании дискурсивных практик. В результате взаимодействия разных дискурсивных традиций возникают новые дискурсивные традиции, специфические культурные традиции нового формирующегося сообщества. Появляющиеся дискурсивные практики актуализируются в различных сферах коммуникации таких как любовь, болезнь, смерть, а также в более широкой

социальной коммуникации: религии, политике, праве [Stehl, 2011, S. 44–45.]

Миграция, беженцы, иммигранты входят в общий социокультурный и языковой контекст жизни общества. Это обуславливает необходимость теоретического обоснования процессов, возникающих в результате возросших масштабов миграции населения и связанных с ней политических последствий, дополнительных способов языковой номинации и формирования некоторых акцентов на определенных фрагментах новой языковой реальности. Миграционный дискурс рассматривается как вид социальной практики, поскольку его формируют социальные структуры, социальные агенты, участники, вовлеченные в социальные события [Зубарева, 2019; Шустова, Исаева, 2019, с. 15].

Миграционный дискурс – коммуникативный процесс, участники которого стремятся: адаптироваться в принимающей стране; принять законодательство страны; оставаться в своей конфессии или изменить вероисповедание; освоить язык принимающей страны; определить для себя и своей семьи выгоды от пребывания на территории этой страны; принять решение о пребывании самостоятельно; адаптироваться к условиям проживания в одиночку, семьей, группой; решить экономические вопросы жизнеобеспечения; дать детям образование; обеспечить семью медицинским обслуживанием; принять культуру титульной нации.

Система ценностей мигрантов может включать потребности: создать анклав (экономический, политический); создать языковой анклав; создавать условия для укрепления и расширения своего вероисповедания; не осваивать язык титульной нации; определить для себя и своей семьи выгоды от пребывания на территории принимающей страны; принять решение под давлением (из-за страха, из-за угроз); игнорировать культуру титульной нации (насаждать свою культуру) [Шустова, Исаева, 2019, с. 15–16].

Исследование: основная часть¹

Базовыми категориями миграционного дискурса являются «Миграция», «Мигрант» [см., Зубарева, 2018, 2019]. Мы вводим новую категорию «Дети-мигранты», как социальных агентов, социальных участников миграционного дискурса в рамках образовательного дискурса. Для уточнения позиции автора также вводится понятие «мигрантский образовательный дискурс».

В исследованиях применяются различные подходы к тому, кого можно называть или определять как «детей мигрантов». «Дети мигрантов / мигрировавшая молодежь» – дети, у которых иммиграция играет ключевую роль в биографии, независимо от того, мигрировали они сами или переехали их семьи. В Великобритании говорят о мигрантах и их потомках. В исследованиях об этих школьниках пишут, как о представителях меньшинств. Хотя термин «этническое меньшинство» или «меньшинство» обозначает коренные группы, которые культурно отличаются от большинства, но при этом не являются мигрантами.

В российском контексте детей из других «этнических групп» называют инофонами. В качестве измеряемых параметров могут выступать гражданский статус, принадлежность к меньшинствам, первый (родной) язык. Положение детей-мигрантов в образовательной системе оценивается по-разному. Комплекс показателей включает следующие характеристики: выбор мигрантами типов школы, средняя продолжительность обучения, показатели успеваемости, тип получаемого квалификационного документа.

По данным корпуса русского языка лаборатории корпусной лингвистики Лейпцигского университета по запросам «ученик-

¹ В предлагаемом разделе представлена часть материалов С. В. Шустовой, которые прошли апробацию на XII Конвенте Российской ассоциации международных исследований «Мир регионов vs. регионы мира» 21–22 октября 2019 года на секции «Отражение картины мира регионов политическом медиадискурсе регионов мира» МГИМО, г. Москва.

мигрант», «ученики-мигранты», «дети мигрантов», «инофоны» данные отсутствуют. По запросу «инофон» фиксируется один контекст: *Нам необходимо вводить инофона в контекст русского языка, насыщать его голову нашими концептами и реалиями* (Leipzig Corpora – далее LC).

«Дети-мигранты» рассматриваются философами и социологами как социальная общность, реально существующая, эмпирически фиксируемая, относительно единая совокупность (взаимосвязь) детей (в возрасте до 18 лет), объединенных по социокультурным, языковым, демографическим, этническим, пространственным и религиозным основаниям [Зборовский, Шуклина, Засыпкин, 2015, с. 72].

Так, например, проблемы обучения и социокультурной адаптации детей мигрантов изучаются в условиях межнационального общения в северном регионе России. Анализируются ситуации этнонационального негативизма в школе и вне её.

Для детей мигрантов актуальными становятся общение с одноклассниками, социально-психологический контекст обучения, адаптационные практики, толерантность / интолерантность.

Этнонациональная интолерантность фиксируется исследователями в начале адаптационного периода:

Плохо относились. Мне было плохо во втором, первом и третьем классе. Дрался из-за этого. Говорили «хачик», «чурка»; Бывали ссоры с ребятами: с мальчиками, девочками, которые считали, что мы нерусские» [Там же, с. 72–73].

Этнонациональный негативизм фиксировался и со стороны учителей:

Ну, она (учительница) специально давит на нас. На русских может там ничего не сказать, двойку не двойку там, а нам могут поставить специально. Потому что мы нерусские, типа тупые [Там же].

В таблице 1 представлены результаты опроса учащихся о детях мигрантах.

Таблица 1

**Социальный портрет детей мигрантов
(по Зборскому, Шуклиной, Засыпкиной, 2015)**

Привлекательные черты	Раздражающие черты	Угрожающие черты
Доброжелательность, дружелюбие	Агрессивность	Их слишком много иногда одеваются как террористы – страшно
Доброта	Дерзость	Представляют угрозу населению нашей страны
Общительность	Навязывание другим своей точки зрения	Склонность к преступлениям, криминалу
Чувство юмора	Неуважение к русским, особенно женщинам	Агрессивность
Весёлые, улыбчивые	Жестокость, злость	Вандализм
Оптимистичные	Конфликтность	Вспыльчивость
Спокойные	Частые перепады настроения, импульсивность	Склонность к применению силы
Красивые	Упрямство, гордость	Желание быть всегда впереди, даже если другие этого не хотят
Преданность, верность	Чрезмерная уверенность в себе	Иногда носят электрошокеры с собой
Честность	Самолюбие, обидчивость	Носят оружие (ножи)

Привлекательные черты	Раздражающие черты	Угрожающие черты
Харизма	Наглость, невоспитанность	
сплочённость	Самовлюблённость	
Взаимопомощь, взаимовыручка	Уважают только свои традиции, а с традициями других народов не считаются	
Стремление помочь	Демонстративное поведение	
Трудолюбие	Вредные привычки	
Целеустремлённость	Символика своих стран на футболках	
Конкурентноспособность	Чужой язык, говорят при других на своём языке	
Занятие спортом	Считают себя выше других	
Здоровый образ жизни	Хотят, чтобы все признавали их авторитет	
Культура	Не считаются с нашей культурой	
Религиозность	Неуважительное отношение к учителям	
Соблюдение традиций	Неграмотная речь, жаргон	
Стремление получить достойное образование	Сильно уделяют внимание своей религиозности	
Уважением к родителям, старшим		

Привлекательные черты	Раздражающие черты	Угрожающие черты
Внешность		
Речь		
Всегда готовы прийти на помощь своим друзьям		
Внешность парней более мужественная		
Девушки более воспитанные и скромные		
Хорошая рабочая сила		

По данным Национального корпуса русского языка по запросам «инофон», «ученик-мигрант», «ученики-мигранты» данные отсутствуют. По запросу «инофоны» зафиксирован один контекст, по запросу «дети мигрантов» – два контекста:

Очень важно преодолевать негативные стереотипы. Статистика уверенно показывает, что дети мигрантов и переселенцев более мотивированы на успех и в перспективе могут оказаться начальниками детей коренных жителей. Ссорить детей просто невыгодно (Маховская О. 365 +1, правила современных родителей на каждый день счастливого года, 2019, НКРЯ).

В связи с тем, что корпусные данные не фиксируют изучаемое понятие «Дети-мигранты», мы обратились к мигрантскому образовательному дискурсу, в результате анализа которого нам удалось получить следующие данные, систематизированные в семантические модули и микромодули.

1. Семантический модуль «Дети мигрантов»:

Знакомство с новой культурной средой может оказаться благотворным: дети мигрантов получают большие

возможностей для общения и деятельности в новой среде (Хабибулин У.Г. Интеллектуальный потенциал вузов – на развитие Дальневосточного региона России. ВГУЭС, 2009, Google Books Ngram Viewer – далее Ngram).

Дети мигрантов учатся в обычных школах области, при этом наблюдается устойчивый рост числа детей мигрантов в младших классах (Мониторинг дискриминации и национал-экстремизма в России, 2005, Ngram).

Плюс в каждом районе Москвы есть 2–3 школы с этнокультурным уклоном, где все ученики – дети мигрантов. Часто эти дети плохо знают русский язык – и именно из-за этого у них бывают проблемы с обучением (Огонек, 15–31, Ngram).

Концепт «Дети мигрантов» встречается в контекстах, актуализирующих широкую сферу функционирования: *социокультурная адаптация детей мигрантов, адаптационные проблемы детей мигрантов, адаптационные практики детей мигрантов, адаптация детей мигрантов, образование детей мигрантов, социальная общность детей мигрантов, идентификация детей мигрантов, языковая принадлежность детей мигрантов, иноэтничные дети мигрантов, «трудные» дети мигрантов, портретные характеристики детей мигрантов, социальный портрет детей мигрантов, национально-этнические аспекты адаптации детей мигрантов, этнические группы у детей мигрантов, сетевое взаимодействие детей мигрантов, национальные конфликты между детьми мигрантов, проблемы социальной адаптации детей мигрантов, психологическая реабилитация детей мигрантов.*

2. Семантический модуль «Дети-переселенцев».

Но существуют еще некоторые факторы, влияющие на процесс аккультурации детей-переселенцев (Киберленинка – далее КЛ).

Большое влияние на адаптацию оказывает второй фактор как состояние эмоциональной сферы детей-переселенцев (КЛ).

3. Семантический модуль «Ребенок-мигрант».

Как выстроить систему социально-педагогического сопровождения жизнедеятельности ребенка-мигранта в образовательной организации? (КЛ).

В традиционной школьной практике реакция педагога на проблемы ребенка-мигранта бывает различной – от принятия до полного отвержения детей мигрантов (КЛ).

... процесс социально-педагогического сопровождения охватывает не только самого ребенка-мигранта, но и его семью (КЛ).

4. Семантический модуль «Переселившиеся дети».

Именно поэтому педагоги общеобразовательных школ, ориентируясь на внешние поведенческие проявления, поспешно делают выводы о хорошей адаптации переселившихся детей, и поэтому они же удивляются, недоумевают и не понимают непрогнозируемых эмоциональных взрывов, неадекватных, антинормативных или импульсивных поступков детей-мигрантов (КЛ).

5. Семантический модуль «Дети инофоны».

Помните, у меня в классе много детей с ОВЗ и дети-инофоны. Все справились с прописями (Учительская газета, октябрь 2019).

Вторая проблема – дети инофоны, я работаю в русской школе, где для 60 процентов детей русский язык не является родным, некоторые вообще не говорят по-русски. Как их учить, как работать учителю в таких классах? Этому сегодня уделяется очень мало внимания (Учительская газета, октябрь, 2019).

Обычно советуют детям-инофонам: разговаривайте дома на русском языке (e-lib.).

У нас нет общей для всех школ системы работы с детьми инофонами (e-lib.).

6. Семантический модуль «Дети-билингвы».

Педагог применяет определенные средства и способы деятельности, направленные на целостное развитие детей в условиях билингвизма. Для этого педагогу необходим запас знаний об особенностях развития детей-билингвов, о культуре своего и контактирующего народов, соответствующих методик и технологий (КЛ).

7. Семантический модуль «Дети южных национальностей».

Эпизоды с действиями скинхедов, рассказы о том. Что скоро питерские школы будут наполовину заполнены детьми южных национальностей бывшего Советского Союза, определили актуальность исследования (e-lib.).

8. Семантический модуль «Иноэтнические дети».

... в Санкт-Петербурге нет статистики, сколько сейчас в школах обучается иноэтнических детей (e-lib.).

9. Семантический модуль «Дети-мигранты».

Как адаптируются дети-мигранты к школьной жизни, как быстро осваивают язык, как успевают по предметам (e-lib.).

10. Семантический модуль «Дети трудящихся-мигрантов».

... совместно с Посольством Киргизии и киргизскими общественными организациями открывать воскресные школы для детей трудящихся-мигрантов из Киргизии (e-lib.).

11. Семантический модуль «Дети беженцев».

Почему так происходит, в эфире «Радиошкола» рассказала бывший директор интеграционного центра для детей беженцев и мигрантов «Такие же дети» Анна Тер-Саакова (e-lib.).

12. Семантический модуль «Дети с миграционным опытом»

У нас даже нет статистики, сколько в московских и российских школах учатся детей с миграционным опытом (e-lib.).

По похожей на французскую схеме работают с детьми с миграционным опытом в одной из школ Красногорского района Московской области (e-lib.).

13. Семантический модуль «Дети с опытом миграции».

Они приходят к нам на семинары (всероссийские семинары по интеграции и обучению детей с опытом миграции) (e-lib.).

14. Семантический модуль «Ребёнок-мигрант».

В их школах по итогам обязательного теста решалось, будет ли ребёнок-мигрант вообще там учиться (e-lib.).

15. Семантический модуль «Дети с миграционным прошлым».

Этот школы, в которых учится много детей с миграционным прошлым (e-lib.).

16. Семантический модуль «Иноязычные дети».

Впрочем, иноязычные дети в школах – это не российский феномен (e-lib.).

17. Семантический модуль «Перелетные дети».

ПЕРЕЛЕТНЫЕ ДЕТИ – это дети, приехавшие – прилетевшие! – в Россию из разных стран мира. Ребята, мы рады вам! Мы хотим, чтобы вы побыстрее овладели русским языком и чувствовали себя здесь свободно и уверенно! ПЕРЕЛЕТНЫЕ ДЕТИ – это благотворительный проект Лицея Ковчег. Учим детей (и взрослых) русскому языку и помогаем им освоиться в нашей стране. Бесплатно. Для детей, которые совсем не ходят в школу, мы делаем Международные Классы: учим русскому и готовим к поступлению в школу. Для детей, которые ходят в школу, но не очень понимают, о чем говорит учитель на уроках, делаем Курсы Русского Языка после уроков. Не просто учим русскому языку за партой – играем в русский язык! Играть любят все: и взрослые, и дети. РКИ – Русский Как Игровой! Работаем в самой тесной связи с органами управления образованием – спасибо всем, кто не равнодушен! (Лицей «Ковчег-XXI», Москва, [http:// pereletnye-deti.ru](http://pereletnye-deti.ru))

Результаты свободного ассоциативного эксперимента

В целях более тщательного изучения семантического потенциала понятия «Дети-мигранты» нами был реализован ассоциативный эксперимент, который позволил разработать

модель ассоциативно-вербального микрополя концепта «Дети-мигранты».

Свободный ассоциативный эксперимент был проведен без количественного ограничения. Информантам предлагалось написать на карточке ассоциации на слово-стимул «Дети-мигранты».

В эксперименте приняли участие 112 человек, преподаватели и студенты российских вузов. Возраст респондентов: студенты от 18 до 20 лет, в эксперименте принимали участие и девушки, и молодые люди, но гендерная специфика не учитывалась, так как это не входит в задачи данного исследования; преподаватели (кандидаты и доктора филологических наук, кандидаты и доктора педагогических наук) – от 32 до 60 лет.

Выбор респондентов, а именно молодых людей в возрасте от 18 до 20 лет обусловлен тем, что именно эта возрастная аудитория является «социально перспективной», молодое поколение в ближайшем будущем будет определять базовые социальные тенденции [Ерофеева, Белоусов, 2015, с. 85].

От каждого информанта в среднем были получены от 1 до 19 реакций, общее количество ассоциаций составило 506. Количественный анализ материала, полученного в результате свободного ассоциативного эксперимента, позволяет сформировать ассоциативно-вербальное микрополе «Дети-мигранты», что является первым этапом анализа всех полученных реакций. Ассоциативно-вербальное поле формируется по аналогии со словарной статьей ассоциативных словарей.

К ядру ассоциативно-вербального микрополя «Дети-мигранты» относятся совпадающие реакции одноимённое на слово-стимул: *иностранец* – 18; к зоне ближней периферии относится – *адаптация* (10 реакций); к зоне средней периферии – *язык* (6 реакций); к зоне дальней периферии – *грусть, война, бедность* (по 5 реакций).

Следующий этап анализа заключается в распределении всех полученных ассоциаций по семантическим модулям с целью уточнения психолингвистического значения концепта «Дети-

мигранты». Классификация полученных результатов строится следующим образом: близкие по семантике ассоциаты, по-разному называющие фактически один и тот же семантический компонент, объединяются в семантический модуль, а их частотность суммируется.

Для наименования семантических модулей выбираются наиболее частотные или стилистически нейтральные реакции. Семантические модули подразделены на микромодули.

1. Семантический модуль «Адаптация»:

1.1. Микромодуль «Социальная адаптация»: адаптация (10), социум, воспитание, не могут за себя постоять, новая социальная среда, тяжелая адаптация, социализация, отрыв от дома, непонимание, очень хочется постараться им помочь, процесс адаптации к обществу, социальный, нетворкинг, невольное привыкание к обстановке в чужой стране, одиноки, социокультурная адаптация, адаптация принятие, новая школа, притеснение русских детей в ВУЗах, неустроенность, сложность в общении, перестроение, трудно, трудно осваиваться на новом месте, уход от проблем, чужая среда, социализация; более адаптированы, чем их родители; выживаемость, быстрая адаптация, трудности ассимиляции, аккультурация, привычка, возможная изоляция; «дети, напуганные новой обстановкой», «Дети, у которых очень сложные отношения с окружающей обстановкой и окружающими детьми, которые из коренного населения», «Не вписываются в новую среду» (1).

1.2. Микромодуль «Языковая адаптация»: язык (6), языковой барьер (3), билингвы (2), билингвалы, чужой язык, свой язык, иностранный язык, проблемы с языком, билингва, плохо знают русский язык, новый язык, проблемы с русским языком; быстрее осваивают русский язык, чем взрослые; трудности с языком, русский язык как иностранный, безграмотная речь, речь, изучение нового языка,

мультиязычность, проблемы с пониманием, языковые сложности, речевой статус (1).

1.3. Микромодуль «Культурная адаптация»: другая культура (4), культура (3), ценности (2), культурные различия, культурная адаптация, освоение других детей своей культурой, мультикультурный, иная культура, культурный конфликт; культура, отличающаяся от русской; традиции, другие традиции и обычаи, собственная культура, культурный обмен, различия, культурный шок, обычаи (1).

2. Семантический модуль «Люди»:

2.1. Микромодуль «Человек»: семья (4), дети (2), люди (2), родители (3), без определённого места жительства, крепкая семья, такие же, неродные люди, не такие как все, другие, сверстники, второе поколение, родители-мигранты, маленькие дети, гастарбайтеры, необычный, непохожий, дети, народ; конкретный человек, о котором я знаю, что он является ребенком-мигрантом (1).

2.2. Микромодуль «Иностранец»: иностранцы (18), приезд (3), чужие (2), родители-мигранты, иностранные, чужаки, переселенцы, другая кровь, граждане другой страны, чужой, дети без родины, не имеющие понятие о Родине, никто не хочет их защищать в их стране, перевод, иностранные граждане (1).

2.3. Микромодуль «Социальный статус»: бедность (5), бедные (4), нищета (3), сироты (2), трудности (2), бедный, бездомный, улица, сирота, ничейные, понаехали, сиротливость, ненужность, гражданство, низкий статус, попрошайки, без достаточных средств существования, беспризорные, бездомные (1).

3. Семантический модуль «Эмоционально-психологическое состояние»:

3.1. Микромодуль «Отрицательное эмоционально-психологическое состояние»: грусть (5), страх (3), непонимание (2), слезы (2), отчуждённость (2), страдание, унижение, обездоленные, дети растерянные, неуверенные в себе, эмоционально тяжелое состояние, потерянности, скучают по дому, тяжесть, потеря, беспокойство, печаль, непонимание, удручённость, отрешённость, молчание, дискомфорт, вопрос в глазах, жертва, беда, потерянные, одиночество, стресс, одинокие, вынужденность, вынуждены, беда, растерянность, безвыходность, поневоле, презрение со стороны сверстников, зависимость от решения родителей, несправедливость, неуверенность, испуганные, безысходность, проблемы, вдали от дома, растерянность, потерянная молодость, тоска (1).

3.2. Микромодуль «Положительное эмоционально-психологическое состояние»: сочувствие (3), улыбка (2), жалость (2), будущее, беззаботность, новый уровень (1).

4. Семантический модуль «Причина»:

4.1. Микромодуль «Финансы»: финансовые проблемы (2), финансовые трудности, нет денег, без денег (1).

4.2. Микромодуль «Кризис»: проблема в стране, кризис (1).

4.3. Микромодуль «Война»: война (5).

4.4. Микромодуль «Экономика»: экономический спад, нужда, безработица, работа (1).

4.5. Микромодуль «Политика»: политика (3), политические проблемы, плохая власть, политическая нестабильность (1).

4.6. Микромодуль «Демография»: проблемы демографии, повышение численности (1).

4.7. Микромодуль «Мироощущение»: поиски себя (1).

4.8. Микромодуль «Здоровье»: болезнь (2).

4.9. Микромодуль «Новая жизнь»: лучшая жизнь, перемены, новая жизнь, новая школа, путешествие, потенциал, новое и неизведанное, новое местоположение, жизнь с чистого листа, начать жизнь с нуля, поиск (1).

4.10. Микромодуль «Жизненные обстоятельства»: трудности (3), сложность (2), проблемы (2), проблема (2), сложности, сложная ситуация, обстоятельства, трудно (1).

5. Семантический модуль «Страна»:

5.1. Микромодуль «Другая страна»: Сирия (2), другая страна (2), Америка, Украина, Франция, Пакистан, Африка, неродная страна, государство, другие страны, иноязычные страны, Европа, заграница, Ближний Восток, зарубежные страны, Россия – страна многонациональная, чужая страна, другая страна, Тайланд, Грузия, страна, мир, приехавшие из другой страны, Япония, Китай (1).

5.2. Микромодуль «Родина»: оторванность; новости про то, что происходит у них в стране; дети без родины (1).

6. Семантический модуль «Взаимоотношения»: новые друзья (4), дружба (3), новые знакомства (2), школа (2), поддержка, сложное взаимодействие, интеграция, социальная интеграция, игры, садик, сад, отношения, интересное общение, общение, сложности с коммуникацией, сложности в коллективе, новый круг общения, знакомые, ходят группами, нахождение контактов, любовь, взаимопонимание (1).

7. Семантический модуль «Социальная защищенность»:

7.1. Микромодуль «Отсутствие социальной поддержки»: незащищенность (2), ущемленные, несправедливость, бесперспективность, нуждаются в поддержке, проблемы, социальные проблемы, плохие условия, трудное детство, непростое детство (1).

7.2. Микромодуль «Социальная поддержка»: помощь (4), социальная поддержка, международная организация ООН, помогать, потребность в социализации, наша помощь, интеграционный курс, социальный, социальная работа, жильё, поддержка, пособия, благотворительность (1).

8. Семантический модуль «Перемещение»: переезд (8), переселение (2), побег, переезд в другую страну, переезд в другое место, смена места жительства; у них не осталось другого выбора, кроме как бежать в другую страну, перемещение людей через границы тех или иных территорий (1).

9. Семантический модуль «Законодательство»: иные законы (1).

9.1. Микромодуль «Право»: беженцы (3), беженцы из другой страны, ущемление прав, переселенцы, иммигрант, неравноправие, нелегалы, нарушители, налогоплательщики, документы, дети сироты (1).

10. Семантический модуль «Образование»: образование (4), учёба (3), международное образование, школа, неообразование, необразованность, сложности в учёбе (1).

11. Семантический модуль «Внешняя характеристика»: чумазый, волосы, грязный, грязь, грязные, худые, голодные, в плохой одежде, грустные глаза, антисанитария (1).

12. Семантический модуль «Национальность»: национальность (2), другая национальность, другая нация,

украинцы, арабы, разные нации, нерусские, люди другой нации (1).

13. Семантический модуль «Интолерантность»: расизм, национализм, интолерантность, конфликты, ксенофобия (1).

14. Семантический модуль «Конфессия»: мусульмане (2), конфессия, межкультурная религия (1).

15. Семантический модуль «Поведение»: шумные, нескромные, беспардонные, поведение (1).

16. Семантический модуль «Характер»: пронырливые, дерзкие, нахальные, милосердный (1).

17. Семантический модуль «Другие»: свои особенности, опыт, изгой, белые вороны (1).

18. Семантический модуль «Расовая принадлежность»: темная кожа, смуглый, чернокожие, африканцы (1).

19. Семантический модуль «Природная среда»: акклиматизация; опавшие листья, летящие по ветру; климат, дерево без корней; грязь (1).

20. Семантический модуль «Ментальность»: другой менталитет (2), мышление (1).

21. Семантический модуль «Место проживания»: лагерь (беженцев), отдалённые районы (1).

22. Семантический модуль «Толерантность»: толерантность, лингвотолерантность (1).

23. Семантический модуль «Предметы»: игрушки, вещмешок (1).

24. Семантический модуль «Дом»: Родина (1).

25. Семантический модуль «Опасность»: угроза (1).

26. Семантический модуль «Количество»: много, тысячи (1).

27. Семантический модуль «Препятствие»: стена (1).

Таким образом, ассоциативно-вербальное поле концепта «Дети-мигранты» состоит из 27 семантических модулей, ряд из которых включают микромодули.

Анализ результатов

Ведущими модулями, которые относятся к ядру психолингвистического значения, являются «Адаптация» (100 реакций), «Люди» (92 реакции), что составляет 38 %.

К зоне 1 относятся семантические модули «Эмоционально-психологическое состояние» (64 реакции), «Причина» (61 реакция) – 25 %.

Зона 2 формируется семантическими модулями «Страна» (30 реакций), «Взаимоотношения» (29 реакций), «Социальная защита» (27 реакций) – 17,2 %. Зона 3 представлена семантическими модулями «Перемещение» (16 реакций), «Право» (13 реакций), «Образование» (12 реакций) – 8,2 %.

Зона 4 репрезентируется семантическими модулями «Внешние характеристики» (10 реакций), «Национальность» (9 реакций) 3,8 %.

Оставшиеся реакции, представленные отдельными семантическими модулями (общая совокупность модулей – 7,4 %) составляют периферию поля.

По аксиологической шкале «Детям-мигрантам» носителями русского языка приписываются положительные (мультикультурный, милосердный, быстрая адаптация, улыбка, крепкая семья; более адаптированы, чем их родители;), диффузные (смуглый, приезжие) и отрицательные оценки (грязный, шумные, нескромные, беспардонные, испуганные, пронырливые, дерзкие, нахальные, обездоленные, ущемленные,

неуверенные). Данные характеристики актуализируются в рамках синтагматической связи.

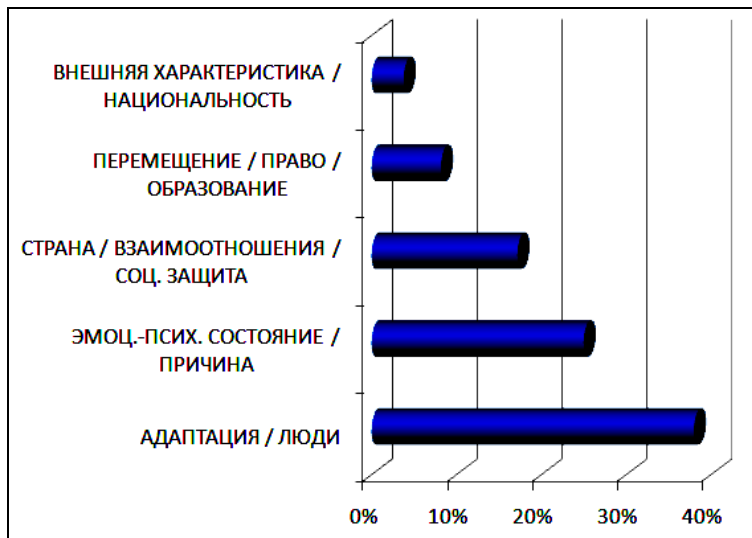

Рис. 1. Модель ассоциативно-вербального поля концепта «Дети-мигранты»

Ассоциации коррелируют с такими характерологическими признаками, как «Интеллектуальный» (быстрее осваивают русский язык, чем взрослые; билингв, языковой барьер, проблемы с языком, безграмотная речь, трудности с языком, быстрее осваивающие язык, языковые сложности, проблемы с русским языком); «Культурный» (культурные различия, мультикультурный, аккультурация, толерантность, культурный конфликт, культурный шок, культурный обмен, различия, иная культура); «Интеграционный» (социализация, более адаптированы, (чем их родители), чужая среда, потребность в социализации, интеграционный курс, сложности взаимодействия, быстрая адаптация, социальная интеграция, трудности ассимиляции, возможная ассимиляция, социокультурная адаптация).

Необходимо подчеркнуть, что доминирующим является противопоставление «свой – чужой»: другая культура, культурные различия, иная культура, другие традиции и обычаи, различия; культура, отличающаяся от русской.

Информанты оценивают эмоционально-психологическое состояние детей-мигрантов в 84,3 % случаев как отрицательное, в 15,7 % – как положительное. Доминирующей реакцией является грусть (5 совпадающих реакций), как отрицательно окрашенная эмоция, возникающая в случае значительной неудовлетворённости.

Обращает на себя внимание высокая частотность отрицательных эмоций, которые демонстрируют информанты на слово-стимул «Дети-мигранты»: страх, страдание, унижение, растерянные, неуверенные, отчуждённые, удручённые, отрешённые, жертва, стресс, безвыходность, несправедливость, безысходность, зависимость.

Тем не менее информанты осознают необходимость социальной помощи даже со стороны международных организаций: международная организация ООН.

«Дети-мигранты» в сознании носителей русского языка воспринимаются метафорически: фитоморфная метафора – «грязь», «опавшие листья, летящие по ветру», «деревья без корней»; физическая метафора – поток.

Относительно социализации и адаптации детей-мигрантов отметим, что ответственность за это несут социум, общество, школа, среда. В аспекте языковой адаптации информантами фиксируются проблемы, которые связаны с трудностями освоения русского языка: языковой барьер, чужой язык, проблемы с языком, плохо знают русский язык, проблемы с русским языком, трудности с языком, безграмотная речь, языковые сложности.

Заключение

Результаты анализа функционирования слова «Дети-мигранты» в мигрантском образовательном дискурсе как жанровой разновидности миграционного дискурса позволяет сделать вывод о

его более высокой частотности по сравнению со словом «инофон», которое заявляется как термин. Низкая степень употребления фиксируется в отношении слов «ребенок-мигрант», «переселившиеся дети», «дети инофоны», «дети-билингвы», «перелетные дети».

Анализ семантического потенциала слова «Дети-мигранты» в аспекте актуализации психолингвистического значения, по данным ассотивного эксперимента, продемонстрировал отсутствие в полученных реакциях значений, актуализируемых в мигрантском образовательном дискурсе.

Таким образом, «Дети-мигранты» как социальные агенты мигрантского образовательного дискурса, и шире миграционного дискурса, представлены в языковом сознании носителей русского языка широкой палитрой значений. Полученные реакции позволяют систематизировать ассоциаты в семантические модули и микромодули.

Список литературы

1. Абдрахманов Д. М., Шакиров И. А., Демичев И. В., Нугуманов М. Интеграция инокультурных мигрантов в современное российское общество // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. Вып. 2(14), 2013. С. 170–174.
2. Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А., Засыпкин В. П. Образовательные и адаптационные практики детей мигрантов в условиях межнациональной интолерантности // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2015. Т. 135. № 1. С. 70–83.
3. Зубарева Е. О. Концепт «МИГРАНТ» в миграционном дискурсе (на материале свободного ассоциативного эксперимента) // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики, 2018. № 4 (4). С. 29–41.
4. Зубарева Е. О. Парадигматическое микрополе как компонент концептуального поля (на примере концепта *МИГРАЦИЯ*) // Современная наука: Актуальные проблемы

теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 9 (2). С. 149–152.

5. Ерофеева Е. В., Белоусов К. И. Семантические модели актуальных представлений о России (на материале психолингвистических экспериментов разных типов) // Политическая лингвистика. 2015. № 3 (53). С. 80–90.

6. Хаперская А. Ю., Шенсин Дж. Трудности учебной деятельности детей-мигрантов в Италии // Электронный журнал. Современная зарубежная психология. 2019, Т. 8. № 1. С. 56–63.

7. Шустова С. В., Исаева Е. В. Миграционная лингвистика: становление и развитие // Миграционная лингвистика в современной научной парадигме. Коллективная монография / Зубарева Е. О., Исаева Е. В., Иценко А. В., Костева В. М., Мощанская Е. Ю., Шустова С. В. / Научный редактор доктор филологических наук, профессор Т. И. Ерофеева; Пермь: Пермский гос. нац. иссл. ун-т, 2019. 5–64 с.

8. Gugenberger E. Theorie und Empirie der Migrationslinguistik. Mit einer Studie zu den Galicien und Galicierinnen in Argentinien. Austria: Forschung und Wissenschaft. Literatur und Sprachwissenschaft. B. 21. LiT Verlag. AG GmbH&Co.KG. Wien. 2018. URL: <https://www.google.com/search?tbm=bks&q=Migrationslinguistik> (дата обращения: 03.12.2019).

9. Krefeld Th. Einführung in die Migrationslinguistik. Von der Germania italiana in die Romania multipla. Gunter Narr Verlag. Tübingen. 2004. URL: <https://www.google.com/search?tbm=bks&q=Migrationslinguistik> (дата обращения: 03.12.2019).

10. Stehl Th. Sprache und Diskurse als Träger und Mittler mobiler Kulturen. Kommunikative Aspekte // Sprachen in mobilisierten Kulturen: Aspekte der Migrationslinguistik. Universitäts Verlag Potsdam, 2011. Hrsg. von Stehl, N. Franz, R. Kunow. S. 39–55.

Костева В. М.

*доктор филологических наук,
профессор кафедры общего и сравнительного языкознания,
Московский государственный лингвистический университет*

МИГРАЦИЯ В ТРУДАХ Н. Я. МАРРА – ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ

Вопросы миграции в работах Н. Я. Марра занимают не самое большое место, тем не менее, нам показалось довольно интересным проследить отношение к этому понятию в научной парадигме советского языкознания, господствующей на протяжении нескольких десятилетий.

В современных научных источниках тема миграции в концепции Н. Я. Марра освещена довольно скупо, чаще всего мы можем прочесть, что Н. Я. Марр отрицал значение миграций, при этом какого-либо подробного анализа причин такого положения дел в современной литературе по языкознанию мы не нашли.

Обращение к энциклопедическим источникам также не принесло ожидаемых результатов, только в «Советской исторической энциклопедии», в последнем абзаце статьи «Марр» указано, что: «Взгляды М. в области лингвистики оказали влияние и на развитие археологии и этнографии. Этнич. различия он смешивал с классовыми. Его последователи утверждали, что смена археол. культур на одной и той же терр. всегда отражает стадии местного (автохтонного) развития и отрицали миграции народов» [Монгайт, URL: [https:// rus-sov-istoria-enc.slovaronline.com](https://rus-sov-istoria-enc.slovaronline.com)]. Интересным нам представляется указание на тот факт, что последователи Н. Я. Марра отрицали миграции народов, но нет упоминания того, что это делал сам Н. Я. Марр.

Для нашего анализа мы использовали Полное собрание сочинений Н. Я. Марра, выпущенного в период с 1933 г. по 1935 гг. в пяти томах. В каждом из них присутствует разное количество страниц, связанных с понятием миграции (1 том – 20 страниц, 2 том – 12 страниц, 3 том – 5 страниц, 4 том – 19 страниц, 5 том – 21 страница). Для поиска необходимой информации мы использовали «Предметный указатель», размещенный в каждом из томов, ключевое слово «миграции (переселение)».

Сразу обращает на себя внимание тот факт, что в основном Н. Я. Марр использует слово миграция во множественном числе, как, собственно, это и представлено в Предметном указателе. В самих текстах Н. Я. Марра мы встречаем, например, такие выражения, как «вопрос о миграциях яфетических языков, о путях этих миграций» [Марр, 1933, с. 102].

Тем не менее, в других статьях, представленных в Полном собрании сочинений можно встретить и единственное число существительного миграция, например, «миграция яфетидов» [Марр, 1933, с.111], «миграция исторической эпохи» [Там же, с. 114] или «миграция слова» [Марр, 1934, с. 208; 1935, с. 141]. Кроме этого существительное «миграция» и образованное от нее прилагательное «миграционный» выступает в таких словосочетаниях как «миграционные волны» [Марр, 1933, с. 107], «миграционное движение яфетидов» [Там же, с. 110], которому придается значение скорости и быстроты: «Миграционное движение неслось» [Марр, 1935, с. 17] или «налетавшая миграция» [Марр, 1937, с. 230]. Ставя знак равенства между миграциями и переселением или передвижением, Н. Я. Марр наделяет эти лексемы таким эпитетом, как «великое» («великое переселение через Кавказ» [Марр, 1933, с. 67]), говорит об «эпохе переселения народов».

Отметим, что в работах Н. Я. Марра используются и другие синонимические словосочетания, например, «переселенческий путь» [Там же, с. 119].

Говоря о передвижении, Н. Я. Марр подчеркивает идею его длительности («длительное движение на Север» [Там же, с. 68]) и системности, например, «система общего великого передвижения многочисленных яфетических племен и народов» [Там же, с. 75], в которую входили передвижения отдельных народов, например, абхазов, про которое Н. Я. Марр писал, что оно «не представляло сегаратного (очевидно, опечатка, сепаратное – В. К.) одинокого явления» [Там же, с. 75].

Говоря о природе миграции, Н. Я. Марр относит ее к внешнему проявлению, примером чего может служить такое высказывание, как «внешние факторы *как миграции*» [Там же, с. 305]. В четвертом томе сочинений мы снова находим данную связку: «племенное образование вместе с его речью трактовалось как массив с источником общения также внешнего порядка, также *вне себя* (миграция)» [Марр, 1937, с. 201] (разрядка наша – В. К.).

В статье «Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык» Н. Я. Марр подчеркивает стихийный характер миграционных процессов: «миграции стихийно сорвавшихся с насиженных мест по внешним причинам» [Марр, 1933, с. 288].

В статье «Термины из абхазо-русских этнических связях. «Лошадь» и «тризна»» мы находим четкое определение миграции [Марр, 1935, с. 151]: «Миграция в смысле обычного совершенно законного на своем месте восприятия переселения народов в исторические эпохи».

Постепенно развивая свою концепцию, Н. Я. Марр начинает отказываться от теории миграции как о факторе лингвистических изменений. Так, продолжая тему яфетических языков в статье «Яфетический Кавказ и третий этнический элемент», Н. Я. Марр говорит о «лингвистическом микрокосме», возникновение которого нельзя объяснить «переселенческими движениями» различных народов» [Марр, 1933, с. 102].

В своих дальнейших рассуждениях о распространении языка яфетидов, Н. Я. Марр увязывает этот процесс с миграционным движением яфетидов на Запад, территориально это движение

началось в пределах Армении. Но Н. Я. Марр подчеркивает, что это движение средневековых армян «не относится к переселению народов этногонического значения». Как он объясняет далее: «Это – миграция исторической эпохи, совершавшаяся в культурно-исторических путях» [Там же, с. 110].

Таким образом, мы можем наблюдать две составляющие понятия миграций, а именно: миграции в культурно-историческом контексте или имеющих «культурно-историческое значение» [Там же, с. 117] и миграции в этногоническом контексте, то есть «связанные с происхождением, этническим составом и этнической историей отдельных народов их различных групп, племен, родов, а также более мелких подразделений, входящих в состав крупных этнических единиц или объединений» [Абрамзон, 1975, с. 28]. Использование миграций в качестве причины изменений для лингвистики является, по мнению Н. Я. Марра, неправомерным.

Отметим, что миграции в культурно-историческом и в лингвистическом контекстах в концепции ученого довольно часто переплетаются друг с другом. Так, например, Н. Я. Марр связывает решение вопроса «о миграции человечества», в частности о первоначальной родине яфетического племени с решением такой лингвистической проблемы, как «проблемы сродства кавказских языков с языками Средней Азии и Дальнего Востока», определяется ли оно «типологическими нормами или оно включает и материальное родство морфологических воплощений, как в отношении средиземноморского населения» [Марр, 1933, с. 117].

Обращаясь к вопросу о развитии исторической науки, Марр вновь поднимает тему миграций, на этот раз уже упрекая историю в том, что она при решении поставленных задач не выходила «из круга влияний миграций и влияний, заимствований, как основных факторов в постановке генетических проблем» [Марр 1934, с. 154]. Полагаем, что это высказывание является отражением перехода Н. Я. Марра к автохтонной теории и намерением представить преимущества

создаваемого им метода для исследования генетического родства языков, а также превращения его в метод исторических исследований.

Любопытно, что триаду «миграции – влияния – заимствования» Н. Я. Марр повторяет несколько раз, например, в статье «Борьба классов в грузинских версиях евангельского текста», где подчеркивает, что история культурных взаимоотношений народов исчерпываются тем, что могут дать «миграции, заимствования и влияния» [Там же, с. 352].

Продолжая тему миграции яфетидов, Н. Я. Марр усматривает причину их переселения в материальной культуре, а именно: «наличии знания вещества металлургической жизни», полагая, что движение яфетидов началось «после исчерпания залежей руд на своих территориях или их недостаточно хорошего качества». Эти предполагаемые причины позволяют Н. Я. Марру сделать вывод о том, что это была эпоха не великого переселения народов, а великого расселения яфетического племени» [Марр, 1933, с. 119]. При этом Н. Я. Марр производит несколько довольно важных замен своего терминологического аппарата, в том числе, народ – яфетическое племя и переселение – расселение. Таким образом, Н. Я. Марр придает миграции как культурно-историческому явлению уже иное значение, а именно – расширение, а не как ранее – движение в определенную сторону.

Известно, что Н. Я. Марр несколько раз пересматривал свою концепцию, меняя взгляд на то или иное явление и находя каждый раз новое объяснение тому или иному факту. Такому же пересмотру подверглось понятие миграции. Так, в «Предисловии к классифицированному перечню печатных работ по яфетидологии» Н. Я. Марр, объясняя свою новую точку зрения, говорит о некоем переломе в вопросе о миграциях (переселениях), случившимся между 1920 и 1923 гг., и сообщает читателю, что теперь речь не идет «об исходе яфетидов вообще, равно как и басков с Кавказа». И далее: «Постепенно

упрочивается и упорядочивается для подлинно доисторических эпох классово недифференцированная и неразделенная «экспансия», вместо миграции характер переселения исторических эпох» [Марр, 1933, с. 124]. Также и в статьях третьего тома Марр, применяя понятие миграции к яфетидам, признает свою прежнюю идею утопической [Марр, 1934, с. 4]. Таким образом, думается, что можно говорить о переосмыслении Н. Я. Марром понятия миграции как о движении в определенном направлении, но нельзя говорить об отрицании им такого процесса вообще.

Во втором томе Полного собрания сочинений размещены работы, в которых Н. Я. Марр продолжает выступать с критикой против объяснения лингвистических процессов миграцией. Указав на доклад И. И. Мещанинова, Н. Я. Марр вновь говорит о том, что «миграцией не решить ни одного генетического вопроса, аналогично тому, как ставка археологов на миграцию завела их в тупик» [Марр, 1936, с. 14].

Отсутствие приоритетного значения миграции в исторических и лингвистических исследованиях подчеркивается Н. Я. Марром в «Общем курсе учения об языке», где он пишет, в частности, о том, что для объяснения общности терминов первобытной культуры разных народов «не помогут ни миграции обычного типа, ни заимствования» [Марр, 1936, с. 106-107].

Неприемлемость миграции как фактора развития языков особенно четко проявилась в марровской стадияльной теории развития языков, например, в следующем высказывании Н. Я. Марра: «К 1924 году выкристаллизовывается положение, что индоевропейские языки не привнос¹ миграции говорящих на них народов, а вклад новой стадии, новейшей в развитии языков первоначального населения» [Там же, с. 440].

Однако в концепции Н. Я. Марра мы не находим полного отказа от термина миграции. В упомянутой выше работе мы встречаемся с новым словосочетанием парадигмы миграции –

¹ Цитата сохранена.

«иммиграция в контексте переселенческих движений» [Марр, 1936, с. 76].

Наибольшее количество статей с упоминанием миграции / миграций приходится на пятый том, в котором собраны статьи на тему языка и общества.

Наиболее интересным представляется положение о том, что важен вопрос «о роли миграции, когда она действительно имела место, в деле распространения относящихся к той или иной культуре памятников, в деле правильного подхода к разным переплетающимися сетям распределения каждого типа. Миграция всего народа донизу это как норма – иллюзия, во всяком случае легкость миграции одних классов сравнительно с другими, если даже не иметь в виду торговцев, не подлежит никакому сравнению» [Марр, 1935, с. 315]. Важными являются новые мысли Н. Я. Марра о монолитности миграции, о ее классовом характере.

Очевидно, что, говоря о классах, Н. Я. Марр не имеет в виду классы в политическом значении. В ряде исследований о марризме мы находим утверждение о том, что под классами Н. Я. Марр понимал не столько класс в марксистском понимании термина, сколько некую социальную группу. На это, в частности, указывает Н. С. Чемоданов в дискуссионной статье «Пути развития советского языкознания» [Чемоданов, 1950, с. 3]. О. Лещак, Ю. Ситько [Лещак, Ситько, 2008] в качестве доказательства приводят следующее высказывание Н. Я. Марра: «...Вы имеете в виду марксистское понимание класса. Но, конечно, я не имею в виду такого как сейчас определения класса, когда говорю «класс»... Я ищу термин, и никто не может мне его указать. Когда есть организация коллективная, основанная не на крови, то здесь я употреблял термин «класс»... вот в чем дело... Я брал этот термин «класс» и употреблял в ином значении, отчего его не употреблять? Таково действительное положение, а не желание противопоставить мои «классы» классам в их марксистки установленном понимании» [Марр, 1932, с. 39].

В данном высказывании, очевидно, прочитывается социологическая направленность определения класса, когда класс уподобляется коллективу или определенной группе людей, связанных какой-либо общей деятельностью. С этой точки зрения можно по-иному взглянуть и на другие высказывания Н. Я. Марра: «... нет языка, который не был бы классовым, и, следовательно, нет мышления, которое не было бы классовым» [Марр, 1934, с. 91], или «... Яфетидология отвергает существование неклассовых языков; все языки, в их числе и национальные языки Европы и Кавказа, – еще раз повторяем, классовые, притом классовые не в последнюю очередь, а – прежде всего». «Но главное, яфетидология иной подход к изучению языка, как к речи классовой, считает неприемлемым» [Марр, 1932, с. 19].

Иными словами, «классовость» языка можно рассматривать как совокупность социолектов, а изучение классовой позволяет отождествлять ее с социальной дифференциацией языка.

С другой стороны, некоторые из высказываний действительно подразумевают идеологическую наполняемость, например: «язык – орудие классовой борьбы» [Марр, 1934, с. 90]. В этом случае мы усматриваем конъюктурность высказываний, по типу лозунга на злобу дня.

Сравнение с оружием присутствует в высказывании Н. Я. Марра о миграциях, например, «миграционное движение как орудие» [Марр, 1935, с. 17].

Дополнительным подтверждением ограниченного действия фактора миграций в лингвистике является следующая цитата: «Но разве миграция может нам помочь, когда рядом с абхазо-египетской встречей в терминологии мы имеем связь русско-средиземноморскую, опять на почве яфетической терминологии», задается вопросом Н. Я. Марр.

Работая в русле нарративной лингвоисториографии, мы обратились к работам приверженцев, последователей и учеников Н. Я. Марра.

Известная в свое время исследовательница жизни и творчества Н. Я. Марра В. А. Миханкова, выпустившая книгу «Николай Яковлевич Марр», пережившей несколько переизданий, так писала об отношении Н. Я. Марра к миграции: «Стоя на позициях старой науки и разделяя традиционные положения о расовых семьях языков, о миграциях, приносивших новые культуры, Марр расходился и на том этапе в вопросе о миграциях с общепринятым положением» [Миханкова, 1949, с. 105]. Думается, что автор несколько упрощает теорию Н. Я. Марра в отношении миграции, представляя его как революционера, новатора лингвистики, отринувшего абсолютно все существовавшие теории. При этом сама автор со всей очевидностью говорит о миграциях в культурно-историческом плане.

В дальнейшем, описывая отношение Н. Я. Марра к миграции, Миханкова упоминает программу «петербургского кавказоведения», по ее мнению, – «смело опрокидывающее традиционные построения, но все еще не расставшегося с не менее ошибочным признанием решающего значения переселений и смены народов, появления индоевропейцев» [Миханкова, 1949, с. 234]. Считаем, что здесь автор поддерживает марровскую теорию автохтонности, что было довольно популярным в 1930–е гг. прошлого века.

Тема миграций в концепции Н. Я. Марра нашла свое отражение в ряде работ советских ученых-лингвистов. Отметим, однако, что эта тема, как ни странно, была обойдена в работах В. Б. Аптекаря и Л. Г. Башинджагяна – наиболее приближенных людей Н. Я. Марра. Предполагаем, что при продвижении теории Н. Я. Марра тема миграции была не столь актуальна, как, например, вопросы о четырехэлементном анализе или яфетическая теория в целом как воплощение марксистской лингвистики.

Единомышленица Н. Я. Марра О. М. Фрейденберг, отмечала следующее: «Я вполне согласна с Марром, что традиция складывается не посредством перебросов от одной культуры к чужой другой («заимствование», «миграция»,

«влияние»)), а изнутри народа, через различные истолкования одних и тех же культурных наследий» и далее: «и миграции, и отдельные заимствования, и войны имели несомненное место в ранней истории античных народов; но это не решающий фактор, и не фактор вообще, который следует серьезно принимать в расчет. Напротив, все данные новейшей науки – антропологии, археологии, этнографии, лингвистики, истории – показывают, что человечество, и в том числе античные народы, переживали процесс органического роста, который шел внутренними, органическими путями, рождавшими соответственные внешние формы» [Фрейденберг, 1998, с.19–20].

В этом высказывании прочитывается явная связь миграции и культуры, но при этом автор не наделяет миграцию практически никаким значением в развитии общей истории развития народов и культур, считая ее лишь внешней причиной культурных изменений. Отметим также повторение марровской триады «миграции – влияния – заимствования».

Несколько иное прочтение отношения Н. Я. Марра к миграции мы можем найти в статье М. А. Азадовского, написанной к 25 летней годовщине смерти Н. Я. Марра, где можно найти следующее толкование понятия миграции у Марра в приложении к фольклористике: «Таким образом, определяется отношение к центральной проблеме мировой фольклористики – проблеме и теории миграции. Конечно, ни Н. Я. Марр и никто из его подлинных учеников не думали отрицать факта самих переселений или культурных влияний и взаимодействий» [Азадовский, 1935, с. 12]. И далее: «Отрицается не факт культурных взаимодействий, но отрицается теория миграций, отрицается постановка этой проблемы в том виде, как она сложилась и как господствует сейчас в западноевропейской науке» [Азадовский, 1935, с. 13]. Таким образом, М. А. Азадовский видит причину неприятия Н. Я. Марром миграций в западной теории миграций.

Отметим, что теория миграции, в рамках которой «только и объяснялись все процессы становления исторических наций и народов» [Виноградов, 2019, с. 109], подвергалась критике со

стороны многих советских филологов той эпохи. Ее основной недостаток заключался в том, что, «не снимая сомнительной гипотезы о единственно точечном центре индоевропейского прамира, она умышленно обходит трудности, создаваемые необычайной широтой распространения индоевропейских языков и индоевропейских культур» [Там же, с. 110].

Выдающийся русский языковед И.И. Мещанинов посвятил данной теме особую статью «Теория миграции и археология», в которой ученый дал следующую оценку данной теории: «Теория миграций», в ее обычном понимании, стоит в несомненной связи с определенным мировоззрением, сковавшим научную мысль даже выдающихся деятелей науки прошлого века. Эта теория остается действующею и по сей день. Она основана на в корне неверном представлении об изначальном расовом делении человечества, выдвинувшем теорию об искони одаренном творческом началом антропологическом типе. Отсюда идет невольное увлечение избранным расовым отрезком и приписывание ему чуть ли не всех наблюдаемых изменений в историческом процессе» [Мещанинов, 1931, с. 34].

Недостатки теории миграций, с одной стороны, и стремление противопоставить свою концепцию западной науке, привели Н. Я. Марра к теории автохтонности и к появлению в его работах таких фигур, как автохтоны. Именно автохтонность, по мнению Ф. Бертрана «является одним из столпов яфетидологии» [Бертран, 2003, с. 99].

Возвращаясь к вопросу о том, отрицали ли сторонники Н.Я. Марра миграции, приведем следующие высказывания И. И. Мещанинова: «Ни один яфетидолог не будет отрицать самого факта миграции, тем более, что наличие переселений засвидетельствовано историею. И, конечно, мы не будем отрицать того, что переселения накладывали свой отпечаток на ход культурного развития на месте» [Мещанинов, 1931, с. 34].

Возникшую дилемму И. И. Мещанинов объясняет следующим образом: «При таком положении, казалось бы, что и яфетидологи признают обычное толкование миграционной

теории? С таким выводом торопиться не будем. Яфетидология не отрицает переселений, но не признает миграционной теории в том ее виде, в каком она сложилась, и с тем содержанием, которое в нее вкладывается. Миграционная теория, в существующем ее понимании, покоится на смене рас. Взамен одного, имеющегося на месте, она приносит другое, как заменяющее первое. Миграционная теория несет смену стабильных форм и этою сменой пытается объяснить процесс трансформационного движения. С таким объяснением яфетидология решительно не согласна» [Мещанинов, 1931, с. 37].

Приведем еще одно высказывание И. И. Мещанинова: «Выводы миграционной теории представляют исторический процесс в упрощенном виде. Этою теориею вовсе не затрагивается вопрос о причинах переселенческого движения, о происшедшем столкновении разноречивых норм пришлого и местного, о новых условиях, в которые попадают нормы, возвращенные на иной почве. Другими словами, нет никаких попыток к учету диалектического процесса, а в результате признается, что принесенная форма является безукоризненно точным повторением уже существующей в другом месте. Именно это и противоречит всему ходу исторического процесса, проводящего качественное видоизменение даже в передвигающихся массивах» [Мещанинов, 1931, с. 37].

Говоря причинах превращения концепции Н. Я. Марра в доминирующее направление советского языкознания, мы можем отметить востребованность его идей, среди которых были:

- неприятие дореволюционной лингвистики («индоевропеистики»);
- неприятие или настороженное отношение к современной на тот момент западной лингвистике;
- наличие классовости языка и мышления;
- устремление в будущее;
- тесная связь с историей.

Учитывая вышеуказанные аспекты, мы склонны рассматривать рассуждения Н. Я. Марра о миграциях как продолжение его борьбы с индоевропейским языкознанием, с одной стороны, и

борьбой с западными лингвистическими теориями, с другой стороны. Представляется также, что это была попытка продвинуть свою научную концепцию, противопоставив свои собственные методы методам, общепризнанным в языковедческой науке, и придав ей, таким образом, новаторский характер. При этом нельзя говорить о том, что Н. Я. Марр, его сторонники и последователи отрицали значение миграций вообще. Как видно из представленной статьи, речь шла о их релевантности для культурно-исторического процесса.

Думается, что этот небольшой экскурс в историю может положить начало исследованиям миграций в истории общего языкознания, что представляется необходимым для осознания роли миграции в настоящее время.

Список литературы

1. Абрамзон С. М., Потапов Л. П. Народная этногония как один из источников для изучения этнической и социальной истории (на материале тюркоязычных кочевников) // Советская этнография. 1975. № 6. С. 28–41.
2. Азадовский, М. К. Памяти Н. Я. Марра (1864–1934) // Советский фольклор. 1935. № 2–3. С. 5–20.
3. Бертран Ф. Наука без объекта? Советская этнография 1920–1930-х гг. и вопросы этнической категоризации // Журнал социологии и социальной антропологии, 2003. Том IV. № 3. С.90–104.
4. Виноградов В. А. О реконструкции протоязыковых состояний // Статьи по общему языкознанию, компаративистике, типологии. Серия «Studia philologica». Litres, 2019. С. 101–163.
5. Лещак О. В., Ситько Ю. Л. Н. Я. Марр и функциональный прагматизм: опыт сопоставительного методологического анализа // Respectus Philologus. 2008. № 13 (8). С. 92–103.
6. Марр Н. Я. Избранные работы в 5 т. Ленинград: ГАИМК, 1933. Т. 1: Этапы развития яфетической теории. 537 с.
7. Марр Н. Я. Избранные работы в 5 т. Ленинград: ГСЭИ, 1936. Т. 2: Основные вопросы языкознания. 537 с.

8. Марр Н. Я. Избранные работы в 5 т. Ленинград: ГСЭИ, 1934. Т. 3: Язык и общество. 442 с.
9. Марр Н. Я. Избранные работы в 5 т. Ленинград: ГСЭИ, 1937. Т. 4: Основные вопросы языка. 330 с.
10. Марр Н.Я. Избранные работы в 5 т. Ленинград: ГСЭИ, 1935. Т. 5: Этно: и глоттогония восточной Европы. 689 с.
11. Марр Н. Я. К бакинской дискуссии о яфетидологии и марксизме. Баку, 1932. 46 с.
12. Мещанинов И. И. «Теория миграции и археология» / И.И. Мещанинов. Сообщения ГАИМК. 1931. № 9–10. С. 33–39.
13. Миханкова В. А. Николай Яковлевич Марр: Очерк его жизни и научной деятельности. Москва; Ленинград: АН СССР, 1949. 555 с.
14. Монгайт А. Л. Марр // Советская историческая энциклопедия», Электронный ресурс, дата обращения 1 ноября 2019 г. <https://rus-sov-istoria-enc.slovaronline.com/11169-%D0%9C%D0%90%D0%A0%D0%A0> (дата обращения: 12.11.2019).
15. Чемоданов Н. С. Пути развития советского языкознания. Дискуссия по вопросам языкознания // Правда. 1950. № 143. С. 3.
16. Фрейденберг, О. М. Миф и литература древности М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. 800 с.

Мощанская Е. Ю.

*Кандидат педагогических наук, доцент,
Пермский национальный исследовательский
политехнический университет*

УСТНЫЙ ПЕРЕВОД В МИГРАЦИОННОМ ДИСКУРСИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ, ДИДАКТИКА

Миграционный дискурс

Сфера письменного и устного общения мигрантов с общественными институтами и обществом в целом, а также устные и письменные произведения о мигрантах образуют миграционный дискурс. Большинство лингвистов понимает миграционный дискурс как разновидность социальных практик, «поскольку его формируют социальные структуры и социальные агенты» [Зубарева, 2018, с. 31]. Е. О. Зубарева в своем определении отмечает идеологическую направленность миграционного дискурса: последний представляет собой «идеологический конструкт, помощью которого формируется определённая позиция общества и отношение к мигрантам и миграционной политике в целом» [Там же, с. 28]. Мы трактуем миграционный дискурс как гибридный личностно-ориентированный & институциональный вид дискурса, в фокусе которого находятся мигранты как этническое меньшинство и представители иной культуры. Нас интересует в первую очередь устный институциональный вид миграционного дискурса, ибо именно в рамках этого дискурса осуществляется социальный перевод.

Характеристика специфики общения в рамках миграционного дискурса может быть представлена посредством анализа его компонентов:

1) участники общения (статусно-ролевые и ситуативно-коммуникативные характеристики);

- 2) условия общения (пресуппозиции, сфера общения, хронотоп, коммуникативная среда);
- 3) организация общения (мотивы, цели и стратегии и т.д.);
- 4) способы общения (канал и режим, тональность, стиль и жанр общения) [Карасик, 1998, с. 126].
- 5) ценностные принципы общения.

Обратимся к категории *участники общения*. В юридической сфере к категории субъектов миграционных отношений относят иностранных граждан и лиц без гражданства, которые находятся на территории принимающего государства, и представителей «государственных органов исполнительной власти, работающих с мигрантами по долгу службы» [Сенченко, Богданов, 2017]. Категория мигрантов делится в свою очередь на вынужденных переселенцев, которые «продолжают оставаться гражданами данного государства, не покидают его территорию и не утрачивают свои права на социальную поддержку» и беженцев, утративших защиту собственной страны и вынужденных искать ее на территории чужого государства [Кручек, 2017, с. 142].

Среди субъектов миграционного дискурса выделяются две категории: агенты первичной социализации – ближайшее окружение – семья, родители, друзья, родственники, учителя, и участники вторичной социализации – люди, связанные формально-деловыми отношениями (руководители учреждений, официальные представители государства и его органов, иммиграционная служба, управление по вопросам миграции и др.) [Krefeld, 2004; Шустова, 2018, с. 121]. В случае общения представителей организаций с мигрантами мы наблюдаем асимметричные отношения, обусловленные различными статусами участников, уровнем знаний и компетенций.

Мотивы, цели и стратегии общения мигрантов и представителей социальных организаций могут совпадать полностью или частично. Степень совпадения целей общения зависит от сферы общения. Если в медицинской сфере эти цели, как правило, совпадают: и врачи, и пациенты, стремятся к постановке верного диагноза и организации / получении адекватного диагноза лечения, – то в юридической сфере цели общения и взаимодействия

участников могут значительно различаться. В Министерстве внутренних дел или ведомстве по вопросам иностранцев в ходе процедуры признания беженцем обе стороны обсуждают возможность получения / предоставления статуса мигранта, однако целью представителей правовых и социальных органов является выявление объективности сведений, предоставляемых мигрантами, в том числе и причин, побудивших к выезду в другую страну. В то время как мигранты стремятся получить необходимые разрешительные документы, в некоторых случаях фальсифицируя или утаивая истинные данные. К специфическим стратегиям миграционного дискурса относим разъяснение, регулирование, регламентацию, контроль, предписание, предостережение и так далее.

Условия общения (*хронотоп*) определяются видом дискурса и конкретной ситуацией. В рамках личностно-ориентированного дискурса общение происходит в жилых помещениях, на улице и так далее, как правило, на бытовые темы. Коммуникация в организациях обусловлена нормами законодательства и культуры, проходит по определенному сценарию, носит опосредованный, в некоторых случаях эмоциогенный и / или конфликтогенный характер вследствие недостаточно сформированных языковых и культурных компетенций мигрантов. Способы общения в государственных органах исполнительной власти и социальных организациях можно разделить на прямые (непосредственные контакты между представителями организаций и мигрантами в форме диалога) и опосредованные (документооборот, телефонные разговоры) контакты.

Ценности миграционного дискурса зависят от мотивации и потребностей участников. Со стороны мигрантов ценности могут иметь противоположную направленность: стремление адаптироваться в принимающей стране и принять ее культуру либо игнорировать культуру титульной нации (насаждать свою культуру), создать анклав, расширять и укреплять вероисповедание своей страны [Шустова, 2018, с. 16]. Ценности представителей принимающей стороны варьируются в зависимости от культуры, сферы и ситуации общения. Миграционный дискурс, таким

образом, является разновидностью социальных практик как между отдельными представителями социума, одна часть которых принадлежит к категории мигрантов, так и между мигрантами и социальными институтами. В рамках институционального миграционного дискурса преобладают ассиметричные отношения. Степень расхождения целей и стратегий общения мигрантов и представителей организаций предопределена сферой общения.

Устный перевод в административно-социальной сфере

В связи с тем, что мигранты, как правило, плохо владеют языком и не знакомы с культурой принимающей страны, общение опосредовано переводом. Понятие перевода в административно-социальной сфере институционального дискурса (англ. Community Interpreting, нем. Kommunaldolmetschen) появилось в 80-х гг. в Великобритании. В настоящее время данный тип перевода¹ является предметом внимания ученых разных стран (F. Pöchhaker, S. Pöllabauer, V. Ahamer – Австрия; S. Bahadır – Германия; C. Baraldy – Италия, A. Bischoff, E. Kurt – Швейцария и т.д.).

Обратимся к дефиниции перевода в административно-социальной сфере. R. Roberts, акцентируя правовой аспект названного перевода, трактует его как «тип устного перевода с целью оказания помощи тем мигрантам, которые не являются носителями языка для получения полного и равного доступа к законодательно установленным услугам (юридические услуги, здравоохранение, образование, местное самоуправление, социальные службы)» [Roberts, 1997, p. 8]. S. Pöllabauer предлагает дефиницию с точки зрения социокультурного подхода: «Под административно-социальным переводом понимаются переводческие услуги людям, которые не полностью или совсем не понимают языка принимающей страны и большей частью относятся к иной культуре нежели большинство жителей этой

¹ Для данного типа перевода в России нет единого термина. В профессиональном сообществе употребляются термины коммунальный, социальный, ведомственный перевод и т.д. Мы предлагаем термин административно-социальный перевод, отражающий специфику специального институционального перевода в этой сфере.

страны. Подвиды такого перевода определяются организациями, в которых он осуществляется, а именно школы, полиция, больницы, ведомства по делам беженцев и так далее» [Pöllabauer, 2002, S. 287]. С. Wadensjö, напротив, описывает специфику этого вида перевода: «административно-социальный перевод является обычно двусторонним, то есть один и тот же переводчик работает с двумя языками. Как правило, он переводит последовательно, после того, как субъект общения сделал высказывание, реплика за репликой. Этот вид перевода включает как ситуации ви-за-ви, так и разговор по телефону. В качестве подвидов такого перевода выступают перевод в сфере здравоохранения, психотерапии, образования, социальных услуг и юридической сфере [Wadensjö, 1998, p. 49].

Анализ определений административно-социального перевода [Roberts, 1997; Pöllabauer, 2002; Wadensjö, 2002] показывает, что в дефинициях находит отражение специфика клиентов миграционного дискурса (недостаточное знание или полное незнание языка и культуры), используемая техника перевода (устный последовательный абзацно-фразовый перевод) и его подвиды (перевод в сфере здравоохранения, психотерапии, образования, социальных услуг и в юридической сфере).

На основе анализа определений Б. Апфельбаум предлагает схему типичных контекстов и сфер применения административно-социального перевода [Apfelbaum, 2004, S. 39].

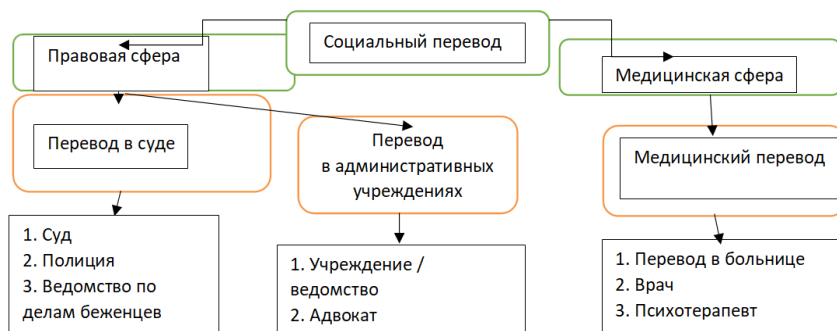

Рис. 1. Понятийное поле термина «Административно-социальный перевод» (по Б. Апфельбаум)

Однако в вопросе принадлежности тех или иных сфер общения к административно-социальному переводу у западных ученых нет единства. F. Röchhacker, исследуя проблему включения юридического перевода в его состав, подчеркивает, что многообразие мнений объясняется разницей в трактовке понятия «законодательно установленные юридические услуги»: в Австралии, Великобритании и Швеции перевод в суде рассматривается как разновидность административно-социального перевода, в то время как в Северной Америке и большинстве европейских стран он является самостоятельным видом перевода.

Последнее объясняется различием требований, предъявляемых к переводчику: для перевода в суде требуется дословная точность и беспристрастность, в то время как в рамках социального перевода переводчик выполняет роль «помощника» и «защитника» [Röchhacker, 2007, S. 37–38].

Административно-социальный перевод, таким образом, это – устный последовательный двусторонний перевод в административной / социальной сфере (административной, медицинской или юридической) с целью оказания помощи / регуляции действий мигрантов, беженцев, не владеющих или недостаточно владеющих официальным языком принимающей страны, обладающих недостаточными знаниями о культуре, специфике и нормах поведения в административно-социальных учреждениях.

В России административно-социальный вид перевода находится в процессе становления и является малоизученной областью. Низкий спрос на перевод в этой сфере в России, по мнению Э. Ю. Новиковой, объясняется тем, что большинство мигрантов являются «выходцами из стран-бывших советских республик», которые, как правило, владеют русским языком и редко нуждаются в переводческих услугах [Новикова, 2016, с. 95].

В российском переводоведении, также, как и в европейском, нет единого термина и трактовки административно-социального перевода. И. С. Алексеева, М. А. Никонова используют термин «коммунальный перевод». В определении И. С. Алексеевой

перечисляются подвиды названного перевода и описана роль переводчика: «коммунальный» перевод есть устный перевод «в административных и медицинских учреждениях, а точнее - в социальной, юридической и медицинской областях, где переводчику приходится 1) выступать в качестве эксперта по культурам; 2) в качестве конфликтолога; 3) быть переводчиком на стороне клиента [Алексеева, эл.р.].

В то время, как М. А. Никонова наряду со сферами использования уделяет внимание характеристикам и глобальной цели «коммунального перевода». Коммунальный перевод, по мнению М. А. Никоновой, есть «устный и письменный перевод в сфере медицины и юриспруденции, который во всех случаях рассматривается как процесс преобразования конфиденциальной информации с одного языка на другой, осуществляется с целью полной и точной передачи единицы иностранного языка (ИЯ) на язык перевода (ПЯ), и, тем самым, обеспечивает взаимопонимание и сотрудничество сторон [Никонова, 2016, с.180].

Представители другого направления относят юридический перевод к разновидности специального профессионального перевода (проект профессионального стандарта «Переводчик», разработанный группой переводчиков и преподавателей МГЛУ и НГЛУ им. Н. А. Добролюбова) [Профессиональный стандарт педагогической деятельности].

Таким образом, анализ показал наличие как сходных, так и различающихся суждений в трактовке административно-социального перевода в разных странах.

Проблемы в сфере административно-социального перевода

Проблемы, возникающие в ситуации административно-социального перевода, обусловлены его спецификой: отсутствие или несовершенство законодательных актов, асимметричные взаимоотношения субъектов общения, обусловленные различием в знаниях, статусе, власти; отсутствие / низкий уровень развития профессиональных компетенций переводчика.

Так, в Руководстве по устному переводу в ходе процедуры получения статуса беженца Министерства внутренних дел Австрии указывается, что до сих пор не существует описания функций и обязанностей переводчика этой сферы с правовой точки зрения, а закон об экспертах и переводчиках (*Sachverständigen- und Dolmetschergesetz* =SDG), принятый в 1975 г., регулирует лишь правила принесения ими присяги и процедуру внесения в список допущенных к данному виду перевода переводчиков [SDG, S. 28]. Изменения, внесенные в закон в 2017 году, касаются наличия стажа и образования переводчиков: в требованиях к переводчику записано, что кандидат должен доказать наличие пятилетнего опыта письменного и устного перевода в этой сфере, а в случае, если у него есть диплом об окончании курса перевода в университете общим объемом 240 кредитных пунктов, достаточно двух лет работы [Rechtsinformationssystem]. Подобную же картину наблюдаем в Германии. В Федеральном ведомстве по делам миграции и беженцев нет предписаний, содержащих требования к переводчикам, осуществляющим административно-социальный перевод [Kirst, 2015]. Вместе с тем, на факультете перевода языкознания и культурологии ун-та г. Майнца (Германия) с 2013 г. в рамках магистратуры предлагаются модули по выбору «Специальный устный и письменный перевод» в медицинской, социальной и юридической сферах¹ [Modulhandbuch, 2016].

Подробное описание клиентов, специфики административно-социального перевода и работы переводчиков предлагает S. Pöllabauer. Автор отмечает, что в качестве клиентов выступают мигранты, беженцы и представители других

¹ В качестве альтернативы, по аналогии с *Fachübersetzen* («специальный письменный перевод»), для устного перевода в медицинской, социальной и юридической сферах D. Disdar и S. Bahadır был предложен термин *Fachdolmetschen* – «специальный устный перевод» [ср. Bahadır, 2000], с соответствующим указанием области специализации: «мед.», «соц.» и / или «юр.». собственно, переводческой компетенции), также способностью осуществлять перевод в эмоционально напряженных ситуациях, общаться с клиентами, находящимися в ситуациях психологического давления [Pöllabauer, 2002, S. 292–293].

национальных меньшинств, они, как правило, не знакомы с социальными и культурными конвенциями принимающей страны, поэтому они ведут себя неуверенно и уповают на помощь переводчиков [Pöllabauer, 2002, S. 287]. Представители социальных органов воспринимаются ими как властные структуры, определяющие правила игры, которые должны неукоснительно выполняться. Для представителей организаций, в свою очередь, общение с мигрантами означает столкновение с чуждыми образцами поведения, слом привычных в социуме образцов и схем поведения. Они ожидают от переводчиков комментариев по поводу культурной специфики поведения мигрантов. Переводчики более чем в других видах перевода должны разбираться в правилах и конвенциях взаимодействующих культур, ибо они призваны выстроить «мостик» между культурами [Ibid., S. 292]. Асимметричные властные отношения, а также социокультурный опыт и условия жизни клиентов являются вызовом для переводчиков [Ibid., S. 287]. Специфика административно-социального перевода, по мнению S. Pöllabauer, состоит в том, что 1) переводчики работают с языками меньшинств; 2) имеют дело с широким спектром языковых регистров и стилей; 3) работают в технике последовательного двустороннего перевода, хотя в психотерапии, например, используется шушутаж (перевод нашептыванием) либо комбинация шушутажа и последовательного перевода; 4) обладают кроме типичного набора компетенций (языковой, культурной, поисковой тезаурусной = владение терминологической системой предметной области).

На трудности работы переводчика в административно-социальной сфере указывает S. Bahadır: «Устный перевод такого рода, в большинстве случаев представляющий собой работу с мигрантами, не ограничивается лишь передачей информации с одного языка на другой; такая работа связана со сложными межличностными взаимоотношениями и эмоциональной нагрузкой. Переводчик проживает процессы принятия решений, которые требуют от него «полного личного присутствия» – как человека с определённым жизненным опытом, как человека, когда-то просившего предоставления убежища, (сверх)интегрированного

мигранта в третьем поколении или (признанного) политического беженца»...«Переводчик должен осознанно пережить и осмыслить, что означает работа с представителями различных культур, между которыми существует дисбаланс власти, какому риску он подвергается и какую ответственность должен / может / готов нести» [Bahadir, 2008, S. 177].

Проблемы названного вида перевода обусловлены также и тем, что в качестве переводчиков работают родственники, друзья, представители разных профессий, оплата их труда очень низка.

Анализ показал, что переводчик в сфере административно-социального перевода сталкивается с решением множества проблем, обусловленных законодательными, поведенческими, социальными и другими аспектами. Для обеспечения эффективной коммуникации переводчик должен владеть предметными знаниями и знаниями культуры, выступать в качестве профессионального коммуникатора и медиатора в конфликтных ситуациях.

Медицинский дискурс и перевод в устном медицинском дискурсивном пространстве

В. В. Жура определяет устный медицинский дискурс как «совокупность речевых произведений, создаваемых в ходе коммуникации различными представителями социального института медицины и их клиентами (пациентами) в соотнесенности с различными экстралингвистическими факторами, определяющими их порождение» [Жура, 2013, с. 73]. К характерным признакам названного дискурса автор относит асимметричность общения, ритуализированность, интеллектуальность, психологичность, комбинированный тип изложения с использованием различных речевых форм, двухкомпонентность коммуникативной цели и т.д. [Жура, 2008, с. 8].

Е. М. Клещенко подчеркивает асимметрию взаимоотношений участников медицинского дискурса, отмечая что устный институциональный дискурс предполагает статусное

неравноправие врача и пациента, отвечает потребностям в охране здоровья [Клещенко, 2014, с. 6]. Асимметрия взаимоотношений участников медицинского дискурса усиливается в случае, если клиентами становятся мигранты, которые находятся в еще более неравной позиции по отношению к врачам вследствие незнания языка и культурных конвенций, а так же опосредованного характера коммуникации. Исследования голландских ученых показали, что около пятидесяти процентов мигрантов из стран Востока испытывают трудности в общении на голландском языке с поставщиками медицинских услуг [Meeuwesen, Twilt, 2011]. Это означает, что основные потребности этих мигрантов: понять врача и быть понятыми, не удовлетворяются должным образом. Как следствие, они сообщают о более низком уровне понимания, меньше придерживаются предписанного лечения, и менее удовлетворены полученным уходом по сравнению с пациентами, принадлежащими к доминирующей культуре [Harmsen, 2003, р. 11–13]. Качество эмоциональной коммуникации также является неудовлетворительным. Исследования показали, что как врачи, так и пациенты-мигранты проявляют меньше эмпатии друг к другу по сравнению с врачами и пациентами, принадлежащими к доминирующей культуре [Johnson, Roter, Powe, Cooper, 2004; Schouten, Meeuwesen, Harmsen, 2009; Neal, Ali, Atkin, Allgar, Ali, Coleman, 2006], что уменьшает шансы пациентов-мигрантов на оздоровление [Schouten, Schinkel, 2014, р. 23].

Ориентиром для переводчика в медицинской сфере выступает Руководство по медицинскому переводу международной ассоциации устных медицинских переводчиков (англ. International Medical Interpreters Association, IMIA). В Руководстве отмечается, что медицинский переводчик должен хорошо владеть родным и иностранным языком, иметь аналитические способности, а также хорошо понимать культурные особенности тех народов, с языками которых он работает. Наряду с этим он должен владеть медицинской терминологией и уметь пользоваться специальными словарями

[IMIA Guide]. В разделе Этический кодекс международной ассоциации устных медицинских переводчиков изложены требования к этике поведения переводчика. Устные переводчики призваны соблюдать конфиденциальность в отношении любой информации, связанной с выполнением работы для клиентов, выбирать стиль и способ перевода, которые в наиболее точной степени передают содержание и характер речи клиентов, воздерживаться от выполнения работы в условиях, когда семейные или близкие личные отношения влияют на беспристрастность, не предлагать собственного мнения и не давать советы пациентам, выполнять роль защитника интересов пациента и кросс-культурного посредника, предлагая медицинским работникам и пациентам разъяснение культурных различий и традиций только в тех случаях, когда это уместно и необходимо для процесса общения [IMIA Code]. Анализ Руководства показывает, что в нем доминирует типичное представление о нейтральной роли переводчика, за исключением выделения функции защиты интересов пациента и кросс-культурного медиатора.

Вместе с тем, эмпирические исследования A. Bischoff, L. Loutan, R. Allaoui, B. Apfelbaum, S. Bahadir показали, что переводчики в медицинской сфере могут восприниматься как партнеры по коммуникации [Apfelbaum, 2004, S. 46]. Авторы отмечают, что наряду с полным и точным переводом допускаются такие его виды как «перевод, направленный на трансфер между культурами; перевод, нацеленный на поддержку клиента; перевод при котором по согласованию с лечащим персоналом переводчик берет на себя ответственность за терапию» [Apfelbaum, 2004; Bischoff, Loutan, 2000, p. 46]. Переводчик может в некоторых ситуациях выступать от имени пациента, вмешиваться в процесс лечения, давать разъяснения и советы [Allaou, 2005]. По мнению S. Bahadir, переводчики, как межкультурные посредники между представителями медицинских учреждений и мигрантами, не могут быть невидимыми и нейтральными участниками, а наоборот, являются профессионалами, культурная, социальная и

индивидуальная идентичность которых образует третью сторону коммуникативной ситуации [Bahadir, 2008, p. 176].

Одна из проблем перевода в медицинской сфере заключается в том, что в качестве переводчиков работают носители языка, как правило, не имеющие профильного переводческого образования (родственники, друзья и т. д.) [S. Pöllabauer, F. Röchhacker, S. Bahadir и др.]. Известный австрийский теоретик в сфере социального перевода F. Röchhacker в монографии «Устный перевод. Концептуальные основы и дескриптивные исследования» указывал на необходимость разработки норм поведения переводчиков при учете специфики социо-профессиональной сферы их работы, в том числе и результатов опроса пользователей их услуг [Röchhacker, 2007, S. 137]. Автор в сотрудничестве со своими аспирантами провел ряд исследований в сфере медицинского перевода в рамках проекта «Вена – город здоровья». Было опрошено 508 врачей, медсестер и санитаров в 12 больницах г. Вены [Ibid., S. 275]. Результаты исследований показали, что в большинстве случаев в качестве переводчиков выступают дети (73 %) или персонал, занимающийся уборкой помещений (61 %), к основным проблемам перевода опрошенные относят незнание медицинских терминов (90 %), отсутствие предметных знаний (88 %), неясно переданное содержание ответов, что порождает уточняющие вопросы (88 %) [Röchhacker, 2007, S. 160-164]. В целом был сделан вывод о том, что 90% пациентов со слабым знанием языка в больницах нуждаются в услугах переводчика, однако со стороны ответственных организаций не принимается никаких мер по обеспечению адекватных переводческих услуг [Ibid., S. 276].

V. Ahamer, ученица F. Röchhacker, исследовала в рамках диссертационной работы проблемы использования детей в качестве переводчиков в медицинской сфере. Автором были опрошены 42 информанта в возрасте 12–22 лет, живущих в Вене и федеральной земле Австрии Форарльберг. Исследование показало, что все они за исключением одного юноши имели опыт письменного и устного перевода, многие выступали в роли переводчика для матерей, родственников, знакомых, друзей. Дети

называли проблемы, с которыми они сталкивались во время перевода: незнание лексики, вынужденное исполнение несвойственной для них роли взрослого, большая психологическая нагрузка (например, в случае перевода диагноза «рак»), чувство стыда вследствие отсутствия защищенности, недостаточного знания языка родственниками, малого престижа родного языка [Ahamer, 2013]. Анализ показывает, что использование в сфере медицинского перевода переводчиков-непрофессионалов, в том числе и детей, может привести к непоправимым ошибкам в постановке диагноза и лечении, создает травмирующую психику ситуацию, осложняет работу медперсонала.

Перевод в устном медицинском дискурсивном пространстве, таким образом, является сложной коммуникативной деятельностью, направленной на решение задач оказания медицинской помощи пациенту. Переводчик, работающий в сфере медицинского перевода, должен не только в совершенстве знать язык и терминологию, но и понимать медицинские процессы [Ширинян, Шустова, 2018, с. 298]. К трудностям медицинского перевода относятся высокая ответственность, наличие отрицательной информации и негативных эмоций, способность к трансформации некорректной речи пациента & научных высказываний врача [Новикова, 2016, с. 115], владение умениями «прочтения» и толкования невербального поведения пациента. Переводчик в данном виде перевода является участником коммуникации, выступает третьим лицом в триаде, в некоторых ситуациях выполняет функцию поддержки клиента.

Юридический дискурс и перевод в устном юридическом дискурсивном пространстве

Юридический дискурс относится к специальному институциональному дискурсу и направлен на регуляцию социальных отношений. О. В. Косоногова трактует названный дискурс как особый тип институционального дискурса, семиотическое пространство которого характеризуется совокупностью вербальных и невербальных знаков (и их вербальных коррелятов), формирующих различные формы

общения, в которых субъект / объект, адресат / адресант речи (или одна из этих составляющих) имеют отношение к сфере юриспруденции» [Косоногова, 2012, с. 189].

Е. А. Кожемякин рассматривает юридический дискурс как «регламентируемую определенными историческими и социокультурными кодами (традициями) смыслообразующую и воспроизводящую деятельность, направленную на формулирование норм, правовое закрепление (легитимацию), регулирование и контроль общественных отношений» [Кожемякин, 2011, с. 131].

По мнению А. В. Чернышева юридический дискурс обнаруживает в своей категориальной структуре следующие типовые параметры: а) сфера функционирования – область права (юридический дискурс с необходимостью прослеживается везде, где обсуждаются правовые вопросы); б) тема и ведущий мотив – содержание закона и соответствие закону того или иного рассматриваемого события; в) коммуникативная направленность – регулирование общественных отношений (в юридическом дискурсе эту функцию выполняет активно проводимый принцип верховенства закона); г) общая когнитивная специфика – примат фактов над ценностями (как индивидуальными, так и коллективными, сложившимися исторически), стремление к объективной информации, преобладание рационального над эмоциональным) [Чернышев, 2016]. К числу важных характеристик юридического дискурса могут быть отнесены его связь с ценностными системами общества, с политической, религиозной и экономической сферами, значительная историческая и культурная обусловленность [Там же, с. 25].

Характеристику компонентов юридического дискурса с точки зрения коммуникативного подхода предлагает Л. А. Борисова. **Участниками** юридического дискурса являются государство и граждане, при этом государство может быть представлено как различными органами, так и отдельными лицами. **Цель** юридического дискурса заключается в урегулировании правоотношений посредством применения

правовых норм. **Хронотоп** юридического дискурса характеризует условия общения, а именно обстановку правового диалога. В качестве места общения выступают парламент, зал судебных заседаний, кабинет юриста, полицейский участок. Ценности юридического дискурса определяются его целью и выражены в его базовых концептах: «право» и «закон». **Тематика** юридического дискурса отличается широким спектром охватываемых проблем. **Стратегии юридического дискурса** в самом общем виде могут быть представлены как формулирование правовой нормы, ее применение на практике и ее истолкование [Борисова, 2016, с. 135–138]. Стратегии зависят от типа организации, в которой реализуется юридический дискурс. Так, в судебном дискурсе, например, используются такие стратегии как стратегия убеждения, стратегия деструкции (вызвать сомнения в аргументации своего оппонента) и стратегия интерпретации действительности (преуменьшение & преувеличение значимости той или иной информации) [Никифорова, Надобко, 2011, с. 65–67].

Юридический дискурс реализуется в различных правовых организациях в рамках стандартных форм взаимодействия, представлен системой юридических жанров, является уникальным коммуникативным кодом [Махортова, 2016, с. 135–136]. К устным юридическим жанрам относятся, по мнению Т. Ю. Махортовой, допрос, очная ставка, переговоры, юридическая консультация, судебное заседание, судебная речь и т.д. [Махортова, 2016, с. 135]. Многообразие юридического языка с учетом сфер юридической деятельности описывает В. Otto:

- 1) Язык законов: общие абстрактные правовые нормы, предназначенные законодателем для юристов и не юристов;
- 2) Язык судебных решений;
- 3) Язык юридической науки и экспертиз: комментарии и обсуждения специальных вопросов специалистами для специалистов;
- 4) Язык ведомственного письменного общения: формуляры, памятки, повестки;

5) Административный жаргон: неофициальное обсуждение специальных вопросов специалистами [цит. по Махортова, 2016, с. 137–138].

Такое разнообразие терминологии, профессиональной лексики и жанров требует основательной подготовки, именно поэтому в большинстве стран переводчики, работающие в юридической сфере, для допуска к работе должны сдать соответствующий экзамен.

Так же, как и в сфере медицины, сочетание юридического и миграционного дискурсов ведет к углублению асимметрии взаимоотношений его участников.

Специфику административно-социального перевода в юридической сфере рассмотрим на примере анализа Руководства по устному переводу в ходе процедуры получения статуса беженца Федерального министерства внутренних дел Австрии (в дальнейшем Руководство). Этому посвящены разделы «Основные положения об устном переводе, ожиданиях и профессиональной этике» и «Профессиональное поведение». Устный перевод понимается авторами как устная (или жестовая) передача текста исходного языка на языке перевода [SDG, S. 32]. Доминирующей формой перевода наряду с экспромтным переводом с листа и переводом нашептыванием выступает устный двусторонний последовательный перевод. В качестве переводчиков могут работать профессиональные переводчики, сертифицированные переводчики и при переводе с языков этнических меньшинств – непрофессиональные переводчики, не получившие специального образования [Ibid., S. 34–35]. Ситуация допроса в ходе процедуры признания беженцем обладает определенной спецификой, к которой относятся асимметрия власти, наличие иерархических отношений, тема и цель беседы и т.д. Переводчик должен обладать достаточно развитой языковой компетенцией на двух языках, кроме этого культурной и переводческой компетенциями.

Что же ожидают заказчики перевода от переводчиков?

В первую очередь полного и точного перевода всей значимой информации без упрощений, добавлений, упущений, что

означает сохранение среди прочего стиля и тона речи, даже если последние являются неуместными и оскорбительными в данной ситуации. При этом желательны пояснения культурной специфики коммуникативного поведения мигрантов, ибо это может помочь определить степень достоверности их высказываний. Любое изменение показаний может указывать на наличие противоречий, которые переводчик в процессе перевода высказывания может и не заметить [Ibid., S. 37].

Что ожидают от переводчиков мигранты?

Переводчики – первые лица, которые разговаривают с мигрантами на их родном языке, мигранты ожидают уважительного отношения, полного и точного перевода высказываний, вопросов и пояснений представителей государственных органов.

Сами же переводчики ожидают адекватного восприятия их роли и функций, отсутствия сомнений по поводу их переводческой компетентности [Ibid., S. 37].

Деятельность переводчиков регулируется на международном уровне Конвенцией о правах человека, на уровне страны Уголовно-процессуальным кодексом, гражданским кодексом, порядком судебных процедур судов первой и второй инстанций, законом о внесудебных спорах и, как было указано выше, законом об экспертах и переводчиках. В законе об экспертах и переводчиках сформулированы предпосылки внесения устных переводчиков в список судебных переводчиков: кроме требований к образованию к ним относятся знание предмета, физическая и умственная пригодность, благонадежность, наличие необходимого оборудования и справки о наличии опыта письменного и устного перевода в этой сфере и т.д. [Ibid., S. 39].

В Руководстве особо подчеркивается необходимость избегания искажений получаемой информации: переводчики имеют право вмешательства в беседу с мигрантом, но не имеют права задавать возникающие у них вопросы, дополнять вопросы и реплики сотрудников соответствующих органов или мигрантов без соответствующего на то разрешения. Им

разрешены уточняющие вопросы в случае непонимания участников в связи с тем, что последние

- говорят слишком быстро, тихо, медленно;
- говорят на диалекте, который непонятен переводчикам;
- используют незнакомые выражения;
- не уверены в правильном понимании высказывания и т.д.

[Ibid., S. 42].

Одним из требований, предъявляемых к переводчикам, является знание специфики взаимодействующих культур. Межкультурная компетенция переводчика в социальной сфере предполагает наличие умений распознавать культурно обусловленные понятия и реалии, разбираться в культурно-национальной специфике поведения мигрантов, обращать внимание участников беседы на (потенциально возможные) недоразумения, просить участников коммуникации дать пояснения по поводу культурно обусловленных понятий и реалий и т.д. [Ibid., S. 43].

К этическим принципам профессионального переводчика авторы относят:

- 1) конфиденциальность;
- 2) нейтральность;
- 3) точность и полноту перевода;
- 4) профессионализм;
- 5) уважительное отношение [Ibid., S. 44-53].

Конфиденциальность предполагает неразглашение переводчиками информации третьих лиц, в том числе и информации о мигрантах, которая им известна вследствие перевода в другом государственном органе [Ibid., S. 45].

Нейтральность означает, что переводчики не должны отдавать предпочтение ни одному из участников коммуникации, демонстрировать предубежденное поведение; выражать при помощи языка тела (демонстративное отступление, уход) или мимики (покачивание головы, пожимание плечами, вращение глаз и т.д.), что они считают неправильной, фальшивой, аморальной, смешной и т.д. реплику того или иного субъекта общения [Ibid., S. 47].

Переводчикам следует *полно и точно* передавать содержание высказывания, объяснять другим участникам разговора невербальное поведение или культурно-специфическое значение определенных выражений, если это необходимо для понимания высказывания, переводить проклятия, кощунственные выражения, ненормативную лексику или оскорбления [Ibid., S. 49].

Профессионализм переводчиков заключается в необходимости соблюдения профессиональной этики, а именно знание роли и функций переводчика в ситуации беседы / допроса, сообщение и исправление допущенных ошибок, обязательная подготовка к переводу, в том числе и получение необходимой информации [Ibid., S. 51].

Необходимо проявлять *уважительное отношение* к участникам беседы / допроса независимо от их национальности, расы, возраста, цвета кожи, религии, политических взглядов, статуса и культуры [Ibid., S. 52].

Опираясь на анализ исследований в сфере юридического дискурса Т. Ю. Махортова предлагает перечень ориентированных на параметры юридического дискурса стратегий перевода:

- 1) сохранение стиля составления юридического текста;
- 2) соблюдение иерархии агентов коммуникативного взаимодействия, подбор соответствующих языковых средств для передачи характера статусных взаимоотношений, перевода должностей и титулов;
- 3) точный перевод ссылок на законы, знание источников; знание культурно обусловленных различий в терминах;
- 4) знание ситуативных оборотов и клише, умение переводить сложные синтаксические конструкции, соблюдать логику развития текста, сохранять актуальное членение [Махортова, 2016, с. 141].

Глобальной целью коммуникации в юридическом дискурсе является, таким образом, регуляция и контроль общественных отношений. К трудностям юридического перевода относятся следующие факторы: несовпадение правовых систем разных стран и, как следствие, асимметрия терминологических систем;

отсутствие единого специального языка, наличие сложных юридических формулировок; ритуализированный характер общения; высокая степень формализации и иерархические взаимоотношения.

Переводчик в сфере юридического перевода должен осуществлять полный и точный перевод, сохранять стиль и тон речи, знать законы и терминологию, специфику ритуального поведения представителей должностных органов в той или иной ситуации общения. Разнообразие жанров, ситуаций и многообразие юридического языка предопределяют необходимость специального обучения переводчиков.

Дидактический аспект административно-социального перевода

Специфика административно-социального перевода, отсутствие профессиональной подготовки у многих переводчиков-дилетантов предопределяют необходимость организации специального обучения.

Обратимся к зарубежному опыту обучения устных переводчиков. Анализ показал, что и в Австрии, и в Германии (Гермерсхайм) модуль или спецкурс специального перевода предлагается на уровне магистратуры, доминирующей формой и методами обучения выступают такие интерактивные методы как психодрама, театральная педагогика, тренинговые технологии.

Метод психодрамы был предложен психотерапевтом Дж. Морено в 1921 г. Суть метода психодрамы заключается в инсценировании участниками группы лично значимых ситуаций. Команда в психодраме состоит из четырех ролей: ведущий, протагонист, помощники и участники группы. Ведущий выступает в качестве катализатора, режиссера и продюсера психодрамы. Протагонистом, проблемы которого решаются в ходе психодрамы, может быть отдельный член группы или вся группа целиком. Помощники – члены группы, выполняющие роли, помогающие протагонисту осознать и решить свои проблемы. «Сцена» – специально созданное место

действия, где происходит разыгрывание ролей. В этом месте протагонист полностью управляет временем, пространством и реальностью [Роговенко, 2017, с. 121].

Занятие психодрамы состоит из трех этапов: разминка, собственно диалогическое взаимодействие, заключительный этап. Задача разминки заключается в повышении уровня готовности участников к разыгрываемой ситуации. А.И. Савостьянов называет эту стадию «разогрев», и понимает ее как «процесс подготовки участников к спонтанно-креативному поведению» [Савостьянов, 2017, с. 278].

Разыгрывание ситуации – основная цель занятия. Эта стадия включает в себя три части:

- 1) выявление проблем и трудностей протагониста/ов;
- 2) сцены / эпизоды, направленные на исследование проблемы;
- 3) «подведение итогов и поиск альтернатив»: проигрывание решений.

На последнем этапе происходит оценивание и рефлексия участников [Роговенко, 2017, с. 121].

К основным положениям метода психодрамы относятся отсутствие готового сценария; проживание, а не проигрывание ролей; высокая доля спонтанности; активное использование невербальных средств общения, обязательная рефлексия участников в конце инсценировки.

А. И. Севастьянов отмечает, что в основе психодрамы лежит социометрия – эмпирически разработанное Дж. Морено учение о межличностных отношениях. Основными элементами методов психодрамы и социометрии являются «спонтанность, креативность, привязанность к моменту и включенность в неповторимые конкретные конфигурации» [Савостьянов, 2017, с. 277]. Психодраматический принцип в организации процесса обучения, по А. И. Савостьянову, предполагает активное вовлечение внутренних резервных возможностей личности и их реализацию через драматические приемы с целью достижения максимального обучающего эффекта [Там же, с. 276].

Педагогические ролевые игры, психодрама и Форум-театр А. Болла создали основу для возникновения направления театральной педагогики, которая используется как при обучении актеров, так и специалистов другого профиля. Е. И. Косинец, Т. А. Климова предлагают следующее определение театральной педагогики: «Театральная педагогика – это система образования, организованная по законам импровизационной игры и подлинного продуктивного действия, протекающим в увлекательных для участников предлагаемых обстоятельствах, в совместном коллективном творчестве учителей и учеников, способствующая постижению явлений окружающего мира через погружение и проживание в образах и дающая совокупность цельных представлений о человеке, его роли в жизни общества, его отношениях с окружающим миром, его деятельности, о его мыслях и чувствах, нравственных и эстетических идеалах». Авторы относят к принципам театральной педагогики *принцип целостности*, вовлечение всех систем человека в ходе тренинга и выполнения системы заданий, «поскольку элементы живой естественной системы тесно взаимосвязаны, не существуют и не функционируют отдельно друг от друга»; *принцип «зерна»*, направленность первого упражнения на развитие всей Системы, учет всех её элементов и законов, *принцип инициации творческого подхода* предполагает переход от свободного творчества к ситуациям, содержащим проблемы, которые нужно разрешить [Косинец, Климова, 2012, с. 5].

Как метод психодрамы, так и театральной педагогики включают элементы социально-коммуникативного тренинга. Мы понимаем тренинг вслед за А. Л. Фатыховой и Р. Э. Сагадеевой как «многофункциональный метод преднамеренных изменений психологических феноменов человека, группы и организации с целью гармонизации профессионального и личностного бытия человека». Авторы так оценивают роль тренинговых технологий: «Тренинг предполагает усвоение человеком специфических профессиональных знаний, навыков, умений, коррекцию установок, развитие личностных свойств через интериоризацию

особенностей профессиональной среды, объектов и особенностей взаимодействия с ней профессионала. В результате тренинга специалист (или группа специалистов) достигает нового уровня осознания профессиональной среды (социальной и физической), себя в ней и овладевает средствами ее преобразования для достижения целей профессиональной деятельности» [Фатыхова, Сагадеева, 2013, с. 108, 109]. К основным модулям тренинга эффективной коммуникации авторы относят установление, поддержание контакта и выход из него; восприятие, понимание и учет эмоциональных состояний партнеров по взаимодействию; коммуникация в конфликте.

Авторы предлагают типологию программ тренинга:

1. «Я – Я» – группы, направленные на изменения на уровне личности, личностный рост; главные источники преобразований внутриличностные;

2. «Я – Другие» – группы, направленные на изменения в межличностных отношениях, исследование того, как происходит процесс межличностного влияния в зависимости от того или иного способа поведения.

3. «Я – Группа» – группы, направленные на взаимодействие личности и группы как социальной общности, стили взаимодействия с группой.

4. «Я – Организация» – группы, ориентированные на изучение и развитие опыта межличностного межгруппового взаимодействия в организациях.

5. «Я – Профессия» – группы, ориентированные на субъектов конкретной профессиональной деятельности [Фатыхова, Сагадеева, 2013, с. 109].

Элементы социально-психологического тренинга используются педагогами в ходе всего обучения, но особенно на этапе «разогрева».

Обратимся к Руководству по тренингу устных переводчиков в ходе процедуры получения статуса беженца Австрии (в дальнейшем Руководство UNHCR). Авторы, основываясь на теории психодрамы Дж. Морено, предлагают использовать при обучении переводчиков ролевые игры, основная суть которых

заключается в том, что в ролевой игре участвует весь человек: его тело, эмоции, социальные и коммуникативные потребности, чувства и интеллект [Trainigshandbuch, 2015, S. 8]. При этом когнитивные и эмоциональные аспекты дополняют друг друга.

При организации игр нужно принимать во внимание специфику институциональной коммуникации, основная цель которой – оказать воздействие на собеседника при помощи различных средств. При этом основная форма коммуникации – переговоры, в которых как представители административных органов, так и клиенты преследуют разные цели [Ibid.].

При подготовке ролевых игр обговариваются правила игры, сценарий, четко прописываются роли и критерии оценки. В оптимальном случае сценарий игры должен опираться на личный опыт субъектов обучения. Важно, чтобы проигрывался не заранее выученный текст, а рождались спонтанные реакции, основанные на жизненном опыте обучаемых. Центральным элементом игры является рефлексия участников и оценка действий протагонистов. Ролевые игры – это предварительный этап имитационной игры, в процессе ролевых игр проигрываются отдельные сцены коммуникации с мигрантом [Ibid., S. 9]. Специфика имитационной игры состоит в том, что один из ее участников является экспертом, работающим в административно-социальной сфере.

Кроме психодрамы Дж. Морено авторы предлагают использовать принципы театральной педагогики, а именно элементы Театра угнетенных (Theater der Unterdrückten) Augusto Boals.

Augusto Boals основывает свою методику на проигрывании ситуаций, в которых сознательно или неосознанно оказывается давление на человека, или есть причины, вследствие которых работа выполняется неудовлетворительно. Такая техника называется Форум-театр: одна и та же ситуация проигрывается столько раз, пока не находится оптимальное решение проблемы. Как при проигрывании, так и при этапе рефлексии в игре задействованы все участники. Авторы полагают, что в роли угнетателей выступают как представители административных

органов, так и мигранты, и те, и другие оказывают давление на переводчика, который и является угнетенной стороной. Авторы объясняют это тем, что, несмотря на слабую позицию мигрантов, они могут по отношению к переводчику занимать сильную позицию в случае если им уже «нечего терять» [Ibid., S. 9]. К факторам, вызывающим стресс у переводчика, относятся наличие терминов, использование диалекта, некоторые высказывания, которые участники не позволили бы себе при личной беседе без переводчика. При неизменной роли «угнетателей» многократное проигрывание ситуации позволяет переводчикам найти альтернативные способы вербального и невербального поведения в конфликтных ситуациях» [Ibid., S. 10].

Приведем пример организации ролевой игры. Одной из проблем перевода является выбор регистра: должен ли переводчик сохранять разговорный стиль мигранта или переводить канцелярским языком. Что повлечет за собой изменение регистра при устном переводе допроса? Обучаемым предлагается инсценировать следующий отрывок из диалога с мигрантом:

Девушка-мигрант: Я не знаю. В каком-то доме. Потом – большая машина. Проехали через поле и потом я прибыла сюда, в эту страну. Я ничего не видела.

Переводчица: Я провела ночь в приюте у людей, нелегально переправляющих беженцев. Потом я, проехав по незнакомым мне странам, меня везли большей частью в закрытых автомобилях, въехала в Австрию.

Рис. 2. Иллюстрация к диалогу из Руководства по тренингу устных переводчиков в ходе процедуры получения статуса беженца

После инсценировки начинается дискуссия с обсуждением следующих проблем: 1) Сделала ли переводчица полный перевод сказанного или часть информации была утеряна? 2) Был ли верным перевод содержания высказывания? 3) Какой языковой регистр выбрала переводчица – сохранила ли она разговорный стиль женщины-мигранта или выбрала язык протокола административного учреждения? После обсуждения эта ситуация проигрывается еще раз, переводчиком выступает другой студент, предлагая свое переводческое решение. Важным является нахождение нескольких альтернативных вариантов перевода слов иммигрантки.

Эта сценка является прекрасным поводом обсудить использование различных вариантов перевода:

- 1) перевод близкий к высказыванию, выполняющий одинаковую функцию;
- 2) сокращенный перевод, содержащий меньше информации, чем текст оригинала;

3) расширенный перевод, содержащий больше информации, чем текст оригинала;

4) замещающий перевод, представляющий комбинацию расширенного и усеченного перевода;

5) перевод-резюме, при котором переводчик сокращает исходное высказывание;

6) перевод с пропусками [Wadensjö, 1998, p. 107].

Основной принцип инсценировки отдельных эпизодов заключается не в выучивании наизусть текстов диалогов, а в анализе действий протагониста и участников, нахождении разных вариантов вербального и невербального поведения участников [Trainigshandbuch, 2015, S. 11].

Результатом обучения является переводческая компетенция административно-социального перевода, включающая знания, навыки, умения и личностные качества.

Анализ Руководства показал, что авторы различают предметные и специфические переводческие знания. К предметным относятся знания причин миграции; критериев отнесения к статусу беженца; структуры и процедуры собеседования в административных органах; прав и обязанностей лиц, ходатайствующих о предоставлении убежища; структуры и техники допроса, правил работы с травмированными людьми, основных терминов и т.д. [Ibid., S. 8–185]. Знания в сфере специфики перевода включают знание требований к переводчикам, их прав и обязанностей, спектра ролей, этического кодекса, используемых техник перевода, способов управления общением, символики и принципов построения переводческой записи, способов нахождения недостающей информации и т.д. [Ibid.].

К специфическим переводческим навыкам и умениям авторы относят умения использовать стратегии преодоления конфликтов, выступать в качестве менеджера коммуникации, работать с травмированными людьми (жертвы насилия, сексуальных домогательств и т.д.), получать и производить рефлекссию, использовать различные техники управления общением (как невербальные, такие как интонация, паузы, позы,

контакт глаз, так и вербальные: встречные вопросы), делать переводческую запись и воспроизводить текст речи по записи, переводить с листа, находить недостающую информацию и т.д. [Ibid., S. 8–185].

Личностные качества, принадлежащие к достоинствам хорошего переводчика: стрессоустойчивость, справедливость, честность, эмпатия, храбрость, решительность, уважение в другим людям и т.д.

Для формирования соответствующих умений и качеств характера авторы предлагают широкий круг игровых дискуссионных ситуаций, метод кейс-стади, ролевые игры.

Приведем примеры упражнений, используемых для формирования различных качеств и умений.

Упражнение на осознание ответственности переводчика:

Прочтите ситуацию и примите решение, должна ли переводчица нести ответственность за перевод:

Переводчик-непрофессионал при допросе несовершеннолетней девушки в федеральном бюро по иностранным делам и предоставлению убежища неверно перевел ее дату рождения. После этого сотрудники бюро при принятии решения о статусе мигранта исходили из факта ее совершеннолетия. Девушка не получила тех социальных услуг, которые ей были положены по возрасту.

Упражнение на осознание этических принципов работы переводчика:

Прочтите описание ситуации, обсудите в группе поведение переводчика и представьте итоги вашего обсуждения всей группе:

В ходе допроса беженец начинает говорить эмоционально и быстро, так что переводчик, родной язык которого немецкий, плохо понимает его и не может вести запись. Переводчик просит беженца после обсуждения этой проблемы с работником федерального бюро говорить помедленнее. Переводчик обращает внимание беженца на то, что ему хотелось бы сделать полный и верный перевод его речи.

Упражнение на перевод культурно-обусловленных реалий:

Прочтите описание ситуации, обсудите в группе последствия неверного перевода:

Беженец из Афганистана рассказывает, что он служил в афганской армии в качестве подполковника (Oberstleutnant), переводчица, смутно представляя специфику немецкого табеля о рангах, переводит, что он служил солдатом. Какие проблемы могут возникнуть из-за неверного перевода?

Анализ форм и методов обучения, предложенных в Руководстве по тренингу устных переводчиков в ходе процедуры признания беженцем показал, что авторы ориентируются на набор специальных профессиональных компетенций, типичных для миграционного дискурса; учитывают основные принципы театральной педагогики; интерактивного обучения:

1) в центре внимания находятся проблемные узловые точки гибридного миграционного дискурса;

2) центральное место занимает интерактивное взаимодействие всех участников, направленное на поиск оптимального решения проблемы;

3) в качестве основных методов обучения выбраны ролевая и имитационная игра, дополненные такими интерактивными методами, как кейс-стади, дискуссия, метод мозгового штурма;

4) одной из важных характеристик обучения является опора на личный опыт обучаемых, спонтанность реакции, проигрывание разных ролей (представителя административных органов, переводчика, мигранта).

5) решающую роль выполняет рефлексивность обучения: «сознательное и критическое осмысление действия, его мотивов, качества и результатов» [Алексеева, 2007, с. 23].

Как было указано ранее, обучение видам административно-социального перевода предлагается как в Австрии, так и в Германии. Автор модуля «Специальный перевод» для магистрантов S. Bahadır в своей статье дает следующую характеристику методике преподавания перевода в этой сфере:

«новый подход в обучении и повышении квалификации устных переводчиков объединяет принципы деятельностно-ориентированной лингводидактики перевода с методами театральной педагогики, антропологии и социологии. Основопологающим тезисом является концепция устного перевода как целостного вербально-невербального поведения (*ganzkörperliche Aktion*) личности в ситуации, этому поведению можно научить и научиться посредством инсценировок. Целью такой методики является развитие профессиональной идентичности переводчика, которая позволяет подмечать динамические изменения невербального и вербального поведения, ситуативных составляющих, а также признаки дисбаланса власти на культурном, социальном и политическом уровнях в медицинских учреждениях, способствует совершению действий с позиции «третьей стороны» в рамках этики поведения переводчика, а именно проявлению эмпатии и ответственного отношения [Bahadir, 2008 p. 176].

Заключение

В ходе теоретического анализа миграционного дискурса и специфики устного перевода в этой сфере мы пришли к следующим выводам:

1. Гибридный характер миграционного дискурса (сочетание с медицинским и юридическим) усугубляет асимметрию между представителями организаций и клиентами-мигрантами и усложняет общение, в том числе и перевод.

2. Устный перевод в миграционном дискурсе реализуется, как правило, в форме двустороннего последовательного перевода в сочетании с переводом с листа и шушутажем.

3. К основным проблемам административно-социального перевода относятся отсутствие или несовершенство законодательных актов, регулирующих работу переводчика; асимметрия взаимоотношений субъектов общения; отсутствие / низкий уровень развития профессиональной компетенции переводчика; выполнение функции переводчика непрофессионалами, зачастую не имеющими высшего

образования (дети, низший медицинский персонал, родственники, друзья).

4. Тип дискурса, коммуникативная ситуация и жанр текста предопределяют роль, функцию и поведение переводчика.

5. При сопоставлении медицинского и юридического перевода наблюдается как сходство, так и отличие требований к переводчику. В обоих видах приветствуется полный и точный перевод, наличие высокого уровня развития предметной и межкультурной компетенции, в том числе и в области невербального поведения, конфиденциальность, беспристрастность, уважительное отношение к клиентам. Вместе с тем, в сфере медицинского перевода переводчик может выступать как доверенное лицо пациента.

6. Специфика вербального компонента дискурса, реализующегося как звучащая речь (быстрый темп, наличие диалектных выражений, терминов, эллиптические предложения, большой объем высказывания и т.д.), предопределяет необходимость вмешательства переводчика в процесс общения с целью уточнения сказанного.

7. Специфика невербального компонента дискурса (использование культурно специфичных жестов-эмблем, национально-культурные паттерны поведения, наличие ритуализованных элементов) обуславливают появление вопросов со стороны субъектов общения и комментариев со стороны переводчика.

8. Эмоциогенность и конфликтогенность миграционного дискурса осложняют деятельность переводчика, обуславливают формирование таких личностных качеств как эмоциональная устойчивость, эмпатия, решительность, уважение к субъектам общения.

9. Подготовка переводчиков к работе в административно-социальной сфере происходит как в высших учебных заведениях, так и на курсах повышения квалификации. Допуск к работе в некоторых учреждениях (перевод в суде) возможен только после сдачи специального экзамена.

10. К доминирующим подходам в подготовке переводчиков можно отнести антропологический, личностно-деятельностный, интерактивный, знаково-контекстный.

11. В качестве основных методов обучения выступают интерактивные технологии: ролевые и имитационные игры, кейс-стади, дискуссии, элементы социально-психологического тренинга, а также элементы театральной педагогики: психодрама, театр угнетенных и т.д.

12. Центральным элементом обучающей деятельности является инсценировка различных ситуаций перевода, где участники попеременно выступают в роли мигрантов, представителей административных или социальных органов, переводчиков. Многократное разыгрывание ситуаций перевода служит поиску наиболее адекватного поведения, принятию взвешенного переводческого решения.

Список литературы

1. Алексеева И. С. Коммунальный перевод: современные толкования. URL: <http://inyaz.herzen.spb.ru/alekseeva.html> (дата обращения: 01.07.2019).

2. Алексеева Л. Е. Методика обучения профессионально ориентированному иностранному языку. Методическое пособие. Санкт-Петербург: СПбГУ, 2007. 136 с.

3. Борисова Л. А. Юридический дискурс: основные характеристики // Язык, коммуникация, социальная среда. 2016. № 14. С. 133–151.

4. Гуреева А. А. Коммуникативные действия переводчика в ситуации коммунального перевода // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2013. № 2 (18). С. 159–162.

5. Жура В. В. Дискурсивная компетенция врача в устном медицинском общении. Автореф. ...д. филол. н. Волгоград 2008. 40 с.

6. Жура В. В. Нарратологические исследования устного медицинского дискурса // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 1. С. 72–78.

7. Зелеева Б. П. Творческое самоопределение студентов в условиях курса «Основы психодрамы» // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2013. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tvorcheskoe-samoopredelenie-studentov-v-usloviyah-kursa-osnovy-psihodramy>

8. Зубарева Е. О. Концепт «мигрант» в миграционном дискурсе (на мат. свободного ассоциативного эксперимента) // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. Т. 4. № 4. 2018. С. 29–41.

9. Зубарева Е. О. Оценочный компонент концепта «мигрант» // Теоретическая и прикладная лингвистика, 2018, 4 (4). С. 27–35.

10. Карасик В.И. О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. Сб.научн.тр. Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 1998. С. 185–197.

11. Карасик В. И. Дискурсология как направление коммуникативной лингвистики // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2016. № 1. С. 17–34.

12. Клещенко Е. М. Характеристики медицинского дискурса как институционального типа дискурса // Наука-RASTUDENT.RU. 2014. № 2. URL: <http://rastudent.ru/nauka/2/1204/> (дата обращения: 01.07.2019).

13. Кожемякин Е. А. Юридический дискурс как культурный феномен: структура и смыслообразование // Юрислингвистика. 2011. № 11. С. 131–145.

14. Климова Т. А., Косинец Е.И. Возможности театральной педагогики в контексте новых образовательных стандартов // Вестник Московского образования. 2013. № 11. С. 19–133.

15. Косоногова О. В. Юридический дискурс: лингвопрагматика имени собственного // Знание. Понимание. Умение. Проблемы филологии, культурологи и искусствоведения. 2008. № 3. С. 188–192.

16. Махортова Т. Ю. Переводчик в юридическом дискурсивном пространстве // Переводчик XXI века – агент дискурса. Коллективная монография. Москва: Флинта: Наука, 2016. 280 с.

17. Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: монография / Зубарева Е. О., Исаева Е. В., Иценко А. В.,

Костева В. М., Мощанская Е. Ю., Шустова С. В. / Научн. ред. д-р филол. н., проф. Т. И. Ерофеева. Пермь: «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 2019. 163 с.

18. Морено Я. Психодрама. Москва: Апрель-Пресс: ЭКСМО-Пресс. 2001. 521 с.

19. Никифорова Э. Ш., Надобко Ю. В. Основные коммуникативные стратегии в юридическом дискурсе // LINGUA MOBILIS 2011. № 7 (33). С. 64–67.

20. Никонова М. А. К вопросу определения понятий «коммунальный перевод» и «коммунальный переводчик» // Актуальные вопросы филологической науки XXI века. Сборник статей V международной научной конференции молодых учёных, 12 февраля 2016 года. Екатеринбург: Изд-во «Уральский федеральный университет», 2016. С. 176–181.

21. Новикова Э. Ю. Дискурсивно-ориентированная дидактика двустороннего перевода на примере коммунального перевода // Homo Loquens: (Вопросы лингвистики и транслятологии): сб. ст. Волгоград: Изд-во Вол-ГУ, 2013. Вып. 6. С. 92–103.

22. Новикова Э. Ю. Медицинский перевод – дискурсивное пространство переводчика // Переводчик XXI века – агент дискурса: колл. монография. Москва: Флинта: Наука, 2016. С. 77–120.

23. Переводчик XXI века – агент дискурса: колл. монография. Москва: Флинта: Наука, 2016. 280 с.

24. Проект профессионального стандарта «Переводчик» URL: <https://linguanet.ru/upload/medialibrary/09e/09e6a1fe4fa3a8223090d03a8e2ef1bb.pdf> (дата обращения: 01.07.2019).

25. Профессиональный стандарт педагогической деятельности / Под ред. Я. И. Кузьмина, В. А. Матросова, В. Д. Шадрикова URL: www.BSTex.ru/uploads/metod2_09.02.2011.doc (дата обращения: 10.03.2012).

26. Роговенко Я. С. Психодрама в работе с кризисными состояниями // Профессиональное здоровье специалистов экстремального профиля. Теория и практика. Мат. V науч.-практ. конф. Ростов-на-Дону, 2017. С. 119–122.

28. Психология беженцев и вынужденных переселенцев: опыт исследований и практической работы / Под ред. Г.У. Солдатовой. Москва: Смысл, 2001. 279 с.

29. Савостьянов А. И. Принцип психодрамы в системе дополнительного профессионального педагогического образования // Сборник материалов V Всероссийской интернет-конференции с международным участием «Повышение квалификации педагогических кадров в изменяющемся образовании». 2017. С. 275–281.

30. Сенченко В. В., Богданов А. Г. Субъекты миграционных отношений и их системы // Евразийский союз ученых. 2017_04(37) URL: <https://euroasia-science.ru/yuridicheskie-nauki/subyekty-migratsionnykh-otnosheniy-i-ix/> (дата обращения: 01.07.2019).

31. Фатыхова А. Л., Сагадеева Р. Э. Тренинг как компонент технологии формирования социально-перцептивной компетентности будущего педагога // Вестник Владимирского государственного университета им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Педагогические и психологические науки. 2013. № 13 (32). С. 105–111.

32. Чернышев А. В. Юридический дискурс и его основные характеристики // Слово.РУ: Балтийский акцент. 2016. № 2. С. 22–28.

33. Ширинян М. В., Шустова С. В. Трудности медицинского перевода и способы их преодоления при обучении студентов неязыковых вузов // Язык и культура. 2018. № 43. С. 295–315.

34. Шустова С. В. Миграционная политика и миграционный дискурс // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2018. № 2. Т. 4. С. 114–125.

35. Этический кодекс IMIA URL: http://www.trworkshop.net/wiki/этический_кодекс_imia (дата обращения: 11.09.2019).

36. Allaoui R. Dolmetschen im Krankenhaus. Rollenerwartungen und Rollenverständnisse // Interdisziplinäre Reihe, Band I. Migration. Gesundheit. Kommunikation. 2005.

37. Apfelbaum B. Gesprächsdynamik in Dolmetsch-Interaktionen. Eine empirische Untersuchung von Situationen internationaler Fachkommunikation unter besonderer Berücksichtigung der

Arbeitssprachen Deutsch, Englisch, Französisch und Spanisch. Radolfzell: Verlag für Gesprächsforschung 2004. 338 S.

38. Ahamer V. Wir sind nur zweisprachig – Kinder und Jugendliche als Dolmetscher im schulischen Kontext // Heinrich Böll Stiftung. Migrationspolitisches Portal. 2013. URL: <https://heimatkunde.boell.de/2013/07/01/wir-sind-nur-zweisprachig-kinder-und-jugendliche-als-dolmetscher-im-schulischen-kontext> (дата обращения: 01.09.2019).

39. Bahadir S. Das Theater des Dolmetschens: Beobachten, teilnehmen, proben, darstellen, verändern // Bischoff, A.+ Meyer, B. (Hrsg.): curare Zeitschrift für Medizinethnologie. Vol. 31: Nr. 2–3. Spezialheft: Die fremden Sprachen, die fremden Kranken: Dolmetschen im medizinischen Kontext, 2008. S.176–186.

40. Bischoff A., Loutan L. A mots ouverts. Guide de l'entretien medical bilingue a l'usage des soignants et des interpretes. Hopitaux Universitaires de Geneve (HUG). (Deutsche Fassung: Mit anderen Worten. Dolmetschen in Behandlung, Beratung und Pflege. 2000.

41. Cooper-Patrick L, Gallo JJ, Gonzales JJ, Thi Vu H, Powe NR, Nelson C, Ford DE. Race, gender, and partnership in the patient–physician relationship. J Am Med Assoc. 1999. 282: 583–9.

42. Dolmetschen im Asylverfahren. Handbuch. Bundesministerium für Inneres der Republik Österreich 2006. 95 s. // Электронный ресурс: http://v004107.vhost-vweb-02.sil.at/wp-content/uploads/2012/11/2006_Handbuch-Dolmetschen-im-Asylverfahren.pdf (дата обращения: 15.08.2019).

43. Garzone G., Viezzi M. Interpreting in the 21st Century: Challenges and opportunities: Selected papers from the 1st Forli Conference on Interpreting Studies. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2000. 335 p.

44. Harmsen JAM. When cultures meet in medical practice: improvement in intercultural communication evaluated (PhD thesis). Rotterdam: Erasmus Universiteit Rotterdam. 2003. № 51(2). P. 99–106.

45. Johnson RL, Roter D, Powe NR, Cooper LA. Patient race/ethnicity and quality of patient–physician communication during medical visits. American Journal of Public Health. 2004.

№ 94(12).URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC1448596/> (дата обращения: 01.07.2019).

46. IMIA Guide on Medical Translation // By Rocío Txabarriaga 2009.20p. URL: <https://www.imiaweb.org/uploads/pages/438.pdf>

47. IMIA Code of Ethics. URL: <https://www.imiaweb.org/code/default.asp> (дата обращения: 01.07.2019).

48. Kirst V. Die gefährlich große Macht der Dolmetscher // Die Welt. 27.11.2015.

49. Meeuwesen L., Twilt S. If you don't understand what I mean. Interpreting in health and social care. Utrecht: Centre for Social Policy and Intervention Studies; 2011.

50. Modulhandbuch des Masterstudiengangs. M. A. (Master of Arts) Translation am Fachbereich 06 Translations-, Sprach- und Kulturwissenschaft der Johannes Gutenberg-Universität Mainz. Stand: 21. Oktober 2016. URL: <https://studium.fb06.uni-mainz.de/files/2018/09/Modulbeschreibungen-MAT.pdf> (дата обращения: 01.07.2019).

51. Neal R. D., Ali N., Atkin K., Allgar V. L., Ali S., Coleman T. Communication between South Asian patients and GPs: comparative study using the Roter Interactional Analysis System // The British Journal of General Practice, 2006. № 56. P. 869–875.

52. Ouden B. Translation und Emotion: Untersuchung einer besonderen Komponente des Dolmetschens // Transkulturalität – Translation – Transfer. Band 29. 2017. Frank&Timme.

53. Ouden B. Dolmetschen und Emotionen: Zum Umgang mit einer besonderen Komponente der mündlich gemittelten Kommunikation // T21N – Translation in Treansition. 2018. – 35 S. URL: <file:///D:/Dolmetschforschung/T21N-2018-01-DenOuden.pdf> (дата обращения: 01.07.2019).

54. Pöllabauer S. Community Interpreting als Arbeitsfeld – Vom Missionarsgeist und von moralischen Dilemmata // Übersetzen und Dolmetschen: eine Orientierungshilfe/hrsg von J. Best und S. Kalina. Tübingen-Basel-Franke 2002. P. 286–298.

55. Pöchacker F. Dolmetschen. Konzeptuelle Grundlagen und deskriptive Untersuchungen Stauffenburg Verlag Brigitte Narr GmbH. 2007. 336 S.

56. Rechtstinformationssystem des Bundes. URL: <https://www.ris.bka.gv.at/Dokumente/Bundesnormen/NOR40190425/NOR40190425.pdf> (дата обращения: 01.07.2019).

57. Roberts R. Community Interpreting Today and Tomorrow // Peter Krawutschke, ed. Proceedings of the 35th Annual Conference of the American Translators Association. Medford, NJ: Learned Information, 1994. P. 127–138.

58. Roberts R. Community Interpreting Today and Tomorrow // Carr at all. (eds.), 1997. P. 7–26.

59. Sachverständigen- und Dolmetschergesetz. Fassung vom 13.08.2019. URL: https://www.ris.bka.gv.at/Geltende_Fassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=10002338 (дата обращения: 01.07.2019).

60. Schouten B. C., Meeuwesen L., Harmsen H. A. GPs' interactional styles in consultations with Dutch and ethnic minority patients. Journal of Immigrant and Minority Health. 2009. № 11. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007%2Fs10903-008-9131-9>. (дата обращения: 01.07.2019).

61. Schouten B. C., Schinkel S. Turkish migrant GP patients' expression of emotional cues and concerns in encounters with and without informal interpreters // Patient Education and Counseling. 2014. № 97. P. 23–29.

62. Trainingshandbuch für DolmetscherInnen im Asylverfahren // UNHCR Österreich. TRAUNER Druck GmbH & Co KG, Linz. 2015. P. 193.

63. Wadensjö, C. Interpreting as Interaction. London: Longman. 1998. 312 p.

64. Wadensjö C. The double role of a dialogue interpreter // The Interpreting Studies Reader / Ed. by F. Pöchhacker, M. Shlesinger. London; New York, 2002. P. 355–370.

Киндеркнехт А. С.
*Кандидат филологических наук, доцент,
Пермский национальный исследовательский
политехнический университет*

МЕДИАТОР КАК УЧАСТНИК СОВРЕМЕННОГО МИГРАЦИОННОГО ДИСКУРСА

Введение

Миграционная лингвистика как исследовательская парадигма переживает «период становления и самоопределения» [Костева, 2019, с. 141]. Как пишет С. В. Шустова, «причиной становления миграционной лингвистики как самостоятельного направления в лингвистической науке стал факт массивных, многообразных миграционных движений, возникающих в мобильном и глобализирующемся мире», на основе которых «особую значимость приобретает языковая динамика и её релевантность для лингвистики в целом» [Шустова, 2018, с. 115].

Скрытые эвристические возможности нового лингвистического направления имеют социально-практическое значение для миграции и миграционной политики в отношении безопасности межэтнических коммуникационных процессов. Здесь важным звеном является лингвистическая безопасность, связанная с самоидентификацией народов и бесконфликтностью их взаимодействия. Как отмечает К. К. Койше, «именно миграция актуализирует проблему дистанций и границ в межэтническом взаимодействии» [Койше, 2015, с. 125]. Межязыковое взаимодействие, как правило, встраивается в межкультурное взаимодействие контактирующих народов и является его отражением. Миграционная лингвистика призвана заниматься «исследованием взаимодействия языковых, культурных кодов принимающей мигрантов страны и представителей мигрирующей культуры» [Мощанская, 2019, с. 144].

Согласно Е. О. Зубаревой и С. В. Шустовой, «мотивацией формирования нового направления является отсутствие связи

научно обоснованных подходов, представленных в разных научных областях, и безусловная актуальность анализа миграционных процессов в разных ракурсах» [Зубарева, Шустова, 2018, с. 66]. Изучение миграции с разных сторон гуманитарного научного знания необходимо для выхода на комплексное исследование в конкретной области лингвистики.

Миграционная лингвистика – это «междисциплинарное и трансдисциплинарное направление» [Шустова, 2018, с. 117]. Для выстраивания всесторонней лингвистической теории миграционных процессов требуется обращение к целому ряду наук, так или иначе связанных с проблемой миграции, и анализ контента в смежных с миграционным дискурсом институциональными дискурсами, в которых задействованы одни и те же участники.

Миграционные конфликты и речевая конфликтогенность дискурса миграции

Одной из задач миграционной лингвистики является «моделирование процессов ослабления речевой конфликтогенности» [Шустова, 2018, с. 118; Шустова, Исаева, 2019, с. 11]. Конфликтное социально-коммуникативное взаимодействие – одно из следствий межэтнической напряженности, сопровождающей внешние и внутренние миграционные потоки на глобальном и локальном уровнях.

В целом конфликтогенный потенциал взаимодействия мигрантов и принимающего общества отмечается как в российских, так и в зарубежных исследованиях. «Если бы не было границ, не было бы мигрантов», – отмечают итальянские исследователи Р. Каджано де Ацеведо и С. Мацца [Cagianode Azevedo, Mazza, 2007, p. 488], и эту мысль можно было бы продолжить следующим образом: и не было бы напряженных отношений с местным населением, конфликтов, связанных со страхом вторжения иных народов и исходящей от них потенциальной опасности. Между тем, как отмечают эти же авторы, эмиграция и иммиграция осуществляются в условиях,

которые уже по своей природе являются конфликтными, так как сегодня невозможно себе представить общество без конфликтов [Ibid., p. 490].

Соглашаясь с Б. Бади относительно того, что в масштабах всеобщей истории миграция – это далеко не новое явление [Badie, 1993, p. 7], в настоящее время следует признать наибольшую ощутимость миграционных потоков в связи с глобальными интеграционными процессами. Как пишет Алан Б. Симмонс, «глобализация неизбежно превращает миграцию в поле противоречий, конфликтов и парадоксов» [Simmons, 2002, p. 28]. «Сегодня, – как отмечают Э. В. Тишкевич и М. Е. Попов, – конфликтогенность миграции порождает масштабные социокультурные противоречия, которые выражаются в трудноразрешимых межкультурных конфликтах» [Тишкевич, Попов, 2018а, с. 108]. Межкультурный конфликт – это форма группового конфликта, источником которого являются культурные «несовместимости», приобретающие выраженные конфликтогенные черты [Там же]. В миграционном дискурсе противоречия / несовместимости социально-экономического, культурно-языкового и территориально-статусного характера выявляются в системе отношений мигранты – постоянные жители [Гайдук, Сулейманов, 2014; Шибанова, 2014; Мурашева, 2016, 2018; Шаманский, 2014; Суюнчалиева 2008; Лебедько, Дударёнок, 2013; Космарская, 2015 и др.], конфликтогенную основу межэтнической интеракции составляет, как правило, «несовпадение целей мигрантов и норм принимающего общества» [Мурашева, 2016, с. 458].

Конфликтогенность взаимодействия мигрантов и постоянных жителей отражается в коммуникационных процессах, затрагивающих все типы противоречий, возникающих при интенсификации миграционных потоков. М. Ю. Штанько пишет, что «современные миграционные коммуникации – это сложная система взаимодействия, взаимопроникновения культур разных стран, которые сопровождаются сложнейшими позитивными и негативными явлениями» [Штанько, 2013,

с. 164]. К позитивным следствиям миграционных потоков относят такие изменения, как возникновение общих ценностей, взаимопонимание, взаимопомощь в совместных начинаниях, тогда как в негативном аспекте изменения наблюдаются в проявлениях конфликтности, агрессии, отчужденности [Мурашева, 2018].

Рассматривая конкретную группу мигрантов, М. Ю. Штанько описывает, на наш взгляд, общую характеристику приезжающих на новые территории людей, отмечая, что они отличаются по восприятию жизни, реакции на возникающие жизненные ситуации, являются носителями отличающихся ценностей, веры, норм и коммуникативными особенностями поведения, «у них особая семейная структура» [Штанько, 2013, с. 165]. В миграционном дискурсе противоречия в характеристиках приезжающего и принимающего народов в правовой, политической, экономической, социальной, географической и культурной сферах деятельности могут стать источником непонимания, непринятия, нетолерантности с той или другой стороны миграционной коммуникации. Миграция может стать «причиной обострения языковой конфликтности и речевой агрессии, неблагоприятные последствия которых невозможно урегулировать только с помощью политических или правовых мер» [Зубарева, 2019, с. 35].

Причинами возникающего между мигрантами и титульным населением конфликта может быть как речевая агрессия, материализующая напряженность отношений, так и коммуникативные неудачи – ситуации «полного или частичного непонимания друг друга партнерами по коммуникации, а следовательно недостижения инициатором общения своей коммуникативной цели» [Цыганкова, 2009, с. 72]. Речевые конфликтные ситуации, основанные на одностороннем или взаимном непонимании друг друга, являются почти естественными в миграционном дискурсе. Здесь конфликтными выступают не услышанные или непонятные слова, словоформы, конфликтными интонация и невербальное поведение, сопровождающие речь коммуниканта.

Конфликтогенность речевого общения в миграционном дискурсе обостряется не без помощи СМИ, простой контент-анализ которых, по словам М. Д. Киекбаева и Д. М. Абдрахманова, достаточен для выявления актуальной связи дискурса о миграции и межэтнических конфликтах [Киекбаев, Абдрахманов, 2016, с. 28]. Средства массовой информации формируют общественное сознание, конструируя мнения и стереотипы в отношении разных социальных групп, в том числе и в отношении иммигрантов, и таким образом «деконструируют» дискурс иммиграции [Матыцина, 2018, с. 84]. СМИ здесь обладают большим набором языковых инструментов, позволяющих играть на оголенном нерве межнациональных / межкультурных отношений, и использование которых способствует пролонгированию конфликта и его эскалации. Например, Л. Е. Веснина выявляет, что милитарная метафора, используемая в отечественных СМИ для описания темы миграции, представляет взаимоотношения мигрантов и коренных жителей как конфликтные, конфронтационные, а самих мигрантов как «внешних врагов» [Веснина, 2009, с. 28]. В своем исследовании Л. Е. Веснина анализирует наиболее продуктивные метафорические модели формирования образа мигранта и миграции: 1) образ врага – метафорические определения мигранта в данном случае относятся к его описанию по этническому признаку и по характеру угрозы приезжего для коренных жителей, здесь встречаются метафорические единицы с негативным прагматическим потенциалом и высказывания, содержащие отношение к мигранту как потенциальному и реальному источнику всевозможных конфликтов; 2) организация военной службы – здесь встречаются прецедентные наименования мигрантов, характеризующие их как захватчиков-варваров; 3) военные действия и вооружение – метафорические определения с идеей оккупации, штурма, атаки, завоевания; 4) начало войны и ее итоги – метафорические номинации, представляющие идею захвата территории России как процесс свершившийся и заверченный; 5) военное

пространство – милитарные метафоры, формирующие отчужденность и страх коренных жителей по отношению к мигрантам [Веснина, 2009, с. 28–34].

Однозначно негативный образ мигранта, массированно подаваемый через отечественные СМИ, не только не способствует взаимоотношениям мигрантов и коренного населения, но формирует между ними неприязнь. Как пишет М. С. Матыцина, «многие формы социального неравенства, основанного на гендерных, классовых и расовых различиях, конструируются, закрепляются и легитимируются с помощью дискурса СМИ» [Матыцина, 2018, с. 84].

Негативному восприятию мигрантов способствует также отражение в СМИ уже существующих конфликтов. По мнению Н. П. Гончаровой, в немалой степени этому служат трактовки понятий «миграция» и «мигранты» как отдельного вида миграции – внешней миграции [Гончарова, 2014, с. 198]. Н. П. Гончарова отмечает, что «сегодня в средствах массовой информации и кинематографе мы практически не видим пропаганды совместного проживания представителей разных национальностей, разных культур», и, «таким образом, фактически у нас нет пропаганды нормальных, терпимых межнациональных отношений» [Гончарова, 2014, с. 201].

Как видим, конфликтное социально-коммуникативное взаимодействие в условиях интенсивных миграций связано как с имманентной конфликтогенностью социума, глобальными интеграционными процессами, происходящими в современном обществе, непредсказуемостью миграционных потоков, так и несовместимостью отдельных характеристик взаимодействующих народов, противоречия взаимоотношений которых отражаются в общении мигрантов и постоянных жителей. Проблемы в коммуникации контактирующих народов в процессе миграции и аккультурации непосредственно касаются языка общения, не случайно незнание языка рассматривается как «потенциальный конфликтогенный фактор» [Шибанова, 2014, с. 107]. Речевая и коммуникативная конфликтогенность определяют суть проблемного измерения миграционного

дискурса «как социальной практики, как речевой деятельности, включающей лингвистические и экстралингвистические аспекты<...>» [Шустова, Исаева, 2019, с. 49].

Ослабление конфликтности миграционного дискурса в речевой практике социальных институтов

Конфликт в общении взаимодействующих народов является одним из вариантов развития событий на стадии обустройства мигрантов в принимающем обществе и является, согласно Р. А. Джумамухамедову, худшим вариантом развития событий [Джумамухамедов, 2018]. Очевидно, что речь здесь идет о межличностных и межгрупповых конфликтах, так как внутриличностные конфликты проявляют себя в большей степени на предшествующих стадиях – когда назревает необходимость перемещения и собственно в процессе перемещения.

В момент столкновения народов в процессе их взаимодействия проявляют себя тенденции к интеграции или к конфликту. Конфликтное развитие событий манифестируется в языковой агрессии со стороны титульной нации и мигрантов, проявлении в языке стереотипов восприятия другого народа, этнического экстремизма и ксенофобии.

Каковы бы ни были причины миграционных конфликтов, стремление к минимизации миграционных рисков и налаживание механизмов социокультурной интеграции и адаптации требуют от общества поиска путей ослабления конфликтности, связанной с миграционными потоками.

Для преодоления межкультурных конфликтов необходимо, по мнению Э. В. Тишкевича и М. Е. Попова, выстраивание общей системы ценностей, а одним из путей решения межкультурных проблем исследователи видят в создании системы административной и уголовной ответственности, одинаковой для всех проживающих в зоне конфликта [Тишкевич, Попов, 2018б, с. 33]. В лингвистическом плане здесь следует говорить о создании

официальных текстов, определяющих общие административно-правовые нормы как правила поведения, единые для возможных сторон миграционного конфликта.

В. В. Гайдук и А. Р. Сулейманов пишут о настоятельной необходимости создания адекватной для ситуации миграционных конфликтов нормативной и информационной базы, отсутствие которой сказывается на усилении межэтнической напряженности [Гайдук, Сулейманов, 2014]. В кризисных коммуникациях «назначение нормативно-регулятивных средств – поддержать функционирование системы «адаптант – адаптирующая среда» на заданном уровне и обеспечить достижение цели» [Голуб, 2011, с. 42]. Нормативные тексты в миграционном дискурсе являются тем сообщением, которое «должно способствовать заполнению информационного вакуума и снижать неопределенность, вызываемую кризисной ситуацией» [Голуб, 2011, с. 43].

Как пишут В. В. Бессонова и М. С. Кошелев, современная ситуация в области миграционных процессов в Российской Федерации характеризуется тем, что большая часть приезжающих в край мигрантов слабо осведомлена или абсолютно незнакома с федеральным или региональным законодательством, что «влечет их низкую правовую грамотность, и, как следствие, ухудшение криминогенной ситуации в регионе», принимающем мигрантов [Бессонова, Кошелев, 2013, с. 28]. В этой связи актуальной является разработка адекватного законодательства, в том числе разработка нормативных текстов, направленных на регулирование правовой, социальной и культурной адаптации мигрантов, защиту прав и свобод как коренных жителей, так и мигрантов.

Отметим, что нормативные документы, регулирующие миграционные процессы, должны быть понятны как представителям титульной нации, так и всем существующим категориям мигрантов. Следует признать, что переводческие вопросы в миграционной сфере представляют собой отдельную сложную проблему, решение которой требует учета многих

факторов в зависимости от выбранного исследовательского направления. К примеру, в связи с активизацией миграционных процессов в России, актуальной рассматривается проблема перевода в уголовном судопроизводстве, в том числе по делам мигрантов: вопросы привлечения переводчика в процесс, определение лингвистических способностей привлекаемых переводчиков, подтверждение знания языков, определение компетентности в сфере уголовно-процессуальной деятельности и другие проблемные аспекты участия переводчика в суде и следственных действиях [Киндеркнехт, 2017]. По замечанию О. Ю. Кузнецова, лингвистическая самоидентификация участника уголовного процесса и его национально-языковая самобытность должны учитываться «как непереносимое условие законности совершаемых в отношении него любых процессуальных действий» [Кузнецов, 2006, с. 75]. В Российской Федерации нередко не хватает квалифицированных переводчиков для большого числа языков, «существующая судебная практика позволяет использовать в арбитражных, гражданских и уголовных судебных процессах в качестве переводчиков не только лиц, обладающих специальным образованием, но и иных граждан <...>», и «существуют прецеденты, когда в суде при переводе на восточные языки выступают продавцы и дворники – мигранты» [Чибисова, 2009, с. 156].

Уголовная сфера является лишь частью области применения переводческой деятельности, осуществляемой для мигрантов и часто силами самих мигрантов. В целом доступность текстов документов для прибывающего народа, равно как и доступность коммуникации на языке принимающего народа, – один из возможных факторов для ослабления конфликтности миграционного дискурса.

Рассматривая теорию создания нормативной базы в зоне миграционных конфликтов, выражаемой в административно-правовых текстах, следует учитывать как внешние, так и

внутренние миграционные потоки. Для современной России, как отмечает А. Н. Поздняков, «межэтнические конфликты на ее территории случаются и между представителями различных этнических диаспор, зачастую не относящихся к титульной нации конкретного региона – являющихся мигрантами внутренними или внешними» [Поздняков, 2016, с. 140]. В этой связи актуальным становятся разработка документов как для внешней миграции, так и для внутренней миграции и их адекватный перевод на языки народов населения страны.

По словам С. В. Мурашевой, «особое значение для политики интеграции приобретает интеграционный потенциал принимающего общества, адаптивные возможности мигрантов, социальные практики взаимодействия принимающего населения с мигрантами [Мурашева, 2016, с. 460]. Организации цивилизованной миграции во многом способствует информационно-образовательная деятельность. Как пишет И. С. Метелев, по отношению к трудовым мигрантам «следует добиваться общих правил этико-культурной воспитанности (шире – деятельности), которые предполагают, во-первых, механическую или «заученную» моральность в виде элементарного выражения приветствий, знаков внимания, вербальных реакций в типичных ситуациях общения, во-вторых, – стереотипную моральность как полуавтоматическое исполнение общепринятых норм и образцов поведения, культурные привычки, формы коммуникации, наконец, – убежденную моральность в формах достижения личностью внутреннего понимания нравственных принципов и идеалов, ценностных ориентаций на уровне самосознания» [Метелев, 2010, с. 129]. Как видим, в профилактике миграционных конфликтов на национальной почве большое значение имеет формирование языковой компетентности и коммуникационных навыков, связанных с лингвокультурными особенностями принимающей страны.

Однако было бы ошибочным рассматривать вопросы лингвообразования актуальными только в отношении мигрантов. Образовательно-воспитательная работа необходима и для принимающего населения, особенно если мы будем учитывать проявления агрессии, ксенофобии, дискриминации и прочие негативные проявления по отношению к мигрантам со стороны титульной нации. Рассматривая межэтнические коммуникации в связи с миграционными потоками, Н. М. Романенко, отмечает, что «сегодня как никогда требуется проявление корректности, толерантности, взаимоуважения, внимательности в произнесении слов, отдельных выражений, действиях по отношению друг к другу и к представителям инокультуры» [Романенко, 2016, с. 21].

Гармонизации коммуникации в дискурсе миграции способствует формирование конфликтологической культуры субъектов взаимодействия, которая предполагает «сформированность не только конкретных знаний и практических умений, но и ряда специфических способностей личности, в том числе речевых, являющихся основой для лучшего понимания других и самого себя, для самосовершенствования, самореализации посредством конструктивного решения проблем межличностного взаимодействия» [Баранова, Ольховик, 2013, с. 86].

Формирование конфликтологической культуры нами может рассматриваться в качестве задачи для основных участников миграционного конфликта – мигрантов и представителей принимающего народа. В данном рассмотрении мы сталкиваемся с трудноразрешимой реальией воспитания взрослого человека со сложившимися стереотипами, взглядами, позициями, интересами. В то же время в образовательном процессе в рамках адаптации детей мигрантов и воспитания детей титульной нации проблема видится вполне реальной и решаемой.

Вопросы формирования способности к речевой бесконфликтности и толерантного коммуникативного поведения в

миграционном дискурсе актуальны для субъектов, не являющихся непосредственными участниками конфликта, но задействованных в его разрешении и специально обученных для налаживания речевой коммуникации. Отмечая, что «решить конфликтные вопросы без должного культурологического понимания процессов межкультурной коммуникации нельзя», М. Г. Лебедько и С. М. Дударёнок отмечают, что необходимы эксперты-консультанты по различным культурам, «которые предположительно могли бы консультировать всех желающих иммигрантов, что могло бы объединить специалистов различного профиля, занимающихся исследованием языков и культур как иммигрантов, так и принимающего сообщества» [Лебедько, Дударёнок, 2013, с. 104, 108].

О специальной работе с участниками миграционных конфликтов пишет С. В. Мурашева, отмечая такие виды деятельности, как тренинги и упражнения, лекции и беседы с группами мигрантов, индивидуальные консультации и пр. – для оказания необходимой помощи мигрантам в целом комплексе проблем, характеризующихся определенной спецификой и требующих детального и безотлагательного решения [Мурашева, 2018]. Изучая вопросы предотвращения конфликтных взаимодействий резидентов и мигрантов в Приднестровье, О. А. Волкова и А. Н. Оставная обращают внимание на возможность оказания посреднических услуг между мигрантами и принимающей стороной, а также на правовую поддержку «в случае выявления фактов дискриминации и эксплуатации на рынке труда принимающих стран» [Волкова, Оставная, 2015, с. 231]. Таким образом, в миграционной лингвистике необходима, как отмечают исследователи, профессиональная деятельность специалистов помогающих профессий, способствующих конструктивному выстраиванию диалогичных отношений мигрантов и резидентов: психологов [Леонов, 2014; Жуина, 2014], педагогов [Метелев, 2010; Романенко, 2016; Баранова, Ольховик,

2013], конфликтологов [Мурашева, 2018; Юрченко, Донцова, Юрченко, 2008], переводчиков и экспертов по межкультурной коммуникации [Никонова, 2017; Лебедько, Дударенок, 2013], специалистов права [Тишкевич, Попов, 2018б; Гайдук, Сулейманов, 2014], различных работников социальных служб [Волкова, Оставная, 2015] и др.

Если рассматривать миграционный дискурс как вид социальной практики, который «формируют социальные структуры, социальные практики, социальные агенты, участники, вовлеченные в социальные события» [Шустова, 2018, с. 120], то следует говорить о дискурсивном пространстве как «некой логической среде, в которой сосуществуют дискурсы и дискурсивные личности – люди, производящие эти дискурсы» [Плотникова, 2011, с. 154]. Как пишут С. В. Шустова и Е. В. Исаева, «понятие дискурсивного пространства позволяет анализировать дискурс с точки зрения его существования среди других дискурсов, в аспекте их взаимодействия, и с точки зрения интерактивного дискурсивного процесса, в который вовлечены определенные участники» [Шустова, Исаева, 2019, с. 49].

Участниками постоянно развивающегося миграционного дискурсивного процесса являются не только мигранты и представители принимающего народа. В социальные события, связанные с современными миграционными потоками, вовлечены участники, представляющие дискурсы, сосуществующие с миграционным дискурсом, – юридический дискурс, психологический дискурс, педагогический дискурс, конфликтологический дискурс, переводческий дискурс и др.

Миграционный дискурс следует рассматривать как «среду сосуществования и функционирования определенных дискурсов, объединенных по какому-либо принципу» [Шустова, Исаева, 2019, с. 15], как общение в рамках сложившихся социальных институтов [Зубарева, 2019]. Участниками общения выступают каждый раз вовлеченные во взаимодействующих дискурсах агенты,

обладающие своими речевыми тактиками и коммуникативными стратегиями ослабления конфликтогенности миграционных процессов.

Социальными агентами, производящими дискурсивное пространство сосуществования миграционного и конфликтологического / медиационного дискурсов, являются консультанты-конфликтологи и посредники-медиаторы, активно вовлекаемые в процесс предупреждения и разрешения конфликтов, возникающих между основными участниками миграционного дискурса. Рассмотрим некоторые аспекты социальной практики медиатора, направленной на ослабление конфликтогенности миграционного дискурса.

Социальный агент «медиатор» как востребованный участник миграционного дискурса

Принимая во внимание конфликтологический потенциал миграционного дискурса, конфликтогенность речевого общения между мигрантами и принимающим населением, нельзя обойти стороной потенциал медиативных социальных практик и вопросы участия в миграционном дискурсе медиаторов как нейтральных социальных агентов в переговорах конфликтующих сторон.

В миграционных процессах как в глобальных масштабах, в институциональном взаимодействии, так и на локальном уровне во взаимоотношениях отдельных людей в различных ситуациях остро встают вопросы общения, понимания друг друга, умения договориться и наметить общие цели, не противоречащие интересам мигрантов и резидентов. Как пишет С. Р. Хайрова, в межкультурном пространстве цивилизаций самым эффективным способом урегулирования конфликтной ситуации является достижение договоренности между сторонами – «в результате либо прямых переговоров, либо переговоров с привлечением посредника, или медиатора» [Хайрова, 2009, с. 22].

Медиатор – «независимое физическое лицо, привлекаемое сторонами в качестве посредника в урегулировании спора для содействия в выработке сторонами решения по существу спора» [Медиация, 2016, с. 140]. Медиация как «посредничество между сторонами с целью приведения их к примирению» – один из путей воздействия на ситуацию в разрешении конфликтов в миграционных процессах на уровне местных сообществ [Козюк, 2016, с. 73].

Медиация рассматривается в праве как одна из технологий альтернативного урегулирования споров (англ. *alternative dispute resolution*, ADR). Как пишет И. А. Валынкина, «целью альтернативных форм разрешения споров, вернее целью действий участвующих в споре сторон APC, является достижение определенного результата – разрешения конфликта» [Валынкина, 2011, с. 119]. Как отмечает Г. В. Севастьянов, «роль альтернативного разрешения споров в ряду способов разрешения и урегулирования конфликтов вполне самостоятельная и самодостаточная», «такие способы являются институтами саморегулирования общества, а главное, коренным образом отличаются от государственных способов разрешения споров» [Севастьянов, 2016, с. 60]. Государственные способы урегулирования разногласий, имеющие «властный характер», в большей степени обеспечиваются государственным принуждением и осуществляются строго формально на уровне федерального закона [Севастьянов, 2016, с. 61–62]. Негосударственные способы разрешения споров, к которым относится медиация, применяются на основе «сотрудничества», «не используют властные для достижения результата их применения и регулируются преимущественно диспозитивно – на основе соглашения сторон» [Там же, с. 62].

В миграционном дискурсе негосударственные способы разрешения конфликтов востребованы в силу того, что медиатор является независимым лицом, его независимость определяется самими медиаторами как «беспристрастное отношение с каждой из сторон» и обеспечение им «равного права участия в переговорах» [Аллахвердова, Карпенко, 2005, с. 23], а в

миграционных конфликтах государство может выступать одной из сторон спора, разногласия, напряженной ситуации [Лисицын, 2017], в связи с чем при осуществлении государственных способов урегулирования разногласий равноправие участников в переговорах может нарушаться.

Изучая источники, описывающие основы деятельности медиатора как социального агента в разрешении конфликтов, можно обнаружить общие закономерности, проливающие свет на характеристики дискурсивной личности медиатора. Так, учитывая вышеизложенное замечание, касающееся востребованности медиации в силу независимости медиатора, следует обратиться к тексту Федерального закона № 193, где также сказано, что в работе медиатора учитываются принципы добровольности и равноправия сторон в разрешении споров [Федеральный закон от 27 июля 2010 г.]. Здесь отметим, что одним из основных концептов, определяющих отношение сторон к медиатору и структурирующих отношения медиатора со сторонами конфликта, является концепт «доверие». Именно реализация данного концепта, связанная с особенностями коммуникативного поведения медиатора и речевыми стратегиями медиатора в спорах, в том числе и в миграционных процессах, делает актуальным обращение сторон к медиации: «Бесспорно, основой любой примирительной процедуры во всей правовой действительности является доверие, которое стороны оказывают медиатору как лицу, способному обеспечить ведение переговоров между ними с целью примирения и нахождения взаимоприемлемого и эффективного решения» [Шумова, 2014, с. 204].

Концепт «доверие» в научной и методической литературе раскрывается в следующих контекстах: «повышение доверия к медиатору», «увеличение доверия к медиатору». Сам медиатор, помимо «независимого физического лица», определяется через номинации «третья нейтральная (независимая) сторона», «нейтральный посредник», а медиация рассматривается как некий переход от конфликта (спора) к согласию, примирению, принятию другого и разрешению конфликтной ситуации.

Работа медиатора непосредственно связана с конфликтами. Конфликт – это среда, в которой медиация «особенно эффективна» [Карпенко, Давыденко, 2016, с. 132]. Российские конфликтологи Л. Н. Цой и О. Б. Иванов определяют цель медиации как «формирование социальной среды для разрешения разного рода конфликтов в обществе», при этом основная медиационная задача – досудебное разрешение конфликтов [Цой, Иванов, web]. Разрешение конфликтов – это социальная потребность, характеризующая социальный институт медиации, становление которого, по словам Е. И. Носыревой, находится сейчас на начальном этапе [Носырева, 2016а, с. 67]. В миграционных конфликтах медиация рассматривается как одна из форм социальной деятельности, позволяющая снять или снизить социальную напряженность и оптимизировать социальные взаимосвязи между мигрантами и жителями принимающей стороны [Козюк, 2016].

Общение медиатора со сторонами миграционного конфликта, будучи обусловленное практическими потребностями общества, можно рассматривать как статусно-обусловленное институциональное общение (по терминологии В. И. Карасика [Карасик, 2016]). Медиатор участвует «в диалоге людей, воспринимающих друг друга как представителей определенной группы» [Карасик, 2016, с. 62], тематическим определителем общения является концепт «разрешение / предупреждение конфликта». В рамках обозначенной темы медиатор действует согласно своим правилам и принципам, отражающимся в его коммуникативном поведении и речевых стратегиях.

Медиация представляет собой институциональный дискурс, это связанная последовательность письменных и устных речевых практик, нацеленных на выявление интересов конфликтующих сторон и поиск конструктивного решения. Л. В. Куликова и О. А. Прохорова понимают под дискурсом медиации «менеджмент процесса когнитивной, вербальной и эмоциональной трансформации субъектов конфликтного общения в рамках континуума от коммуникативного диссонанса к коммуникативному консенсусу», основная цель дискурса

медиации, согласно этим же исследователям, – это «управление процессом развития кооперации, направленной на разрешение конфликта»; «иными словами, конфликтующие участники должны из конфликтного дискурсивного пространства (зоны несогласия) перейти в кооперативное (зону согласия)» [Куликова, Прохорова, 2016, с. 102]. Медиатор «облегчает коммуникацию между двумя (и более) другими участниками, находящимися в эмоциональном противостоянии друг к другу и не способными самостоятельно осуществить конструктивную коммуникацию» [Аллахвердова, 2007, с. 152].

При участии медиатора в миграционном пространстве неизбежно возникают вопросы взаимодействия дискурсов. Конструируя дискурс медиации, медиатор встраивает его в миграционный дискурс, участвуя в урегулировании конфликтных отношений между мигрантами и резидентами. Медиатор не является ключевым социальным участником миграционного дискурса, это «дополнительный участник» как один из «посредников во взаимодействии между основными участниками», в отсутствие которого миграционный процесс может существовать [Лисицын, 2017, с. 55]. Между тем, реализация прагматической цели медиатора осуществляется во взаимодействии с ключевыми социальными участниками миграционного дискурса: мигрантами, государством, работодателями, резидентами.

Дискурс медиации в миграционном пространстве взаимодействует с юридическим дискурсом, «всей совокупностью правовых и законодательных текстов, реализуемых в рамках юридической компетенции» [Сафронова, 2016, с. 88]. Медиатор, задействованный в урегулировании конфликтной ситуации, не обязательно является активным участником юридического дискурса, «сама по себе процедура медиации, основанная на соглашении и усмотрении сторон, не требует законодательной регламентации» [Носырева, 2016б, с. 74]. Вместе с тем, медиация как социальная практика очень тесно связана с правом, к примеру, «для эффективного развития

этого института необходимо нормативное закрепление целого ряда вопросов» [Носырева, 2016б, с. 74].

Медиация соприкасается также с психологическим дискурсом, предполагающим изучение различных аспектов проблем, связанных с предупреждением и разрешением миграционных конфликтов, управлением миграционными конфликтами [Леонов, 2014], достижением социального согласия, равноправного диалога и мирного сосуществования представителей разных инокультурных групп [Рягузова, 2018].

В рамках миграционного пространства медиация реализуется в педагогическом дискурсе. Реализация статуса медиатора представлена, прежде всего, в школьных службах примирения, где медиаторами нередко выступают сами дети, которых специально обучают разрешать конфликтные ситуации в среде сверстников [Медиация как культура согласия, 2013]. В аспекте миграционной лингвистики здесь актуальны вопросы коммуникативной компетенции как школьников-медиаторов, так и школьников-немедиаторов, а также проблемы толерантного отношения к другим культурам в образовательном процессе с участием детей-мигрантов.

Ю. И. Пичугина, рассматривая воспитание межнациональной толерантности в процессе адаптации детей-мигрантов младшего школьного возраста, отмечает, что дети-мигранты испытывают трудности в общении с другими детьми: они могут не иметь навыков знакомства и умения общаться со сверстниками; сталкиваются с непониманием некоторых выражений, которые воспринимают как оскорбительные; имеют различные нормы общения и испытывают трудности с освоением программы, что также является следствием языкового барьера в обучении детей-мигрантов [Пичугина, web]. Медиация положительно проявляет себя в конфликтах более старших участников образовательного процесса с участием мигрантов, где концепт «доверие», реализуемый через социальное доверие, которое «инициирует отношения сотрудничества и социального партнерства» [Мурашева, 2016, с. 459], выступает противоположным

концептам «интолерантность», «дискриминация», «экстремизм», «мигрантофобия».

В практике общения мигрантов в ходе процессов адаптации и аккультурации неизбежной медиативной сферой выступает медицинское сопровождение мигрантов. Точками соприкосновения медицинского дискурса, дискурса медиации и миграционного дискурса являются как общая конфликтогенность сферы медицинских услуг [Помыткина, 2018; Ситкина, Исаева, 2018], так и уязвимое положение мигрантов с точки зрения доступа к здравоохранению в принимающем обществе, обусловленное такими факторами, как «языковой барьер, культурные различия, субъективные представления о здоровье и болезни, расовая или этническая дискриминация со стороны тех, кто оказывает услуги, или населения в целом» [Кузнецова, Мухарямова, Вафина, 2013, с. 368]. Несмотря на ряд организационных и научно-методических проблем с внедрением процедур медиации в здравоохранении, специалистами высоко оцениваются возможности применения медиации для урегулирования конфликтов между агентами медицинского дискурса [Помыткина, 2018].

Вопросы понимания и взаимопонимания мигрантов и представителей принимающего общества – актуальные вопросы переводческого дискурса, задействованного в миграционном пространстве и тесно соприкасающегося с дискурсом медиации. Здесь медиация трактуется с позиции социокультурного феномена, характеризующего текущее состояние межэтнического взаимодействия в современном обществе. Так, Ю. В. Плеханова и М. А. Степанова рассматривают концепцию включения процедур языкового и межкультурного посредничества в систему государственной социальной поддержки населения в странах Европейского союза [Плеханова, Степанова, 2018]. Авторы сопоставляют медиацию с коммунальным переводом, устным переводом для государственных и муниципальных нужд, межкультурным переводом, межъязыковым, культурным и интеграционным

посредничеством и отмечают, что медиация «по своей сути представляет выполнение перевода с учетом индивидуализированных социокультурных реалий с тем, чтобы гарантировать коммуникацию между клиентами, говорящими на иностранном языке, и учреждениями, предоставляющими пакет услуг в области здравоохранения, социального обеспечения и образования» [Плеханова, Степанова, 2018, с. 9]. Ю. В. Плеханова и М. А. Степанова пишут, что повседневная коммуникация между представителями этнических меньшинств в принимающей стране (иммигрантами, иностранными работниками, беженцами) и жителями страны пребывания должна поддерживаться при содействии межъязыковых и межкультурных посредников; назначение медиатора здесь – снятие барьеров коммуникации, сокращение времени, «которое тратится на выяснение всякого рода недоразумений, возникающих в результате недопонимания»: «<...> переводчики-медиаторы являются связующим звеном между двумя сторонами, элементом, направленным на компенсацию коммуникативного неравноправия между этими сторонами и устранение языковых и культурных барьеров» [Там же, с. 10–11].

В переводческом дискурсе следует разграничивать термины «посредничество» и «медиация». Переводчика нередко называют посредником и медиатором, но не имеют в виду источник развития новой культуры отношений при содействии третьей нейтральной стороны, которая помогает в выработке взаимоприемлемых решений и управляет процессом переговоров. Перевод – это и языковое посредничество, и межкультурное посредничество. Однако если рассматривать эти виды посредничества шире – как профессиональное явление, направленное на разрешение противоречий, то следует говорить о медиации в ее социально-правовом значении. Медиативные / медиаторские функции переводчика не всегда явно эксплицируются в его деятельности: «Переводчику нередко приходится выступать в роли конфликтолога, посредника,

вольно или невольно регулирующего взаимоотношения коммуникантов, способствующего сглаживанию проблемных моментов коммуникации для достижения конкретных целей общающихся сторон» [Киндеркнехт, 2018а, с. 178]. Вместе с тем, эти функции весьма перспективно изучать для решения вопросов взаимоотношения, в том числе в рамках миграционного дискурса, так как «обстоятельства, актуализирующие медиативную компетентность переводчика, потенциально заложены в любом процессе иноязычного и инокультурного человеческого общения: межличностного, делового, межгруппового, межгосударственного и пр.» [Киндеркнехт, 2018б, с. 22–23].

Как видим, дискурс медиации взаимодействует с миграционным дискурсом и вовлекает в процесс взаимодействия дискурсы, так или иначе связанные с адаптацией и аккультурацией мигрантов в принимающем обществе. Медиатор, актуализирующий себя в конфликтных ситуациях, связанных с правоотношениями, коммуникацией в педагогической сфере, сфере здравоохранения или в целом в межкультурном общении, выступает здесь как участник миграционного дискурса, который своими речевыми стратегиями, связанными с определенным коммуникативным поведением в конфликтных ситуациях, осуществляет переход от конфликта к интеграции, помогает основным участникам конфликта / спора – мигрантам и представителям принимающего общества – преодолеть барьеры непонимания, снять эмоциональную напряженность и урегулировать конфликтные взаимоотношения. Как дополнительный участник миграционного дискурса медиатор – это эксперт-консультант, помощь которого в ситуации конфликта, реализуемая путем определенных речевых практик в переговорах конфликтующих сторон, весьма востребована в миграционной коммуникации.

Заключение

Изучение сферы миграции в лингвистическом ракурсе неизбежно связано с обращением к целому ряду наук,

высвечивающих динамику языковых процессов во взаимодействии основных участников миграционного дискурса – мигрантов и представителей принимающего общества.

Признание конфликтогенности социальных коммуникаций, сопровождающих внешние и внутренние миграционные потоки, делает актуальным поиск путей ее ослабления на глобальном и локальном уровнях. Одним из путей профилактики и работы с напряженными отношениями, проявляющимися в общении людей, задействованных в миграционной области, является привлечение сторонних специалистов, представителей помогающих профессий, посредников, способных урегулировать общение конфликтующих сторон и способствующих построению конструктивного диалога представителей разных народов.

Медиатор является именно таким участником миграционного дискурса, это социальный агент, выполняющий функцию разрешения и урегулирования конфликтов и оптимизации социальных взаимосвязей между мигрантами и резидентами.

Участвуя в миграционном дискурсе, медиатор конструирует свой отдельный дискурс – дискурс медиации как связную последовательность письменных и устных речевых практик, нацеленных на выявление интересов конфликтующих сторон и поиск конструктивного решения, на гармонизацию миграционных процессов. В миграционном дискурсивном пространстве дискурс медиации через медиатора активно взаимодействует с другими дискурсами, соприкасающимися в напряженных, конфликтных коммуникативных ситуациях, в которых задействованы основные агенты миграционного дискурса: юридический, психологический, педагогический, медицинский, переводческий дискурсы. Как социальный агент, непосредственно связанный с конфликтами, с речевой агрессией, с ситуациями непонимания, медиатор участвует одновременно в нескольких дискурсах, актуализирующихся в социальном институте медиации, способствуя снижению конфликтогенности общения.

Для достижения своих дискурсивных целей медиатор использует определенные речевые стратегии, позволяющие перейти от конфликта к примирению или пониманию и принятию идентичности другого, его обычаев, позиций, интересов, ценностей. Изучение языковой и дискурсивной личности медиатора как активного агента миграционного дискурса необходимо для дальнейшего изучения языковых процессов в миграционной лингвистике.

Законы

1. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (с изменениями и дополнениями). URL: <https://base.garant.ru/12177508/> (дата обращения: 30.05.2019).

Список литературы

2. Аллахвердова О. В. Медиация как социально-психологический феномен // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. 2007. № 2–1. С. 151–159.

3. Аллахвердова О. В., Карпенко А. Д. Методическое пособие для посредников-медиаторов. Санкт-Петербург: Изд-во «Санкт-Петербургский государственный университет», 2005. 107 с.

4. Баранова Т. А., Ольховик Н. Г. Принципы диагностики уровня сформированности речевой конфликтологической компетенции // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2013. № 4 (184). С. 85–90.

5. Бессонова В. В., Кошелев М. С. Правовая адаптация мигрантов как одно из направлений государственной

миграционной политики России // Миграционное право. 2013. № 4. С. 27–31.

6. Валынкина И. А. К вопросу о соотношении медиации с иными альтернативными формами разрешения споров // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2011. № 4 (29). С. 118–121.

7. Веснина Л. Е. Милитарная метафора, представляющая образ мигранта в отечественных СМИ // Лингвокультурология. 2009. № 3. С. 27–34.

8. Волкова О. А., Оставная А. Н. Этнический и гражданский статусы мигрантов как факторы конфликтогенности (на примере приднестровских мигрантов) // Конфликтология. 2015. № 4. С. 217–237.

9. Гайдук В. В., Сулейманов А. Р. Миграционные особенности современных этнических конфликтов // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2014. № 1 (24). С. 110–119.

10. Голуб О. Ю. Управление кризисными организационными коммуникациями: теоретические основания изучения // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология, политология. 2011. Т. 11. № 4. С. 40–48.

11. Гончарова Н. П. Отражение миграционной тематики в СМИ в условиях эскалации межэтнических конфликтов // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2014. № 6. С. 197–202.

12. Джумамухамедов Р. А. Амбивалентная специфика миграционных процессов: интеграция и конфликт // Научный журнал. 2018. № 11 (34). С. 44–48.

13. Жуина Д. В. Социально-психологическое сопровождение адаптации мигрантов: из опыта работы акмеологического центра // Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире: материалы II Международной научно-практической конференции (г. Пенза, 27–28 февраля 2014 г.) / Отв. ред. В. В. Константинов. Москва: Издательство «Перо», 2014. С. 29–33.

14. Зубарева Е. О. Модель миграционного дискурса // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. № 5 (1). С. 35–45.
15. Зубарева Е. О., Шустова С. В. Миграционная лингвистика: к вопросу о формировании направления // Мир языков: ракурс и перспективы: сборник материалов IX Международной науч.-практ. конференции (г. Минск, 26 апреля 2018 г.): в 6 ч. Ч. Минск: Изд-во «Белорусский государственный университет», 2018. С. 66–68.
16. Карасик В. И. Дискурсивное проявление личности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20. № 4. С. 56–77.
17. Карпенко А. Д., Давыденко Д. Л. Основные термины медиации / Медиация: Учебник / Под ред. А. Д. Карпенко, А. Д. Осинковского. Санкт-Петербург: Редакция журнала «Третейский суд»; Москва: Статут, 2016. С. 129–143.
18. Киекбаев М. Д., Абдрахманов Д. М. Интеграционные процессы в Евразии в контексте миграции и наркотизации // Проблемы востоковедения. 2016. № 1 (71). С. 26–33.
19. Киндеркнехт А. С. О медиаторской функции переводчика // Социальный мир человека. Вып. 8. Материалы VII Международной научно-практической конференции «Человек и мир: мирозидание, конфликт и медиация» (г. Ижевск, 5–7 апреля 2018 г.) / Под ред. Н. И. Леонова. Ижевск: ERGO, 2018a. С. 177–179.
20. Киндеркнехт А. С. О медиации в практике переводческой деятельности // Индустрия перевода. 2018б. Т. 1. С. 20–24.
21. Киндеркнехт А. С. Проблемные аспекты деятельности переводчика в уголовном процессе: взгляд лингвиста // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 12. С. 228–233.
22. Козюк М. Н. Медиативные технологии как средство разрешения конфликтов в миграционных процессах на уровне местных сообществ // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Серия: Политология и социология. 2016. № 3. С. 69–75.

23. Койше К. К. Современные миграционные процессы как фактор «лингвистической войны» на новом этапе развития РФ // Вестник Югорского государственного университета. 2015. № 1 (36). С. 125–134.

24. Космарская Н. П. «Свои» и «чужие»: идентичность и конфликт в условиях внутриэтнического взаимодействия // Этнографическое обозрение. 2015. № 6. С. 3–12.

25. Костева В. М. К вопросу о терминологизации новых исследовательских парадигм лингвистики // Миграционная лингвистика в современной научной парадигме. Монография / Зубарева Е. О., Исаева Е. В., Иценко А. В., Костева В. М., Моцанская Е. Ю., Шустова С. В. / Научный редактор доктор филологических наук, профессор Т. И. Ерофеева. Пермь: Изд-во «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 2019. С. 136–143.

26. Кузнецов О. Ю. Переводчик в российском уголовном судопроизводстве. Москва: Изд-во МПИ ФСБ России, 2006. 256 с.

27. Кузнецова И. Б., Мухарямова Л. М., Вафина Г. Г. Здоровье мигрантов как социальная проблема // Казанский медицинский журнал. 2013. Т. 94. № 3. С. 367–372.

28. Куликова Л. В., Прохорова О. А. Исследовательские подходы к дискурсу медиации в фокусе междисциплинарности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 2 (56): в 2-х ч. Ч. 2. С. 100–104.

29. Лебедько М. Г., Дударёнок С. М. Миграция как процесс межкультурной коммуникации: развитие взаимопонимания контактирующих культур // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 4 (24). С. 103–109.

30. Леонов Н. И. Миграционные конфликты в социально-психологическом измерении // Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире: материалы II Международной научно-практической конференции (г. Пенза, 27–28 февраля 2014 г.) / Отв. ред. В. В. Константинов. М.: Издательство «Перо», 2014. С. 97–101.

31. Лисицын П. П. Основные и дополнительные участники миграционного процесса в России: каналы коммуникации // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. 2017. Т. 10. № 1. С. 54–70.

32. Матыцина М. С. Деконструирование дискурса иммиграции. Иммигранты: жертвы, герои или угроза? // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2018. № 3 (20). С. 84–88.

33. Медиация как культура согласия: сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции 23 апреля 2013 года (г. Пермь). Информационно-методические материалы / Составители: Т. И. Марголина, Л. А. Ясырева. Пермь: ИП Корман Галина Николаевна, 2013. 354 с.

34. Медиация: Учебник / Под ред. А. Д. Карпенко, А. Д. Осинковского. Санкт-Петербург: Редакция журнала «Третейский суд»; Москва: Статут, 2016. 470 с.

35. Метелев И. С. Специфика конфликтов в сфере миграционного опыта // Конфликтология. 2010. № 4. С. 124–135.

36. Мощанская Е. Ю. Функциональная парадигма перевода в миграционной лингвистике / Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: монография / Зубарева Е. О., Исаева Е. В., Иценко А. В., Костева В.М., Мощанская Е. Ю., Шустова С. В. / Научный редактор доктор филологических наук, профессор Т. И. Ерофеева. Пермь: Изд-во «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 2019. С. 144–161.

37. Мурашева С. В. Проблемы адаптации и интеграции мигрантов и предупреждения конфликтов с местным населением // Россия в мировом сообществе: смысловое пространство диалога культур: материалы Междунар. форума «Восточный вектор миграционных процессов: диалог с русской культурой» (г. Хабаровск, 16–17 ноября 2016 г.) / Отв. ред. Е. В. Кулеш. Хабаровск: Изд-во «Тихоокеанский государственный университет», 2016. С. 456–462.

38. Мурашева С. В. Специфика подготовки конфликтологов для работы по адаптации и интеграции мигрантов //

Современные методы взаимодействия и способы сотрудничества специалистов помогающих профессий: сборник научных трудов участников III Международной научно-практической конференции (г. Орёл, 4–5 мая 2018 г.) / Под ред. А. М. Митяевой, С. В. Мурашевой. Орёл: Изд-во «Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева», 2018. С. 80–87.

39. Никонова М. А. Трудности устного перевода для беженцев и мигрантов // Молодой ученый. 2017. № 3 (137). С. 668–672.

40. Носырева Е.И. Медиация как социальный и правовой институт / Медиация: Учебник / Под ред. А. Д. Карпенко, А. Д. Осинковского. Санкт-Петербург: Редакция журнала «Третейский суд»; Москва: Статут, 2016а. С. 66–73.

41. Носырева Е. И. Правовое регулирование медиации / Медиация: Учебник / Под ред. А. Д. Карпенко, А. Д. Осинковского. Санкт-Петербург: Редакция журнала «Третейский суд»; Москва: Статут, 2016б. С. 74–84.

42. Пичугина Ю. И. Воспитание межнациональной толерантности в процессе адаптации детей-мигрантов младшего школьного возраста. URL: <https://infourok.ru/statya-na-temu-vozpitanie-mezhnacionalnoy-tolerantnosti-v-processe-adaptacii-deteymigrantov-mladshego-shkolnogo-vozrasta-693355.html> (дата обращения: 19.09.2019).

43. Плеханова Ю. В., Степанова М. А. Феномен лингвокультурной и транскультурной медиации: концепция стран Европейского Союза / Лингвокультурная и транскультурная медиация как межкультурный феномен: вопросы теории и практики: коллективная монография / Отв. редакторы Э. М. Рянская, М. А. Степанова. Уфа: АЭТЕРНА, 2018. С. 7–40.

44. Плотникова С. Н. Дискурсивное пространство: к проблеме определения понятия // Magister Dixit. 2011. № 2 (06). С. 152–158.

45. Поздняков А.Н. К вопросу о межэтнических конфликтах и о перспективах их предупреждения оперативно-розыскными методами // Успехи современной науки. 2016. Т. 3. № 6. С. 139–143.

46. Помыткина Т. Ю. Медиация в медицине: проблемы и перспективы // Социальный мир человека: материалы VII Международной научно-практической конференции «Человек и мир: миросозидание, конфликт и медиация» (г. Ижевск, 5–7 апреля 2018 г.). Ижевск: ООО Издательский дом «ERGO», 2018. С. 184–186.

47. Романенко Н. М. Межнациональный конфликт как индикатор межэтнической напряженности // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. 2016. № 9. С. 21–28.

48. Рягузова Е. В. Социально-психологические интеракции с чужаками: миграционные конфликты ожиданий // Социальный мир человека: материалы VII Международной научно-практической конференции «Человек и мир: миросозидание, конфликт и медиация» (г. Ижевск, 5–7 апреля 2018 г.). Ижевск: ООО Издательский дом «ERGO», 2018. С. 301–305.

49. Сафронова Т. С. Особенности понятия «юридический дискурс» // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 5–4. С. 86–91.

50. Севастьянов Г. В. Место и роль альтернативного разрешения споров в разрешении конфликтов / Медиация: Учебник / Под ред. А. Д. Карпенко, А. Д. Осинковского. Санкт-Петербург: Редакция журнала «Третейский суд»; Москва: Статут, 2016. С. 60–65.

51. Ситкина Е. В., Исаева Е. Р. Конфликтогенные ситуации в сфере оказания стоматологических услуг и пути их профилактики // Социальный мир человека: материалы VII Международной научно-практической конференции «Человек и мир: миросозидание, конфликт и медиация» (г. Ижевск, 5–7 апреля 2018 г.). Ижевск: ООО Издательский дом «ERGO», 2018. С. 186–190.

52. Суюнчалиева О. Т. Межэтнические и межконфессиональные конфликты как негативные последствия неконтролируемых

миграционных процессов // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2008. № 10 (28). С. 90–92.

53. Тишкевич Э. В., Попов М. Е. Миграционный фактор межкультурных конфликтов в современной Европе // Актуальные вопросы современной науки: сб. статей по материалам XVI междунар. научно-практич. конф. (г. Томск, 21 ноября 2018 г.). Уфа: ООО Дендра, 2018а. С. 106–113.

54. Тишкевич Э. В., Попов М. Е. Пути преодоления межкультурных конфликтов в современной Европе // Актуальные вопросы современной науки: сборник статей по материалам XVII международной научно-практической конференции (г. Томск, 19 декабря 2018 г.). Уфа: ООО Дендра, 2018б. С. 29–34.

55. Хайрова С. Р. Медиация в межкультурном пространстве цивилизации // Homo Loquens: (Вопросы лингвистики и транслатологии): сб. ст. Вып. 4 / Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Волгоградский государственный университет, Кафедра теории и практики перевода. Волгоград: Изд-во «Волгоградский государственный университет», 2009. С. 22–29.

56. Цой Л. Н., Иванов О.Б. Медиация и конфликтология: методологические и предметно-содержательные различия. URL: <http://conflictmanagement.ru/mediatsiya-i-konfliktologiya-metodologicheskie-i-predmetno-soderzhatelnyie-razlichiya> (дата обращения: 17.09.2019).

57. Цыганкова А. В. Анализ ситуации общения с точки зрения речевой конфликтологии // Специальное образование. 2009. № 1 (13). С. 71–76.

58. Чибисова Е. Ю. Правовое регулирование деятельности переводчика // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2009. № 7–2 (26). С. 153–157.

59. Шаманский Д. А. Зоны миграционного конфликта: характеристика преступности и меры противодействия: автореф. ... канд. юридич. наук. М., 2014. 32 с.

60. Шибанова Н. А. Молодежный фактор в миграционных конфликтах // PolitBook. 2014. № 3. С. 101–112.

61. Штанько М. Ю. Современные миграционные коммуникации в России: проблемы и особенности // Коммуникология. 2013. Т. 1. № 1. С. 164–169.

62. Шумова К. А. Доверие как принцип медиации // Вестник Владимирского юридического института. 2014. № 1 (30). С. 203–205.

63. Шустова С. В. Миграционная лингвистика и миграционный дискурс // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2018. Т. 4. № 2. С. 114–125.

64. Шустова С.В., Исаева Е.В. Миграционная лингвистика: становление и развитие / Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: монография / Зубарева Е. О., Исаева Е. В., Иценко А. В., Костева В. М., Мощанская Е. Ю., Шустова С. В. / Научный редактор доктор филологических наук, профессор Т. И. Ерофеева. Пермь: Изд-во «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 2019. С. 5–64.

65. Юрченко И. В., Донцова М. В., Юрченко Н. Н. Субрегиональные модели конфликтного процесса: методология исследования // Историческая и социально-образовательная мысль. 2008. Т. 10. № 5-1. С. 131–136.

66. Badie B. Flux migratoires et relations transnationales // Études internationales. 1993. № 24 (1). P. 7–16.

67. Cagiano de Azevedo R., Mazza S. Les migrations: un facteur de sécurité internationale. URL: <http://retro.erudit.org/livre/aidelf/2004/001383co.pdf> (дата обращения: 23.10.2019).

68. Simmons Alan B. Mondialisation et migration internationale: tendances, interrogations et modèles théoriques // Cahiers Québécois de démographie. 2002. № 31 (1). P. 7–33.

Köck Johannes
DAAD-Lektor,
Masaryk Universität Brno, Tschechische Republik

**“WARUM HABT IHR 110.000 TÜRKEN EINGEBÜRGERT?“
ANALYSE DES BOTSCHAFTER-INTERVIEWS UNTER
BESONDERER BERÜCKSICHTIGUNG DER
RASSISMUSKRITISCHEN UND
MIGRATIONSPÄDAGOGISCHEN PERSPEKTIVE**

1. Einleitung

„Warum habt ihr 110.000 Türken eingebürgert“? Dieses Zitat, zugleich auch Titel des vorliegenden Beitrags, stammt aus einem viel diskutierten und politisch folgenreichen Interview¹, welches der türkische Botschafter in Wien, Kadri Ecvet Tezcan, der österreichischen Zeitung „Die Presse“ am 9.11.2010 gab. Besagtes Interview, in dem Tezcan viele Missstände der österreichischen Integrationspolitik thematisiert und kritisiert, polarisierte und rief vor allem in Presse und Politik massive Reaktionen unterschiedlicher Couleur hervor.

Österreichische und auch türkische Medien berichteten über das umstrittene Interview des Botschafters. Laut der österreichischen Tageszeitung „Die Presse“ wurde jenes Interview unter den Überschriften "Ghetto-oder Botschafter-Krise" von vielen Medien abgedruckt und kommentiert; von einem Botschafter, der Wien „aufgemischt habe“, war etwa in der Zeitung „Bugün“ die Rede². Während Tezcans Interview in der Türkei häufig positiv aufgenommen wurde, dominierten in Österreich Ablehnung und Polemik. Der damalige FPÖ-Bundesparteiobmann, Heinz-Christian Strache forderte gar den sofortigen Abbruch aller EU-Beitrittsverhandlungen mit der Türkei ‚weil die „Pöbeleien des türkischen Botschafters“ gegenüber Österreich gezeigt hätten, dass

© Köck Johannes, 2020

¹ <https://www.diepresse.com/608981/tezcan-warum-habt-ihr-110000-turken-eingeburgert> (letzter Zugriff: 27.11.2019).

² Vgl. http://diepresse.com/home/politik/aussenpolitik/609403/GhettoKrise_Tuerkische-Medien-verteidigen-Tezcan (letzter Zugriff: 27.11.2019).

die Türkei über keinerlei Europareife verfüge und "im abendländischen Wertesystem nicht angekommen" sei, wie Strache unterstrich¹. Außerdem betonte Strache: „Österreich ist keine Kolonie der Türkei²“. In ähnlicher Weise meldete sich auch FPÖ-Generalsekretär Harald Vilimsky zu Wort: (...) „der türkische Botschafter hat sich nicht nur massiv im Ton vergriffen, sondern einen Beweis mehr geliefert, dass die Türkei bzw. die türkische Mentalität niemals Teil der Europäischen Union werden kann“, meint Vilimsky³.

Der damalige österreichische Außenminister, Michael Spindelegger, gestand ein, dass Österreich „Probleme in der Integration“ habe, dennoch stünde es einem Botschafter nicht zu, sich in solcher Weise zu äußern. Das Interview des türkischen Botschafters sei ferner "beleidigend" für alle Österreicher, das Verhalten des türkischen Botschafters bezeichnete er als "inakzeptabel"⁴.

Die Äußerungen Tezcans wurden in Österreich nicht nur weitestgehend mit Empörung aufgenommen, FPÖ und BZÖ forderten auch dessen Rücktritt⁵. Danach beschäftigten Diskussionen um eine mögliche Abberufung die österreichische Presselandschaft. Am 13.11. 2011 ist in der österreichischen Zeitung „Die Presse“ zu lesen, dass sich 54 Prozent der ÖsterreicherInnen eine Abberufung des türkischen Botschafters Kadri Ecvet Tezcan wünschen, während nur 32 Prozent der Ansicht sind, Tezcan solle bleiben." Dabei treten jedoch deutliche Generationsunterschiede auf: Die unter-30-jährigen

¹ Vgl. <http://relevant.at/politik/europa/52890/scheibner-will-tuerkischen-botschafters-abberufen.story> (letzter Zugriff: 26.11.2019).

² http://diepresse.com/home/politik/aussenpolitik/609127/Wirbel-um-BotschafterInterview_Oesterreich-keine-Kolonie-der-Tuerkei?gal=609127&index=7&direct=609716&_vl_backlink=/home/politik/aussenpolitik/609716/index.do&popup=story (letzter Zugriff: 26.11.2019).

³ <http://www.dasbiber.at/content/t%C3%BCrkischer-botschafter-fragt%3A-%2526quot%3Bwarum-habt-ihr-110.000-t%C3%BCrken-eingeb%C3%BCrgert%2526quot%3B-im-pres-story> (letzter Zugriff: 26.11.2019).

⁴ <http://www.kleinezeitung.at/nachrichten/politik/2551296/ankara-wussten-nichts-interview.story> (letzter Zugriff: 26.11.2019).

⁵ http://www.news.at/articles/1051/8/286712_s1/nach-interview-tuerkischer-botschafter-tezcan (letzter Zugriff: 26.11.2019).

votieren mehrheitlich für einen Verbleib Tezcans in Österreich (43 zu 32 Prozent), eine deutliche Mehrheit der Über-50-Jährigen ist hingegen für eine Abberufung (61 zu 33 Prozent).

„Die Presse“ recurriert in diesem Artikel auf eine Umfrage des Meinungsforschungsinstituts OGM (Österreichische Gesellschaft für Marketing), die im Auftrag der Tageszeitung "Kurier" entstand. Laut dieser Umfrage halten 47 Prozent die Kritik Tezcans an der österreichischen Integrationspolitik zumindest für teilweise berechtigt, 48 Prozent weisen sie als unberechtigt zurück. Auf die Frage, wer mehr zur Integration beitragen soll, nennen 51 Prozent „die Türken“ und lediglich sieben Prozent „die Österreicher“⁶. Inwiefern obige Umfrage wissenschaftlichen Standards genügt, soll an dieser Stelle zweitrangig bleiben. Ebenso wie bei allen, anderen Tageszeitungen entnommenen Quellen dieses Beitrags, war das vordergründige Motiv, zu demonstrieren, welches Aufsehen Tezcans umstrittenes Interview erregte und wie sehr es polarisierte.

Die angesprochene Hochstilisierung politischer Aussagen war einer der Gründe, die ausschlaggebend waren, die Interview-Analyse zum Gegenstand vorliegender Abschlussarbeit zu machen. Am 25. Juli 2011 (gut acht Monate nach dem Interview) verkündet „Die Presse“ Tezcans vorzeitige Abberufung aus Wien. Er werde die Türkei ab Herbst bei der Organisation für wirtschaftliche Zusammenarbeit und Entwicklung (OECD) in Paris vertreten⁷. Beim methodologischen Ansatz dieser Abhandlung findet die Medienforschung keine Berücksichtigung; Auch die Wirkung von Medien auf Rezipienten und deren Verhalten [vgl. Baacke, 1995, S. 339] wird nicht untersucht.

Der vorliegende Text ist die verkürzte und überarbeitete Fassung einer 2011 an der Universität Wien vorgelegten Bachelor-Arbeit im Fachbereich Germanistik, die von Frau Prof. Mag. Dr. İnci Dirim betreut wurde. Im ersten Teil der Arbeit soll eine Einordnung von

⁶ <http://diepresse.com/home/politik/innenpolitik/610150/54-Prozent-fuer-Abberufung-von-TuerkeiBotschafter> (letzter Zugriff: 26.11.2019).

⁷ <http://diepresse.com/home/politik/aussenpolitik/680807/Tuerkischer-Botschafter-Tezcan-geht-nach-Paris> (letzter Zugriff: 26.11.2019).

Interview und Gesprächskontext vorgenommen werden, wobei vorwiegend auf Konzepte aus dem Journalismus zurückgegriffen wird.

Das eigentliche Erkenntnisinteresse gilt aber der Frage, wie gängige Begriffe im Kontext von Migration und Integration im Interview verwendet werden. Getätigte Äußerungen/ Zuschreibungen sollen rassismuskritisch, vor allem vor dem Hintergrund der Schlechterstellung von Migrantinnen (auch bzgl. der Bildungssituation) untersucht werden.

Aktuelle, globale Entwicklungen und Phänomene der Renationalisierung verdeutlichen, dass diese Problematik auch 8 Jahre nach Veröffentlichung vorliegender Abschlussarbeit nichts an Relevanz eingebüßt hat. Im Rahmen vorliegender Arbeit werden verschiedene Formen von Rassismen abgehandelt und interviewbezogen analysiert. Jedes Kapitel innerhalb des Themenfeldes Rassismus setzt dabei unterschiedliche Schwerpunkte. Die Analyse erfolgt qualitativ-inhaltlich, wobei auch latente Sinngehalte erfasst werden [vgl. Mayring, 1995, S. 209], etwa folgende: Inwieweit ist der türkische Botschafter Tezcan selbst in rassistische Argumentationsmuster und in einwertige Assimilationsansätze verstrickt? Wie stellt sich das Interview allgemein aus migrationswissenschaftlicher Perspektive dar?

2. Einordnung von Interview und Gesprächskontext

Da Kadri Tezcan von der österreichischen Tageszeitung „Die Presse“ interviewt wurde, erfolgt die Einordnung des Interviews nach Konzepten aus dem Journalismus. Der Begriff Interview leitet sich aus dem Französischen, vom Wort „entrevoir“ ab, was in etwa so viel wie „einander begegnen, sich kurz sehen“ bedeutet und für eine Gesprächssituation, einen Dialog, zwischen Fragendem und Befragtem steht [vgl. Fichtel, 2002, S. 16].

Gleich zu Beginn des Interviews befindet sich eine Abweichung zu dem, was von Seiten des Fragenden und der Leser vermutlich erwartet wird. Die Fähigkeit, „spontan auf Unerwartetes zu reagieren“ [vgl. ebd.], die laut Kathrin Fichtel wesentlich für die gelungene Durchführung eines journalistischen Interviews ist, wird dem Interviewer vom Interviewten hier in besonderer Weise abverlangt. Kadri Ecved Tezcan stellt dem Interviewer folgende Frage:

„Wollen Sie, dass ich im Interview als Diplomat antworte, was langweilig wird? Oder soll ich als jemand antworten, der seit einem Jahr in Wien lebt und viele Kontakte zu den 250.000 Türken hier hat [T-I: S.1]⁸ ? “Der Interviewer lässt sich auf den Vorschlag Tezcan sein, vermutlich alleine deshalb, weil er davon ausgehen muss, dass gerade die ungewöhnliche Gesprächskonstellation – ein Botschafter, der sich persönlich und emotional äußert, ist außergewöhnlich –Resonanz bei der LeserInnenschaft hervorrufen wird [vgl. Fichtel, 2002, S. 17].

Dies ist die Ausgangslage des Gesprächs. Es entsteht der Eindruck, Tezcan nehme dem Fragesteller (Christian Ultsch) die Möglichkeit, das Interview zu lenken, weil dieser mit geschilderter Situation kaum rechnen kann und Tezcan mit seiner Frage implizit darauf drängt, in der von ihm gewünschten Art und Weise antworten zu dürfen. Folgender Aspekt aber relativiert diese Sicht: Obwohl ein Interview zumeist als „Gespräch von Angesicht zu Angesicht“ [ebd.] stattfindet, ist es dennoch „für die Öffentlichkeit bestimmt“, was heißt, „dass sowohl Fragen als auch Antworten stets mit dem Hintergedanken an das Publikum gestellt beziehungsweise beantwortet werden“.

Dies verhindert allerdings „oftmals ein spontanes und authentisches Gespräch, da besonders Prominente und Politiker daran gewöhnt sind, ihre Aussagen, publikumswirksam auszurichten“, das heißt, stets im Hinterkopf zu haben, wie Leser-oder Zuhörerschaft darauf reagieren werden“ [ebd.].

Aus diesem Umstand könnte man folgern, dass Tezcans Vorschlag, als Privatperson zu sprechen, nicht spontan geschah, sondern Kalkül war. Einerseits, um argumentieren zu können, er habe sich nicht in seiner Position als Diplomat, sondern privat geäußert, was bedeutsam im Hinblick auf etwaige politische Konsequenzen ist, und andererseits, um mit seinen polarisierenden Aussagen – in einem für einen

⁸ T-I steht im Folgenden als Sigle für das Tezcan-Interview vom 9.11.2010. Weil das Interview nicht als PDF-Datei vorliegt, bezieht sich der Verfasser vorliegender Arbeit auf jene Quelle, mit der auch im Seminar „Umgang mit Mehrsprachigkeit in den Bildungssystemen verschiedener Staaten“ gearbeitet wurde, nicht auf die Print-Ausgabe vom 10.11.2011. siehe: http://diepresse.com/home/politik/innenpolitik/608981/Tezcan_Warum-habt-ihr-110000-Tuerken-eingeburgert (letzter Zugriff: 30.11.2019). Das Interview befindet sich im Anhang der Arbeit, die Nummerierung der Seiten wurde nachträglich, zur besseren Orientierung vorgenommen.

Botschafter ungewöhnlichen Interview – ein große Anzahl an LeserInnen zu erreichen und zu einer Diskussion um Integration im wirklichen Sinne wie Tezcan im Nachhinein sagt, anzuregen⁹. Integration wird nach Ingrid Gogolin in Deutschland vor allem „als zu erbringende Leistung, als Bringschuld derjenigen angesehen, die kommen (und bleiben wollen)“ [Gogolin, 2005, S. 279].

In weit geringerem Ausmaß wird Integration als „Leistung der aufnehmenden Gesellschaft aufgefasst, und dementsprechend sind die Angebote, die den Herkommenden gemacht werden, eher bescheiden“ [ebd.]. Man darf annehmen, dass Tezcan Ähnliches auch für Österreich annimmt, wenn er eine Diskussion um „Integration im wirklichen Sinne“ anmahnt¹⁰.

Der Begriff Integration taucht in politischen Diskussionen wie in medialer Berichterstattung häufig auf, ohne dass eine Definition oder gar eine Auseinandersetzung um den Begriff Integration stattfindet. Deshalb folgt hier eine kurze Definition, gerade, weil die gescheiterte Integrationspolitik ja das zentrale Thema des Tezcan-Interviews ist. Integration beinhaltet demnach (dem Verständnis von Ingrid Gogolin zufolge) „die Ermöglichung gesellschaftlicher Partizipation einerseits, Entwicklung von ‚Loyalitäten‘ und Übernahme von Verpflichtungen in der aufnehmenden Gesellschaft andererseits“ [ebd.].

Diesem mit dem Begriff Integration verbundenen Verständnis schließt sich der Verfasser dieser Arbeit an. Bezüglich der journalistischen Praxis des Tezcan-Interviews muss auch folgender Aspekt Berücksichtigung finden. Die Eigenart von Printmedien besteht darin, dass „ein geführter Dialog bearbeitet und umgeschrieben werden kann, bevor er gedruckt wird“ [Fichtel, 2002, S. 17].

Befrager und Befragter haben sich jedoch dafür entschieden, das Interview in vorliegender Weise zu veröffentlichen, was nahelegt, dass dies im beidseitigen Einverständnis/Interesse erfolgt ist. Bei der Einordnung der Interviewart muss berücksichtigt werden, dass Tezcan wohl ursprünglich als Diplomat, also als eine sachkundige Person im

⁹ <http://derstandard.at/1288660128663/Auswirkung-Tezcan-hofft-auf-positive-Folgen-seines-Interviews> (letzter Zugriff am 30.11.2019).

¹⁰ <http://derstandard.at/1288660128663/Auswirkung-Tezcan-hofft-auf-positive-Folgen-seines-Interviews> (letzter Zugriff am 30.11.2019 hat“ (T-I:S.1).

Rahmen eines Sachverhalts bzw. Experteninterviews zur „Informationsgewinnung“ befragt werden sollte. Dafür spricht auch [vgl. Fichtel, 2002, S.18], dass er einleitend als Botschafter vorgestellt wird [T-I, S. 1], als kompetenter Gesprächspartner zum Thema Integrationspolitik also. Anders als beim Sachverhaltsinterview steht beim Präsentationsinterview ein „Mensch mitsamt seinen Gewohnheiten, Eigenheiten und seiner Lebenseinstellung“ im Vordergrund, wird gewissermaßen „zum Thema des Interviews“ [Fichtel, 2002, S. 19].

Kadri Tezcan macht sich durch seinen Vorschlag, nicht als Diplomat, sondern als private Person zu sprechen, auch selbst zum Thema der Befragung. Das T-I ist folglich eine Mischform aus Sachverhalts- und Präsentationsinterview, weil der Interviewte als Sachverständiger, aber auch als Persönlichkeit zur Geltung kommt. Tezcan bietet zu Beginn des Interviews an, als jemand zu antworten, „der seit einem Jahr in Wien lebt und viele Kontakte zu den 250.000 Türken hier hat.

Die damit einhergehenden Probleme werden im Interview überhaupt nicht thematisiert. Wie kann ein Einzelner viele Kontakt zu 250.000 Menschen haben? Diese Behauptung ist nicht nur unrealistisch, sie birgt auch noch ein anderes Problem: es entsteht der Eindruck, als stünde Tezcans Einschätzung stellvertretend für eine ganze Gruppe. Darüber hinaus wird auch verschleiert, dass Tezcan sich als Botschafter in einer privilegierten Position befindet, infolge welcher er vermutlich überhaupt erst in der Lage ist, ein Interview zu geben. Tezcan wird als eine „positive Ausnahme von der Regel“, als „einer, der es geschafft hat“ präsentiert, was eindeutig als einwertiger Assimilationsansatz zu deuten ist. Assimilation fordert in einseitiger Weise die Angleichung von ImmigrantInnen an die Mehrheitsgesellschaft [vgl. Castro Varela, Mecheril, 2010, S. 47]. Als problematisch am Assimilationismus erweist sich der Umstand, dass Dominanzstrukturen, die MigrantInnen „einen hohen Aufwand disziplinierender Transformation abverlangen“ durch Assimilation gestützt werden [ebd.].

Ferner werden Phänomene hybrider Zugehörigkeit – obwohl sie bedeutsam sind – nicht thematisiert und auch die Problematisierung

von rassistischen Strukturen innerhalb der Aufnahmegesellschaft spielt im Rahmen von Assimilations-Modellen keine Rolle, obwohl gerade diese Bedingungen eine vollständige Eingliederung von MigrantInnen verhindern [vgl. ebd.].

Probleme verbinden sich auch mit Tezcans Behauptung, er könne seine Erfahrungen als Botschafter im Gespräch völlig ausklammern, obwohl es psychologisch nicht möglich ist, die eigene Vita und Rolle außen vor zu lassen, da jedes Urteil zwangsläufig von eigenen Maßstäben und Erfahrungen geprägt ist. Aus der Psychologie ist bekannt, dass durch vorbestehende neuronale Verschaltungen, sogenannte „attractor networks“ vorangegangene Erfahrung stattfindet, welche auch einen selektiven und gewichtenden Einfluss auf die Wahrnehmung und Speicherung von neuer Information und deren Abruf hat [vgl. Amsel, Cree, 2007, S. 351]. Oder, um mit Paul Mecheril [Mecheril, Theo, 1994, S. 57] zu sprechen: „Niemand kann die Erfahrungen, die er macht, wie ein Hemd, dessen Farbe oder Muster oder Kragenweite nicht gefällt, zur Seite legen“. Demnach ist bereits die Ausgangslage für das Interview äußerst problematisch und fragwürdig.

3. Rassismen

Im folgenden Kapitel werden verschiedene Formen von Rassismus skizziert und auf ihre Eignung als Analyseinstrument für das Tezcan-Interview hin überprüft. Neben den persönlichen Handlungen und Einstellungsmustern, die Teil des individuellen Rassismus (des Botschafters) sind, wird auch Rassismus als gesellschaftliches Verhältnis berücksichtigt, also auch die interaktionelle, strukturelle und institutionelle Natur des Phänomens Rassismus [vgl. Rommelspacher, 2010, S. 30].

Die Schwierigkeit Rassismus zu thematisieren und die historisch verankerte Abneigung, die dem Terminus Rassismus – speziell im deutschen / deutschsprachigen Raum entgegenschlägt, sollen ebenso wie die gesellschaftliche Bedeutung von Rassismuskritik (noch vor der Interview-Analyse) Erwähnung finden. Formen des institutionellen Rassismus werden hingegen erst im darauffolgenden

Kapitel, im Rahmen der Schlechterstellung von MigrantInnen im Bildungssystem abgehandelt.

3.1. Die Problematik, Rassismus zu thematisieren

Wer Rassismus thematisiert, stößt in der Regel auf ablehnende Reaktionen. „Das Benennen von rassistischen Praktiken und von Erfahrungen rassistischer Diskriminierungen wird in der Öffentlichkeit immer wieder skandalisiert [Messerschmidt, 2010, S. 42]“. Nicht die Existenz von Rassismus, „sondern der Hinweis auf diese Erscheinungen als rassistisch wird als skandalös diffamiert [ebd.]“.

Diese „Skandalisierung der Benennung“ impliziert die weitverbreitete Annahme, Rassismus sei eine „Ausnahmeerscheinung“ und diejenigen, die auf „alltägliche Erscheinungsformen von Rassismus hinweisen“, unterlegen einer „verzerrten Wahrnehmung“, was die Rassismuskritik als unglaublich und unberechtigt auch in den Augen derer, die gar nicht Teil der Ausführungen, sondern nur ZuhörerInnen sind [vgl. ebd. S. 43], erscheinen lässt. Astrid Messerschmidt deutet diesen Abwehrhaltung folgendermaßen: Sie glaubt, damit werde eine Ahnung der strukturellen Präsenz von Rassismus ausgedrückt, die aber als unreflektierte und nicht artikuliert in der Form rhetorischer Zurückweisung auftrete [ebd.].

Neben der geschilderten Problematik, welche die „Rassismusdiagnose als Skandal“ aufweist [ebd. S. 42], existieren noch weitere, die als Spezifikum des deutschsprachigen Raums gedeutet werden können. Rassismus gilt laut Paul Mecheril und Claus Melter [Mecheril, Melter, 2010, S. 162] in der deutschsprachigen Öffentlichkeit (dies sei zumindest rhetorischer Konsens) gemeinhin als etwas ‚Schlechtes‘ [ebd.]. Während ‚Rassismus‘ in seiner Bedeutung als „erforderliches Analyseinstrument“, für die wissenschaftliche Erforschung der „historischen Zusammenhänge“ des Nationalsozialismus voll etabliert ist, ist Rassismus in Bezug auf seine Bedeutung als „angemessene Perspektive zur Analyse gegenwärtiger Verhältnisse“ umstritten [ebd.].

Die Reduzierung von Rassismus auf den Nationalsozialismus ist problematisch. Zum einen, weil diese Sicht verhindert, dass die ‚Perspektive Rassismus‘ zur Diagnose aktueller Verhältnisse verwendet wird und darüber hinaus auch deshalb, weil „die Tatsache verkannt wird, dass Rassismus in Deutschland auch bereits vor dem Nationalsozialismus als Ideologie und Handlungspraxis bedeutsam war“ [ebd., S. 164]. Mecheril und Melter verweisen auf den deutschen Kolonialismus als Beispiel für besagten Umstand und sprechen davon, dass dieser in der Forschung lange vernachlässigt wurde [vgl. ebd.].

Allerdings ist auch das entgegengesetzte Modell der Thematisierung von Rassismus problematisch, denn eine Auseinandersetzung mit der nationalsozialistischen Vergangenheit, die nur in der Absicht erfolgt, gegenwärtigen Rassismus zu illustrieren, führt ebenfalls zu einer Verkürzung des Rassismusbegriffs, dann „steht Erinnerung nämlich in der Gefahr, einzig für eine Kritik der Gegenwart instrumentalisiert zu werden“ [Linemann, 2010, S. 239].

Allgemein ist das „Sprechen über Rassismus ein Sprechen unter erschwerten Bedingungen“ [Mecheril, Melter, 2010, S. 167], auf diesen problematischen Umstand, auch für das wissenschaftliche Arbeiten im Kontext der Rassismusforschung sollte an dieser Stelle kurz hingewiesen werden.

3.2. Definitionen von Rassismus

Rassismus ist „ein System von Diskursen und Praxen, die historisch entwickelte und aktuelle Machtverhältnisse legitimieren und reproduzieren“ [Rommelspacher, 2009, S. 29]. Eine Unterscheidung von Menschen wird innerhalb dieser Praxis vorgenommen, indem Rassismus „Menschen als erkennbar different“ („racialisation“) konstruiert, „wobei im Rassismus Differenzen als Unterschiede der ‚Abstammung‘ und der kulturell-territorialen Zugehörigkeit gelesen werden“ [Mecheril, Melter, 2010, S. 156].

„Nationale, ethische und kulturelle Zeichen“ sind jene Merkmale der Unterscheidung, auf die Rassismus sich bezieht, die er aber auch erfindet und welche im Rassismus eine „scheinbar selbstverständige

Verbindung miteinander eingehen“, wodurch Menschen „eindeutige Plätze“ und „klare Positionen“ zugeordnet werden [vgl. ebd.].

„Die fiktionale Logik des Rassismus konstruiert Unterschiede und übt Gewalt gegen das Konstruierte aus [vgl. Mecheril, 2003, S. 68]. „Nur durch die Berufung auf vermeintlich existierende Differenzen und Unterschiede werden diese überhaupt erzeugt“ [ebd., S. 68]. Rassismus definiert ferner ‚Mentalitäten‘ als bestimmte „Merkmale des Erscheinungsbildes“, als „scheinbar unveränderliche Verbindung körperlicher oder kultureller Zeichen mit scheinbar einheitlichen und stabilen Dispositionen auf der Ebene von ‚Charakter‘, ‚Intelligenz‘ und ‚Temperament‘ [vgl. ebd.].

Diese „biologisch-genetisch Verknüpfung von Disposition und Vermögen“ wird „klassischerweise durch den wissenschaftlichen Rassismus hervorgebracht“, indem „bestimmten Gruppen statisch gedachte Fähigkeiten, Eigenschaften und Charaktere zugewiesen werden“ [Mecheril, Melter, 2010, S. 156].

Mecheril verweist nach Stuart Hall aber darauf, dass der ‚genetische Rassismus‘ im Postkolonialismus weniger stark verbreitet sei, als der jetzt übliche kulturelle Rassismus [vgl. Mecheril, 2003, S. 69]. Dieser „postuliert nicht eine Differenz der genetischen, wohl aber eine sozial-kulturellen Ausstattung von Menschengruppen [ebd.]. Während Rassismus die ‚eigenen Mentalitäten‘ positiv bewertet, „im Sinne von Höherwertigkeit, bzw. fragloser Zugehörigkeit“, bewertet er hingegen jene der „so definierten und hervorgebrachten ‚Anderen‘ negativ im Sinne Minderwertigkeit bzw. Nicht-Zugehörigkeit“ [ebd.].

Diese Zuschreibung macht aus Betroffenen ‚Andere unter uns‘ [Mecheril, Melter, 2010, S. 156]. Zu beachten gilt nach Mecheril und Melter [ebd.], dass „Rassismus sich erst vollständig entfaltet, wenn die Mittel zum sozialen Wirksamwerden der Unterschiedeskonstruktion verfügbar sind. Denn solange eine Gruppe nicht die Macht habe, die angesprochenen Unterscheidungsweisen durchzusetzen, handele es sich in gewisser Weise nur um eine ‚Vorform‘ rassistischer Praxis [vgl. ebd.].

Die Frage, ob „natio-ethno-kulturelle Minderheiten überhaupt rassistisch sein können“, ist umstritten, „weil sie kultureller,

politischer wie juristischer Machtmittel“ ermangeln, um „mögliche rassistische Unterscheidungen strukturell wirksam werden zu lassen“ [ebd.]. Andere Ansätze aber gestehen auch „natio-ethno-kulturellen Minderheiten bestimmte derartige „Machtmittel“ zu etwa in einem Stadtviertel (vgl. ebd.). Rassismus bedeutet nicht nur individuelle Vorurteile, sondern vielmehr „die Legitimation von gesellschaftlichen Hierarchien, die auf der Diskriminierung der so konstituierten Gruppen basieren“ [Rommelspacher, 2009, S. 29]. Aus diesem Umstand ergibt sich das Rassismus „immer ein gesellschaftliches Verhältnis“ ist [ebd.]..

3.3. Rassismuskritik

In ihrem Vorwort zu Band Rassismus-Kritikrekurrieren Scharathow, Melter, Leiprecht und Mecheril [Scharathow, Melter, Leiprecht, Mecheril, 2009, S. 10] auf den Kritikbegriff von Foucault [Foucault, 1992, S. 12], wonach Kritik als ‚die Kunst nicht dermaßen regiert zu werden‘ zu verstehen ist und entwerfen aus Foucaults Kritikbegriff ein Verständnis von Rassismuskritik als „kunstvolle, kreative, notwendig reflexiv, beständig zu entwickelnde Praxis, die von der Überzeugung getragen wird, dass es sinnvoll ist, sich nicht ‚dermaßen‘ von rassistischen Handlungs-, Erfahrungs- und Denkformen regieren zu lassen“ [Scharathow, Melter, Leiprecht, Mecheril, 2009, S. 10].

Nach Christine Morgenstern muss ein für die Untersuchung von Rassismus geeigneter Theorieansatz „einerseits die Gemeinsamkeiten verschiedener Rassismen definieren können. Andererseits muss eine solche Herangehensweise in der Lage sein, grundsätzliche Unterschiede zwischen der nationalsozialistischen Staatsideologie und gegenwärtiger Formen rassistischer Diskriminierung festzustellen und angemessen zu differenzieren. Ungeeignet sind Theorierichtungen, in denen die Benachteiligung ganz unterschiedlicher Gruppen einfach gleichgesetzt wird“ [Morgenstern, 2002, S. 18].

Rassismus ist ein so vielschichtiges Phänomen, dennoch bedarf es eines Begriffs, der „handhabbar“ ist, ohne zu sehr zu vereinfachen [vgl. ebd. S. 8] und dies gilt auch für die Rassismuskritik. Die

Definition von Mecheril und Melter [Mecheril, Melter, 2010, S. 172] trägt diesen Punkten Rechnung. Demnach bedeutet ‚Rassismuskritik‘ thematisieren, „in welcher Weise, unter welchen Bedingungen und mit welchen Konsequenzen, Selbstverständnissen und Handlungsweisen von Individuen, Gruppen, Institutionen und Strukturen durch Rassismen vermittelt sind und Rassismen stärken“ [Mecheril, Melter, 2010, S. 172].

„Macht- und selbstreflexive Betrachtungsperspektiven auf Handlungen, Institutionen, Diskurse und Strukturen“ [vgl. ebd.] sind Teil der Rassismuskritik. Auch das Unterscheidungsinstrument „der natio-ethno-kulturellen Differenz zwischen Wir und Nicht-Wir, in der das Nicht-Wir mit Bezug auf sein (etwa kulturelles) Wesen als legitim diskriminierbar verstanden und behandelt wird, ist der europäischen Geschichte in unterschiedlichen Weisen eingeschrieben und in institutionellen Strukturen verfestigt“ [ebd.].

Diese „hegemonialen Unterscheidungen“ können kritisch analysiert werden, wobei rassismuskritische Ansätze auch den Anspruch haben, einen Beitrag zu alternativen, gerechteren Verhältnissen zu leisten [ebd.] und damit einen Beitrag zur Veränderung herrschender Zustände.

Dieser Beitrag wird wohl kaum zu einer Gesellschaft ohne Rassismus führen-dies erscheint auch, Melter und Mecheril [Mecheril, Melter, 2009, S. 15] unrealistisch-, vielmehr ist „das Bestreben, nicht dermaßen dem Ensemble rassistischer Deutungs- und Handlungsschemata unterworfen zu sein“ realistische Motivation [ebd.]. Diese Möglichkeit war auch für den Verfasser vorliegender Arbeit entscheidend für die Auswahl eines rassismuskritischen Themas.

Im Rahmen dieser Arbeit werden verschiedene Formen von Rassismen abgehandelt. Jedes Kapitel innerhalb des Themenfeldes Rassismus / Rassismuskritik setzt „unterschiedliche Akzentsetzung“ [ebd.], womit dem Umstand Rechnung getragen werden soll, dass Rassismus „gleichermaßen ideologische Konstruktion wie soziale Realität ist und in widersprüchlichen, inkohärenten und konflikthaft verlaufenden gesellschaftlichen Prozessen mit unterschiedlichen

Intentionen oder auch ganz unbemerkt reproduziert wird“ [Morgenstern, 2002, S. 9].

3.4. Rassismus innerhalb der ‚eigenen‘ Gruppe

Birgit Rommelspacher verweist in ihrer Abhandlung aus dem Jahre 2009 „Was ist eigentlich Rassismus?“ darauf, Rassismus sei nicht zwingend auf die Konstruktion der ‚Anderen‘ beschränkt, die ‚außerhalb‘ der eigenen Gemeinschaft zu stehen scheinen, sondern er richte sich vielmehr auch innerhalb der ‚eigenen‘ Gruppierung gegen diejenigen, die als ‚minderwertig‘ gelten [Rommelspacher, 2009, S 29].

Solche Vorstellungsmuster finden sich auch im Tezcan-Interview. Auf die Frage des Interviewers hin, ob er Ideen habe, was sich im Hinblick auf den derzeitigen Ausbildungsstandard ändern ließe, antwortet Tezcan wie folgt: „Viele türkische Eltern glauben, dass ihre Kinder perfekt Deutsch und Türkisch sprechen. Ich erkläre ihnen dann, dass man mit 500 Wörtern noch keine Sprache beherrscht und ihre Kinder weder Deutsch noch Türkisch gut sprechen“ [T-I, S.4]. Dieses Statement ist nicht nur Ausdruck sozialer Arroganz, es ist vielmehr Teil eines Vorstellungsmusters welches ebenfalls mit Rassekonstruktionen verknüpft ist [vgl. Rommelspacher, 2009, S. 29].

Diese rassistische Form wird heute allerdings in den wenigsten Fällen als Rassismus bezeichnet [vgl.ebd.]. Tezcans Aussage richtet sich gegen Personen innerhalb der ‚eigenen‘ Gruppe, die seiner Auffassung nach weder die deutsche, noch die türkische Sprache „richtig“ beherrschen. Der latente Sinngehalt dieser Äußerung ist, dass besagte Mitglieder der „eigenen“ Gruppe bildungsfremd sind, weil sie keine der beiden Sprachen beherrschen, was sie zu „minderwertigen Anderen“ innerhalb der „eigenen Gruppierung“ macht, wohingegen Tezcan sich selbst einer privilegierten Schicht zurechnet, die sowohl die eine, wie auch die andere Sprache gut spricht. Auch der bestenfalls wohlwollende „Ratschlag“, dass man mit 500 Wörtern noch keine Sprache versteht, ist Ausdruck einer paternalistischen Praxis. Hinzu kommt, dass Tezcans Urteil sehr eindimensional gedacht ist, weil es erkennt, dass Sprachen ja stets im Wandel begriffen sind. Darauf soll hier aber nur ergänzend

eingegangen werden, weil die „gesellschaftliche Dimension der Sprache(n)“ [Dirim, Mecheril, 2010, S. 98] nicht eigentlicher Gegenstand dieser Arbeit ist.

„Neue Sprachformen werden durch sprachliche Grenzüberschreitung kreiert“ [ebd., S. 112], so verfügen Kinder und Jugendliche „über unterschiedliche, z.B. jugendsprachliche Register ihrer Sprachen, die auch Mischformen enthalten können“ [ebd., S. 114]. Diese Fertigkeiten und Kenntnisse erweisen sich im „praktisch-sozialen“ Kontext als sinnvoll für die „jeweiligen Lebenswelten“ [ebd.], was vom Botschafter jedoch in keiner Weise erwähnt wird.

3.5. (Neo-)Linguizismus

Man kann für die Analyse des obigen Zitats aber noch einen weiteren Begriff heranziehen – den Linguizismus. Nach Inci Dirim ist unter Linguizismus eine „spezielle Form des Rassismus“ zu verstehen, die sich „in Vorurteilen und Sanktionen gegenüber Menschen, die eine bestimmte Sprache, bzw. eine Sprache in einer durch Herkunft beeinflussten spezifischen Art und Weise verwenden, zum Ausdruck kommt“ [Dirim, 2010, S. 91].

Linguizismus erscheine als ein Instrument der Machtausübung gegenüber sozial schwächer gestellten Gruppen mit der Wahrung bzw. Herstellung einer sozialen Rangordnung [vgl. ebd.]. Kadri Ecvet Tezcan hegt Vorurteile gegenüber in Österreich lebenden TürkInnen, die im Deutschen und Türkischen über einen geringen aktiven Wortschatz verfügen und somit „Sprache in einer durch Herkunft beeinflussten spezifischen Art und Weise sprechen“ [ebd.]. Sich selbst nimmt er interessanterweise gänzlich von diesem Vorwurf aus (obwohl auch seine eigene Sprache bis zu einem gewissen Grad durch Herkunft beeinflusst ist).

In diesem Zusammenhang könnte man Tezcans Aussage auch als „Machtausübung gegenüber sozial schwächer gestellten“ Mitgliedern der „eigenen“ Gruppe deuten, was auch eine „Wahrung, bzw. die Herstellung einer sozialen Rangordnung“ [ebd.] impliziert; Tezcan erhebt sich in einen sozialen Rang oberhalb jener, die nur 500 Wörter Deutsch und Türkisch sprechen. Das Erreichen einer hohen gesellschaftlichen Position, in Tezcans Fall der des türkischen

Botschafters in Wien ist ja gerade der persönlichen Assimilation an die deutschsprachliche Norm geschuldet [ebd., 92].

Linguizismus ist „ein durch Sprache soziale Ungleichheit erzeugendes Mittel [ebd.]“. Vermutlich nimmt Tezcan sich selbst in diesem Zusammenhang aus, weil er Teil einer privilegierten Gruppe ist und so auch persönlich von der Wirkmacht des Linguizismus profitiert. Nach Dirim unterscheidet sich „die Erscheinungsform des heutigen Linguizismus“ aber von jener des „offenen und simplen Linguizismus“ der NS-Zeit, weshalb Dirim es für angemessen erachtet, von Neo-Linguizismus zu sprechen. „Neo-Linguizismus ist subtil, er spielt Tatsachen vor, er agiert hinter dem Deckmantel harmlos klingender Bezeichnungen, er täuscht über Ausgrenzung und Unterdrückung hinweg und ist dadurch im Vergleich zu historischem Linguizismus gewissermaßen ‚hinterhältig‘ und schwer aufzudecken“ [ebd. S. 96]. Tezcans Statement wirkt bei oberflächlicher Betrachtung sogar wohlwollend und engagiert, erst bei näherer Betrachtung tritt die Machtausübung gegen sozial schlechter gestellte (der „eigenen“ Gruppe) zu Tage. Demzufolge kann Tezcans Äußerung zur mangelnden Sprachkompetenz vieler türkischer Eltern und deren Kindern [T-I, S. 4] im Sinne des von Dirim vorgeschlagenen Terminus auch als neo-linguizistisch eingestuft werden [Dirim, 2010, S. 96]. Tezcan bemerkt kurz darauf auf die Frage des Interviewers hin, ob Eltern mit ihren Kindern Deutsch oder Türkisch sprechen sollten: „Das werde ich ihnen nicht vorschreiben. Aber ob Eltern, Kinder oder Jugendliche, sie sollten alle Deutsch können“ [T-I, S. 4].

Ein typisches Merkmal für den Neo-Linguizismus ist das Argumentieren mit „Geboten statt mit Verboten (,Wir halten uns alle daran, Deutsch zu sprechen‘)“ [Dirim, 2010, S. 109]. Mit der Aufforderung, alle, ob nun Eltern, Kinder, oder Jugendliche, sollten Deutsch sprechen, bedient Tezcan exakt dieses Sprachgebot (Deutschgebot), das ganz im Sinne des Linguizismus „ethnische Andersartigkeit“ markiert und dafür sorgt, die „sprachlich ‚Anderen‘ der Nationalsprache des Staates zu unterwerfen“ [ebd.].

Tezcan formuliert diese Aufforderung an anderer Stelle sogar noch deutlicher. Auf die Frage des Interviewers, ob man von Türken

auch verlangen könne, dass sie Deutsch lernen, antwortet Tezcan zustimmend: „Definitiv, ich sage meinen Leuten immer: Lernt Deutsch und haltet euch an die Regeln dieses Landes!“ [T-I, S. 3].

In diesem Kapitel galt es zu zeigen, dass neo-linguizistische Tendenzen auch innerhalb der Gruppe der „Migrationsanderen“ [vgl. Mecheril, 2010, S. 17] wirksam sein können, beispielsweise in Form einer Aufforderung durch Mitglieder der „Migrationsanderen“ an „andere Mitglieder“ der ‚eigenen‘ Gruppe, doch die jeweilige Nationalsprache zu sprechen und auch damit einhergehende einwertige Assimilationsansätze anzuerkennen.

3.6. Der antiislamische Rassismus

Der antiislamische Rassismus hat seine Wurzeln in einem seit Jahrhunderten währenden, politischen wie kulturellen Kampf zwischen Orient und Okzident [Rommelspacher, 2009, S. 27]. Laut Birgit Rommelspacher lässt sich am Beispiel des antislamischen Rassismus die „Entstehung von Rassismus gewissermaßen im statu nascendi beobachten“ [ebd., S. 28].

Dieser Rassifizierungsprozess sei keineswegs abgeschlossen und vielfach uneinheitlich und inkonsistent [vgl. ebd.]. Rommelspacher beschreibt den aktuellen Stand folgendermaßen: „Je mehr ‚der‘ Islam zu einem Differenzierungsmerkmal gemacht wird, das das ‚Wesen‘ aller Muslime zu durchdringen scheint und sich wie eine biologische Eigenschaft von einer Generation auf die andere weitervererbt, desto eher kann man auch den antiislamischen Rassismus als einen Rassismus bezeichnen; Je mehr also die ‚Andersheit‘ der Muslime in ihrer ‚Natur‘ eingeschrieben wird und je mehr dies der Legitimation gesellschaftlicher Hierarchien und Herrschaftsverhältnissen dient“, desto eher kann diese Praxis als antiislamischer Rassismus bezeichnet werden [Rommelspacher, 2009, S. 28].

Der Botschafter Tezcan wird vom Interviewer gefragt „warum sind etwa Kinder kroatischer Eltern besser in der Schule (besser als Kinder türkischer Eltern)“? Tezcans Antwort: „Das ist sehr einfach: Weil die Kroaten Christen sind, sie sind willkommen in der Gesellschaft, die Türken nicht“ [T-I, S. 5]. Von dem Umstand abgesehen, dass es eine kuriose Zuschreibung ist, davon zu sprechen

‚die‘ Kroaten seien Christen; und dass offen bleibt, in welcher Gesellschaft ‚die Türken‘ unbeliebt und ‚die Kroaten‘ hingegen beliebt seien, schimmert bei Tezcans Antwort Kritik am Strukturmuster antiislamischer Tendenzen durch. Diese Kritik formuliert der Botschafter auch in folgender Bemerkung: „(...) Es steckt immer die religiöse Abneigung dahinter. Vor den Anschlägen vom 11. September gab es das nicht. Aber seither stellen die Massenmedien den Islam als schlecht und terroristisch dar [T-I, S. 5]“.

Kadri Ecvet Tezcan meint darüber hinaus die Zugehörigkeit zum Islam führe zu einer Schlechterstellung innerhalb, der ‚österreichischen Gesellschaft; ist diese Aussage auch etwas generell und provokativ, so weist sie doch auf einen wahren Kern hin, nämlich auf die Existenz antiislamischen Rassismus. Um so mehr verwundert es, wie sich der Dialog unmittelbar daraufhin entwickelt. Kadri Ecvet Tezcan fragt Christian Ultsch, den Interviewer, warum man, wenn man nicht willkommen sei und von der Gesellschaft an den Rand gedrängt werde, dennoch Teil dieser Gesellschaft sein wolle. Der Interviewer meint, „um besser als die anderen zu sein, um es ihnen zu zeigen“ [T-I, S. 5].

An dieser Stelle wird der eigentlich Fragende (der Interviewer) zum Befragten (Interviewten). Der Botschafter stellt die Frage und der Journalist gibt Antwort. Christian Ultsch stellt eine Behauptung auf, er fragt nicht etwa „um besser als die anderen zu sein, um es ihnen zu zeigen“?

Die Situation verdeutlicht, dass auch dem Interviewer an einem provokativen und kontroversen Interview gelegen war, offenbar mehr als an einem Dialog um Inhalte. Interessant ist Tezcans Antwort: „Das (besser als die anderen zu sein, es ihnen zu zeigen), ist eine westliche Mentalität. Wir haben nicht diese merkantilistische Philosophie. Unsere Philosophie im Islam lautet anders: Was immer du hast, von Gott gegeben, ist genug für dich. Das Einzige, was du tun musst, ist Gutes für deine Leute in der Familie und in deiner Umgebung“ (...) [T-I, S. 5].

Tezcan argumentiert hier, es gäbe eine islamische Philosophie, die zu grundlegenden Unterschieden gegenüber der ‚westlichen

Mentalität', welche wiederum von der merkantilistischen Philosophie beeinflusst sei, führe. Er glaubt folglich, es gäbe Unterschiede zwischen diesen Mentalitäten. Tezcan betrachtet Mentalitäten somit als „scheinbar unveränderliche Verbindung körperlicher oder kultureller Zeichen mit scheinbar einheitlichen und stabilen Dispositionen auf der Ebene von ‚Charakter‘, ‚Intelligenz‘ und ‚Temperament‘“ [Mecheril, Melter, 2010, S. 156].

Mentalität wird somit nicht als Konstrukt verstanden. Außerdem wird ein beliebiger geographischer Begriff (westlich) einem religiösen (islamisch) gegenübergestellt, was in jedem Fall unpräzise ist. Der latente Sinngehalt ist ferner, dass etwas wie ein historisch wirkmächtiges einheitliches Wesen aller Muslime gibt, das sich quasi biologisch von einer zur nächsten Generation weitervererbt [vgl. Rommelspacher, 2009, S. 28].

Laut Tezcan gründet dieses historisch verankerte, einheitliche Wesen des Islams darin, mit dem zufrieden zu sein, was Gott einem gegeben hat, nicht aktiv über diesen Zustand hinaus streben zu wollen. Tezcan macht mit seiner Argumentation den Islam zu etwas „Anderem“, er selbst argumentiert mit einem einheitlichen für Muslime geltenden Differenzierungsmerkmal. Tezcan schreibt so die ‚Andersheit‘ von Muslimen in ihre ‚Natur‘ ein und bedient so einen antiislamischen Rassifizierungsprozess [vgl. Rommelspacher, 2009, S. 28].

Paradox an diesen Ausschnitten aus dem Interview ist, dass Tezcan ja zunächst antiislamische Tendenzen und daraus resultierende Schlechterstellung aktiv kritisiert, kurz darauf aber selbst in erheblichem Maße (unwissentlich) in antiislamischen Rassismus verstrickt ist, indem er sich auf eine konstruierte Differenz bezieht.

3.7. Rassismus und Normalität im Alltagsdiskurs

Margarete Jäger bezeichnet das Verhältnis zwischen Normalität und Rassismus als paradox [vgl. Jäger, 2010, S. 27]. Dies ist begründet in der Tatsache, dass die Mehrheitsgesellschaft Rassismus einerseits als eine „Einstellung, die den universellen Werten dieser Gesellschaft diametral widerspricht und insofern als nicht normal“ zu

bewerten ist, ablehnt, andererseits „zeigen die Ergebnisse der Rassismusforschung, dass Rassismus ein fester Bestandteil dieser Gesellschaft ist und insofern bedauerlicherweise – als normal angesehen werden muss“ [ebd.]. Jäger erklärt diese vorherrschende Paradoxie aus der diskursanalytischen Perspektive heraus.

Demnach wird mit Hilfe besagter Paradoxie die Bedeutung des in diskursiven Praxen produzierten Wissens erfasst, mit dem dann Ausschließungen und Rassismen legitimiert werden [vgl. ebd.]. Diese hervorgerufene Normalität von Rassismus ist als „ein Dispositiv, ein Zusammenhang von sozialen Praxen und Institutionen, der wesentlich durch Diskurse produziert bzw. hergestellt wird“, zu begreifen [ebd.]. Gesellschaften sind (wie Deutschland und auch Österreich) ausgeprägt normalistisch. Die produktive Funktion der Normalität liegt in ihrer regelnden und regulierenden Dimension, deren Grundlage das Ziehen von Grenzen ist [vgl. ebd. S. 28].

Die Normalität, die innerhalb dieser Grenzen liegt, ist aber nicht statisch, sie „lässt sich auf einem Kontinuum verschieben, so dass die Dynamik von Entwicklungen aufgefangen werden kann. Was einmal normal ist, muss nicht für immer normal sein“ [ebd.]. Was als normal und was als nicht-normal gilt, innerhalb dieser Grenzen, ist immer eine Frage konkreter gesellschaftlicher Machtverhältnisse [vgl. ebd.].

Normalität weist als Begriff über den Alltag hinaus, Alltäglichkeit und Normalität müssen aus diesem Grund voneinander abgegrenzt werden, weil Normalität „nicht nur im Alltag und in mediopolitischen Diskursen, sondern auch in der Wissenschaft eine herausragende Rolle spielt“ [Jäger, 2010, S. 29]. Ein mögliches Instrument für die Festlegung von Normalitätsgrenzen ist nach Jürgen Link die protonormalistische Strategie [vgl. Jäger, 2010, S. 29]. Starre und enge Toleranzgrenzen werden als Schutz vor einer Demoralisierung festgelegt; Ziel ist also eine Stabilisierung des Normalitätsbereichs. Das Gegenstück zur protonormalistischen Strategie ist eine flexibel-normalistische Strategie, die möglichst breite Toleranzzonen lässt [vgl. ebd.].

Die modernen Massenmedien tragen wesentlich zur Verbreitung von normalistischem Wissen bei [Jäger, 2010, S. 30]. In Bezug auf

Rassismus sind innerhalb der Medien protonormalistische Verfahren dominant [ebd.]. Laut Jäger bedienen Medien sich zu diesem Zweck häufig einer Kollektivsymbolik, mit der „die Dichotomie ‚Wir‘ gegenüber ‚Denen‘ beharrlich reproduziert werden kann, und die darüber hinaus dazu geeignet ist, diese Personengruppen als eine latente Gefahr zu stilisieren“ [ebd., S. 31].

Bei der Definition der Kollektivsymbolik recurriert Jäger abermals auf Link. Kollektivsymbolik ist demnach die ‚Gesamtheit der sogenannten ‚Bildlichkeit‘ einer Kultur [zu verstehen], die Gesamtheit ihrer am weitesten verbreiteten Allegorien und Embleme, Metaphern, Exempelfällen, anschaulichen Modelle und orientierenden Topiken, Vergleiche und Analogien‘ [ebd.].

Symbole bzw. Symbolserien werden gezielt eingesetzt um zu markieren, wer Teil der eigenen Gruppe ist und wer außerhalb dieser Gruppe steht, „wer also Freund und wer Feind ist“ [ebd.].

Symbole sind ein Mittel, mit dem leicht die Bereiche „Innen und Außen codiert werden (können)“ [ebd.]. Die geschilderte, durch Symbolik generierte negative Zuschreibung und Bewertung von vermeintlich ‚Fremden‘ ist auch im Alltag zu finden, wenn auch in wenigelaborierter Form [vgl. ebd., S. 34].

Alltagsrassismus meint im deutschsprachigen Raum vor allem „individuell praktizierte, subtile, schwer erkennbare Form von Rassismus in Alltagssituationen“ [Mecheril, Melter, 2010, S. 158]. Dieses Verständnis geht auf Rudolf Leiprecht zurück [ebd.]. Ursprünglich stammt der Begriff Alltagsrassismus von Philomena Essed, die allerdings „einen mehrdimensionalen gesellschaftlichen Analyserahmen konzipiert“ und „Handlungspraxen in Institutionen, Strukturen und Diskursen beinhaltet“, welche ebenfalls alltäglich sind [ebd.].

Margarete Jäger illustriert anhand eines Ausschnittes aus einem der im Gelsenkirchener Stadtteil Bismarck geführten Interviews, welche gängigen negativen Bewertungen von MigrantInnen im Alltagsdiskurs auftauchen [vgl. Jäger, 2010, S. 34]. Dies ist Margarete Jägers Liste der gängigen Bewertungen: „Ausländer = Türke = Ausländer sind abzulehnen, denn: Sie treten in Massen auf. Sie sind laut. Sie machen sich in ‚unseren‘ Städten breit, verdrängen

die ‚Eingeborenen‘. Sie verhalten sich ungebührlich gegenüber ‚unseren Frauen‘. Es geht ihnen besser als deutschen Personen. Sie sind gewalttätig“. Margarete Jäger spricht (bezugnehmend auf die Liste der Negativbewertungen) von einer Gedanken-bzw. Assoziationskette, mit der quasi automatisch eine Bedrohungsangst bis hin zum Einsatz physischer Gewalt aufgebaut werde [vgl. Jäger, 2010, S. 35].

Im Folgenden wird untersucht, welche der beschriebenen Bewertungen auch im Tezcan-Interview vorliegen, und ob ein ähnliches gedankliches Bedrohungsszenario bis hin zur physischen Gewalt entworfen wird. Häufig müssen die Bemerkungen von Christian Ultsch (Interviewer) als auch Kadri Ecved Tezcans Äußerungen jeweils zusammen, dialogisch betrachtet werden, weil sie andernfalls aus dem Sinnzusammenhang gerissen würden. Der Interviewer transportiert dabei zumeist die gängigen, alltäglichen Zuschreibungen und Tezcan hat die Rolle darauf zu reagieren. Die erste Bewertung, nach der TürkInnen in Massen auftreten, wird auch im Botschafter-Interview thematisiert. So äußert Tezcan sich folgendermaßen: „Es gibt Schulen, in denen Türken mit 60,70 Prozent die Mehrheit stellen. Warum? Weil sie in Ghettos leben. Wenn Türken in Wien Wohnungen beantragen, werden sie immer in dieselbe Gegend geschickt, gleichzeitig wirft man ihnen vor, Ghettos zu formen. (...) So werden Türken in die Ecke gedrängt“ [T-I, S. 1]. Tezcan kritisiert zwar den Umstand, dass TürkInnen zu einem Leben im Ghetto „verdammte“ seien, doch gesteht er damit auch ein, dass diese in manchen Schulen und Bezirken tatsächlich „in Massen auftreten“.

Der Terminus „Ghetto“ könnte auch differenzierter betrachtet werden. Warum werden Gegenden, in denen vornehmlich Türkinnen wohnen, ausschließlich defizitorientiert bewertet, und als „Ghettos“ bezeichnet? So findet auch die Tatsache, dass viele Türkinnen in „normalen“ Wiener Bezirken wohnen, mit der sich die Zuschreibung, nach der Türken in Massen wohnen, entkräften ließe, keine Erwähnung. Auch das folgende Tezcan-Zitat bestärkt die Sicht, Türkinnen würden in Massen erscheinen. „Jedes Jahr bekommen die Türken einen öffentlichen Ort, einen Park zugeteilt, um ihr Kermes-

Fest zu feiern. Sie kochen, spielen, tanzen, zeigen ihre eigene Kultur. Die einzigen Österreicher, die Kermes besuchen, sind Politiker auf der Jagd nach Wählerstimmen“ [T-I, S. 1].

Der Botschafter kritisiert zwar das mangelnde Interesse von ÖsterreicherInnen, das Kermes-Fest aber feiern Türkinnen laut Tezcan alleine, untereinander, in einem Park, in dem sie gewissermaßen „en masse“ auftreten. Kochen, spielen, und tanzen heißt für Tezcan die ‚eigene‘ („türkische Kultur“) zu zeigen. Hier wird noch ein weiterer Bedeutungskomplex aufgerufen: fröhlich feiern und laut sein als türkische Eigenart. Den Raum für eine weitere typische Negativbewertung öffnet Christian Ultsch, der Interviewer. Auf Tezcans Frage hin, was in Österreich vorgehe, warum Österreicher sich nicht für andere Kulturen interessierten, erwidert der Interviewer folgendes: „Viele Wiener haben offenbar Angst davor, dass sie in manchen Stadtteilen zur Minderheit werden und die türkische Kultur dominiert“ [T-I, S. 2].

Es ist alarmierend und erstaunlich, wie nahe dieses Statement an der gängigen alltagsrassistischen Negativbewertung ist, nach der Türkinnen sich in ‚unseren‘ Städten breitmachen und die ‚Eingeborenen‘ verdrängen. Auch die Tatsache, dass dieses Statement womöglich absichtlich provokativ formuliert wurde und unter Umständen nicht die persönliche Meinung des Journalisten widerspiegelt, tut dem keinen Abbruch. Eine tief verankerte, alltagsrassistische Zuschreibung wird lediglich reproduziert, ohne zumindest kritisch kommentiert zu werden. Auch Botschafter Tezcan setzt dem nichts weiter als interkulturelle Beliebigkeit, nämlich den Verweis entgegen, die Welt würde sich ändern und es ginge nicht mehr darum, wer dominiere und wer nicht, denn je mehr Kulturen es gebe, desto reicher würden wir [T-I, S. 2].

Eine andere, nach Margarete Jäger häufig auftretende Bewertung, besagt, Türken verhalten sich ungebührlich gegenüber ‚unseren Frauen‘. Nachfolgender Auszug aus dem Tezcan-Interview soll illustrieren, dass auch dieser Aspekt im Interview vertreten wird. Zunächst die Aussage des Interviewers: „Sie (viele Österreicher) empfinden Unbehagen bei einzelnen Aspekten der Kultur, die Türken mitgebracht haben. Sie mögen nicht, wie Frauen behandelt

werden, sie wollen keine Frauen in Kopftüchern herumlaufen sehen. Sie wollen auch nicht, dass junge Macho-Türken Mitschüler terrorisieren“ [T-I, S. 3].

Tezcans Antwort gilt erstmals nur den gewaltbereiten Jugendlichen. Dass es aus Sicht mancher ÖsterreicherInnen Teil der türkischen Kultur sei, allgemein Frauen schlecht zu behandeln (somit auch ‚unsere‘), bleibt abermals unkommentiert, nichts wird dieser pauschalierenden Negativ-Zuschreibung entgegengesetzt.

Ein weiteres Beispiel für das angeblich ungebührliche Verhalten Frauen gegenüber: Christian Ultsch: „Aber Politiker müssen doch zum Beispiel das Recht haben zu sagen, dass sie keine Zwangsheiraten wollen...“ [T-I, S. 3]. Darauf der Botschafter: „Natürlich. Wir wollen auch nicht, dass unsere Töchter zwangsverheiratet werden“ [T-I, S. 3]. Der Journalist unterstellt an dieser Stelle, dass Zwangsheirat ein „typisch türkisches“ Problem sei, gegen das österreichische Politiker vorgehen müssten. Man könnte dieses Zitat auch anders deuten. Dahingehend nämlich, dass österreichische Politiker intervenieren müssen, zum Schutze der Frauen, die sonst von ihren Männern schlecht behandelt würden. Tezcan entgegnet, dass auch türkische Väter nicht möchten, dass ihre Töchter zwangsverheiratet werden, womit er sich auf eine allgemein ablehnende Haltung seiner ‚eigenen Landsleute‘ der Zwangsheirat gegenüber beruft, doch versäumt er es abermals, eine gegen TürkInnen gerichtete, alltagsrassistische Bewertung entschieden zurückzuweisen. Was dieses Zitat aber ferner verdeutlicht ist, dass auch im Tezcan-Interview ein Bedrohungsszenario bis hin zur physischen Gewalt durchlaufen wird [vgl. Jäger, 2010, S. 35].

„Sie wollen auch nicht, dass junge Macho-Türken Mitschüler terrorisieren“ [T-I, S. 3]. Damit veranschaulicht Christian Ultschan einem vermeintlich konkreten Beispiel alltägliche Bedrohungsängste von ÖsterreicherInnen gegenüber TürkInnen. Kadri Evez Tezcan entgegnet, er habe nie davon gehört, obwohl er viele Statistiken gesehen habe [T-I, S. 3].

Sehr fraglich ist, was der Journalist mit der direkt folgenden Bemerkung „Es ist kein Verbrechen, andere Jugendliche zu drangsalierten...“ bezweckt [ebd.]. Er hegt wohl keine Zweifel daran,

dass türkische Schüler oftmals ihre (österreichischen) Mitschüler drangsalierten. Ultsch geht es vielmehr darum, wie ein türkischer Botschafter dieses Verhalten bewertet, wie er sich „rechtfertigt“. Tezcan macht das sehr lapidar, über den Verweis, Türken seien nicht an der Spitze dieser Liste. Somit zweifelt er nur am Ausmaß, nicht aber an der existierenden strukturellen Gewaltbereitschaft von TürkInnen.

Zusammenfassend kann festgehalten werden, dass nahezu alle von Margarete Jäger festgestellten Negativ-Bewertungen des rassistischen Alltagsdiskurses auch im Tezcan-Interview auftauchen. Einzig die Bewertung, Türken gehe es oftmals (finanziell) besser als Deutschen, bzw. hier Österreichern [vgl. Jäger, 2010, S. 35], die mit Sozialneid verbunden ist, findet keine Entsprechung. Die Normalität des Rassismus, die sich sowohl im Alltag – wie auch im Mediendiskurs äußert, und Einwanderer und Einwanderinnen als fremd und latent denormal [ebd., S. 36] ansieht, kann auch für das Tezcan Interview konstatiert werden. Bemerkenswert ist vor allem aber, dass die Gedankenkette, welche Bedrohungsangst bis hin zur Angst vor physischer Gewalt verursacht, auf der identischen Reihenfolge aufbaut wie bei Jäger. Am Anfang steht die Zuschreibung, Türken treten in Massen auf, am Ende die Bewertung, sie seien gewalttätig. Der von Jäger entwickelte Katalog stereotyper, negativer rassistischer Bewertungen aus dem Alltagsdiskurs erweist sich auch hier als ein geeignetes Verfahren, um Texte auf ihre alltagsrassistischen Implikationen zu untersuchen.

3.8. Kultur-Rassismus

In dem im Jahre 1990 verfassten Artikel „Gibt es einen ‚Neo-Rassismus‘?“ hat der französische Theoretiker Etienne Balibar den Begriff ‚Neo-Rassismus‘, der auch als ‚Kultur-Rassismus‘ bezeichnet wird, geprägt [vgl. Balibar, 1990, S. 23; Mecheril, Melter, 2010, S. 152]. Bevor der Terminus Kultur-Rassismus definiert und zur Analyse des Interviews angewendet wird, soll kurz das zugrunde gelegte Verständnis von „Kultur“ skizziert werden.

3.8.1. Der Begriff Kultur

Einer exakten Bestimmung von Kultur kann „angesichts der Verschwommenheit, der Vielgesichtigkeit, kurz der ‚Größe‘ des Phänomens bzw. des Begriffs der Kultur nur unzureichend entsprochen werden“ [Mecheril, 1994, S. 74]. Dieser Problematik bewusst, gibt Mecheril eine ebenso allgemeine wie abstrakte Definition des Phänomens, nach welcher Kultur „das Gesamt der Lebensweisen einer Menschengruppe, das die Lebensweisen des einzelnen Gruppenmitglieds grundlegend beeinflusst“ [ebd.], ist.

Die „Lebensweise des einzelnen Gruppenmitglieds“ und das „Gesamt der Lebensweisen einer Menschengruppe stehen in einem wechselseitigen Bedingungsverhältnis zueinander“ [Mecheril, 1994, S. 74]. „Die Menschengruppe kann nach beliebigen Kriterien (Kombinationen) definiert sein: z.B. Aussehen, Anwesenheit, Besitz eines Zertifikats, Verwandtschaft, Kompetenzen, Vorlieben, Vollzug eines Rituals. Nicht die Mitglieder bezeichnen die Elemente der Kultur, sondern die kommunikativen Akte der Kulturmitglieder bzw. die für das einzelne Kulturmitglied bedeutungshaften Ereignis- und Zustandseinheiten“ [ebd.].

Die abstrakte Definition von Paul Mecheril sollte illustrieren, dass Kultur als dynamisches Phänomen der Zuschreibung verstanden werden muss, „das sich in einer allmählichen, zuweilen abrupten Bewegung über Zeit wandelt“ [ebd., S. 75]. In eine ähnliche Richtung weist der folgende, den Cultural Studies entlehnte Versuch von Annita Kalpaka und Paul Mecheril [Kalpaka, Mecheril, 2010, S. 96]. Hier wird Kultur als eine „alltägliche, sozial-symbolische Praxis verstanden, als Art und Weise, in der sich Individuen unter spezifischen gesellschaftlichen Bedingungen ihre Lebensbedingungen symbolisch aneignen und dem eigenen Leben einen Sinn geben. Das Kulturelle ist damit Bestandteil jeder Praxis. Kulturelle Praxen als symbolische und Sinn stiftende Unterscheidungsweisen bewirken Unterschiede und werden durch Unterscheidungsschemata erzeugt“ [Kalpaka, Mecheril, 2010, S. 96]. Demnach ist es wichtig, die konkreten Bedingungen, unter denen Menschen kulturelle Lebensformen entwickeln, exakt zu untersuchen, um die „Aus-, Abgrenzungs- und Syntheseprozesse

[ebd.] verstehen zu können, die mit kulturellen Praxen einhergehen.

3.8.2. Kultur-Rassismus: Definition und Analyse des Interviews

Unter Kultur-Rassismus ist eine Unterscheidungspraxis zu verstehen, die nicht nur mit Hilfe der biologischer und körperlicher Merkmale argumentiert, sondern rassistische Unterscheidungen und Begründungen durch ‚Kultur‘ bewirkt [vgl. Mecheril, Melter, 2010, S. 152]. Der Begriff wurde von Etienne Balibar geprägt. Im aus dem Jahre 1990 stammenden Aufsatz „Gibt es einen ‚Neo-Rassismus‘?“ schreibt Balibar folgendes: „Der neue Rassismus ist ein Rassismus der Epoche der ‚Entkolonialisierung‘, in der sich die Bewegungsrichtung der Bevölkerung zwischen den alten Kolonien und den alten ‚Mutterländern‘ umkehrt und sich zugleich die Aufspaltung der Menschen innerhalb eines einzigen politischen Raumes vollzieht. Ideologisch gehört der gegenwärtige Rassismus, der sich bei uns um den Komplex der Immigration herum ausgebildet hat, in den Zusammenhang eines ‚Rassismus ohne Rasse‘ (...), eines Rassismus dessen vorherrschendes Thema nicht mehr die biologische Vererbung, sondern die Unaufhebbarkeit der kulturellen Differenz ist, eines Rassismus der -jedenfalls auf den ersten Blick- nicht mehr die Überlegenheit bestimmter Gruppen oder Völker über andere postuliert, sondern sich darauf ‚beschränkt‘ die Schädlichkeit jeder Grenzverwischung und die Unvereinbarkeit der Lebensweisen und Traditionen zu behaupten“ [Balibar, 1990, S. 28].

Der kulturelle Rassismus setzt einen Kulturbegriff voraus, „der die unveränderte ‚eigene Kultur‘, die sich ‚organisch‘ in Anpassung an die jeweils spezifischen Lebensbedingungen entwickelt habe, zur unverzichtbaren Voraussetzung für das Überleben erklärt [Morgenstern, 2002, S. 120]. Dieser postkoloniale ‚Rassismus ohne Rasse‘ ist als Herrschaftspraxis wirksam, ohne dass er dabei dezidiert auf das Rasse-Konzept zurückgreifen muss [vgl. Mecheril, Melter, 2010, S. 152].

Kulturalistische Wahrnehmungsmuster verschleiern Rassismus oder machen ihn gar unsichtbar; die rassistischen Identifizierungen

aber können beibehalten werden, indem sie also bloße kulturelle Unterschiedlichkeit dargestellt werden [vgl. Messerschmidt, 2010, S. 49].

Astrid Messerschmidt spricht weiter von der Kulturkategorie als mögliches „Instrumentarium zur Distanzierung von ‚Anderen‘, die als nicht zur Gesellschaft dazugehörend betrachtet werden“ [ebd.]. Wird mit dem Hinweis auf eine „kulturell bedingte Fremdheit“ argumentiert, so kann die getroffene Unterscheidung auf anständige Weise erfolgen, weil die Verwendung des diffamierenden Rassebegriffs vermieden werden kann [vgl. ebd.].

Dennoch ist „Kultur“ hier gewissermaßen bloß ein anderes Wort für „Rasse“, der Inhalt ist (potenziell) vergleichbar; Dann nämlich, wenn der Begriff Kultur dazu dient, Ausgrenzungen, Ungleichbehandlungen und Schlechterstellungen zu legitimieren, tritt Kultur als Variante des Rassismus auf [vgl. Mecheril, Melter, 2010, S. 153].

Kennzeichnend und charakteristisch für den Kultur-Rassismus ist ein „Zweischritt-Vorgehen“, mit dem zunächst die Unvereinbarkeit verschiedener Lebensformen behauptet wird und dann, als logische Folgerung aus dieser Differenz, die „Beschränkung, Kontrolle, Entrechtung oder ‚Rückkehr‘/‚Rückführung‘ der ‚kulturell anderen‘ Gruppe, deren Lebensweise mit ‚unserer‘ unvereinbar sei“, angestrebt wird (ebd.). Der Grad der Abweichung von der „eigenen“ Kultur bestimmt darüber, wie die ‚andere‘ Gruppe bewertet wird. Je größer die Differenz zur „fremden“ Gruppe, desto größer auch das Bedrohungspotenzial, das von ihr ausgeht [vgl. Morgenstern, 2002, S. 121]. Gerade weil Kultur per se über eine bloße Unterscheidungspraxis Identität stiftet, indem sie Menschen innerhalb der „eigenen“ Gruppe einen festen Platz zuweist, ist der Schritt zur Ungleichbehandlung der „anderen“ Gruppe ein geringer. Eine Unterscheidungspraxis des kulturellen Rassismus, die zwischen der ‚eigenen‘ und der ‚kulturell anderen‘ Gruppen Differenzlinien konstruiert, setzt zwangsläufig voraus, dass mit einem Plural, also mit mehreren ‚Kulturen‘ operiert wird [Messerschmidt, 2010, S. 50]. Obwohl der Kultur-Rassismus den Umstand, dass es keine „menschlichen Rassen“ gibt, sofort eingesteht [Balibar, 1990, S. 29],

argumentiert er dennoch mit dem gleichen Mittel der Unterscheidung wie andere Rassismen; Dies geschieht, indem Eindeutigkeits- und Überlegenheitsbehauptungen auf den Kulturbegriff übergehen und dies, ohne dass dieser Mechanismus dabei sichtbar würde [vgl. Messerschmidt, 2010, S. 50]. Ob, bzw. inwieweit im Botschafter-Interview mit dem Kulturbegriff rassistisch unterschieden und argumentiert wird, soll im Folgenden untersucht werden. Die nachfolgende Analyse bietet eine Untersuchung verschiedener Stellen aus dem Interview, welche teilweise bereits im Kontext der Analyse anderer Rassismen zitiert wurden. Dieser Umstand ist mit der Tatsache zu erklären, dass manche Äußerungen gleich mehrere Formen von Rassismus aufweisen. Ein Beispiel für diese Polyintentionalität sei mit folgendem Beispiel gegeben: „Jedes Jahr bekommen die Türken einen öffentlichen Ort, einen Park zugeteilt, um ihr Kermes-Fest zu feiern. Sie kochen, spielen, tanzen, zeigen ihre eigene Kultur [T-I, S. 1]. Die einzigen Österreicher, die Kermes besuchen, sind Politiker auf der Jagd nach Wählerstimmen. (...) Außer im Urlaub interessieren sich die Österreicher nicht für andere Kulturen [T-I, S. 2]“.

Der Botschafter spricht von TürkInnen, die tanzen, spielen, singen und somit ihre ‚eigene‘ Kultur zeigen. Damit deutet Tezcan auf eine unaufhebbare kulturelle Differenz zwischen ‚eigener‘ und ‚anderer‘ Kultur hin. Dieser Mechanismus ist vergleichbar mit der Unterscheidungspraxis des kulturellen Rassismus, allerdings ist interessant, dass Tezcan zwar eine kulturelle Abweichung markiert, allerdings als Vertreter der ‚anderen‘, also für die kulturelle Minderheit innerhalb der Mehrheitsgesellschaft. Folglich fehlt auch der typische zweite Schritt, der nach der Unvereinbarkeit bestimmter Lebensformen die Beschränkung und Kontrolle der anderen Gruppe fordert. Dieser Umstand ist aber der Tatsache geschuldet, dass eine derartige Forderung nur von den Mitgliedern der Mehrheitsgruppe durchgesetzt werden kann. Tezcan spricht von einem mangelnden Interesse von ÖsterreicherInnen, Kermes zu besuchen. Ohne es explizit zu erwähnen, ist der Botschafter sich möglicherweise der Existenz einer kulturrassistischen Praxis in Österreich bewusst, welche so subtil wirksam ist, dass sie die Ausgrenzung und

Schlechterstellung von TürkInnen legitimiert. Das mangelnde Interesse an der Festivität von Seiten ‚der‘ ÖsterreicherInnen könnte auch Folge jenes geschaffenen Bedrohungspotenzials sein, das typischerweise umso stärker auftritt, je größer die kulturelle Differenz zu einer „fremden“ Gruppe wahrgenommen wird. Tezcan thematisiert das Desinteresse der ÖsterreicherInnen gegenüber anderen Kulturen. Er meint „außer im Urlaub interessieren sich die Österreicher nicht für andere Kulturen“ [T-I, S. 2].

Die Behauptung, Österreicher würden sich außerhalb des Urlaubs nicht für andere Kulturen interessieren ist eine grobe Praxis der Verallgemeinerung. Ferner impliziert diese Behauptung (zumindest auf persönlicher Ebene) eine Überlegenheitsbehauptung, nämlich diejenige, dass ÖsterreicherInnen im Gegensatz zum weltgewandten Botschafter über ein äußerst eindimensionales und beschränktes Kulturverständnis verfügen. Kompetenz über kulturelle Vielfalt ist ohnehin eine Illusion, es wäre vielmehr erforderlich, „sich von einem instrumentellen Zugriff auf das ‚Wissen über Andere‘ zu verabschieden“ [Kalpaka, Mecheril, 2010, S. 96].

Sowohl Eindeutigkeit, als auch Überlegenheitsbehauptungen sind charakteristische Merkmale des Kultur-Rassismus. Der Umstand, dass auch dieses Statement Tezcans wohl bewusst publikumswirksam und provokativ formuliert war, ändert daran wenig. Paradox ist der Umstand, dass der Botschafter (einmal mehr) Formen rassistischer Schlechterstellung – hier die rassistische Unterscheidung und Begründung durch Kultur – einerseits kritisiert, andererseits aber in genau diese Diskurse selbst verstrickt ist. Diese Ambivalenz äußert sich häufig unmittelbar, oftmals innerhalb eines Satzes.

Die nachfolgende Analyse bezieht sich auf eine Äußerung des Journalisten Christian Ultsch. Sie stellt in der Interpretation quasi die Antithese zum vorab analysierten Zitat, geäußert durch einen Vertreter der „eigenen österreichischen Kultur“, dar. Auf Tezcans Ansicht hin, nach der Österreicher aufgrund der historischen Erfahrung mit verschiedenen ethnischen Gruppen von Ausländern daran gewöhnt sein sollten, mit diesen zu leben, und nachdem

Tezcan sich fragt, was hier (in Österreich) vorgehe, wendet Ultsch folgende Feststellung ein: „Viele Wiener haben offenbar Angst davor, dass sie in manchen Stadtteilen zur Minderheit werden und die türkische Kultur dominiert“ [T-I, S. 2].

Christian Ultsch Anmerkung setzt ein Kulturverständnis voraus, das die Unaufhebbarkeit der kulturellen Differenz zugrunde legt. Im konkreten Fall ist die unveränderliche Differenz zwischen der österreichischen und der türkischen Kultur gemeint, eine Unvereinbarkeit von Lebensweisen und Tradition. ‚Eigene‘ und ‚fremde‘ Kultur dienen als Mittel der Unterscheidung. Dies sind zutiefst kulturrassistische Verfahren und Begründungen, mit denen an dieser Stelle argumentiert wird. Der Interviewer spricht von der ganz offensichtlichen Angst, die viele WienerInnen angeblich vor einer drohenden „Übernahme“ durch die türkische Kultur hätten. Hier wird ein zentrales Element des kulturalistischen Rassismus bedient, die Kultur-Konflikt-These [vgl. Morgenstern, 2002, S. 121].

Durch diese werden sowohl soziale Konflikte wie individuelle Existenzängste zurückgeführt auf die Konfrontation mit ‚zu vielen‘ Angehörigen ‚zu fremder‘ Kulturen [vgl. ebd.]. Je größer demnach die kulturelle Differenz, „desto stärker werden die ‚kulturellen Identitäten‘ aller Beteiligten in Frage gestellt“ (ebd.). Die damit ferner einhergehende Verunsicherung führt nach der Kultur-Konflikt-These letztlich zu einem ‚gewalttätigen Konflikt der Kulturen‘ [ebd.]. Tezcans antwortet, indem er der Differenzfestschreibung des Interviewers eine Differenzvernachlässigung entgegensetzt [vgl. Kalpaka, Mecheril, 2010, S. 96]. „Die Welt ändert sich. Es geht nicht mehr darum, wer dominiert und wer nicht. Es gibt keine Grenze. Je mehr Kulturen es gibt, desto reicher werden wir“ [T-I, S. 2].

Zwar versucht der Botschafter die vorgetragene, kulturrassistische Unterscheidungspraxis zu entkräften, aber die kritische Reflexion über die Bedingungen und Prozesse, mit denen Unterschiede gemacht werden, bleibt aus [vgl. Kalpaka, Mecheril, 2010, S. 83]. Eine andere Stelle des Interviews ist ebenfalls geeignet, die Präsenz des Strukturmusters Kultur-Rassismus aufzuzeigen. Wiederum formuliert Christian Ultsch eine gesellschaftlich häufig

vorzufindende Negativzuschreibung mit eindeutigen kulturrassistischen Implikationen:

„Sie (viele Österreicher) empfinden Unbehagen bei einzelnen Aspekten der Kultur, die Türken mitgebracht haben. Sie mögen nicht, wie Frauen behandelt werden, sie wollen keine Frauen in Kopftüchern herumlaufen sehen. Sie wollen auch nicht, dass junge Macho-Türken Mitschüler terrorisieren“ [T-I, S. 2–3].

Nahezu sämtliche charakteristischen Merkmale des kulturellen Rassismus kommen hier vor. Zunächst erscheint zum wiederholten Male das Bedrohungspotenzial ‚der‘ türkischen Kultur, bedingt durch die vermeintlich deutliche Differenz. Es ist die Rede vom Unbehagen, welches viele ÖsterreicherInnen angeblich bei manchen Aspekten ‚der‘ türkischen Kultur verspüren. Die schlechte Behandlung von Frauen und die Neigung zur Gewalt im Zusammenhang mit türkischer Kultur zu thematisieren, ist eine zutiefst rassistische Zuschreibung. Alarmierend ist, dass diese Äußerung nicht als mögliche Hypothese, sondern als konkrete Meinungsäußerung durch einen Journalisten einer etablierten Tageszeitung vorgetragen wird. Unaufhebbarkeit der kulturellen Differenz und die Unvereinbarkeit von österreichischer und türkischer Lebensweise liegen ebenso vor wie eine Distanzierung der ‚eigenen‘ von der ‚anderen‘ Gruppe (der TürkInnen). Wenn ÖsterreicherInnen sich nämlich am türkischen Umgang mit Frauen und der Neigung zur Gewalt stoßen, dann schwingt auf der Bedeutungsebene die Distanzierung von dieser negativen, „typisch türkischen“ Haltung latent mit.

Der Kulturbegriff fungiert hier als Mittel zur rassistischen Unterscheidung, er dient der Ausgrenzung und der Ungleichbehandlung. Zunächst wird die Unvereinbarkeit verschiedener Lebensformen zwischen „eigener“ und „fremder“ Gruppe angeführt, um dann im nach Mecheril und Melter typischen Zweischritt [vgl. Mecheril, Melter, 2010, S. 153] Kontrolle, Beschränkung und schließlich die Entrechtung der ‚anderen‘ Gruppe zu fordern. Diese Forderung tritt hier nicht explizit beziehungsweise expressis verbis auf, lässt sich aber erahnen, wenn man die vorhergehende Äußerung von Tezcan hinzunimmt. Tezcan

bemängelt, die österreichische sozialdemokratische Partei verteidige nicht die Rechte von Menschen, wo immer diese auch herkommen, was aus Tezcans Sicht als eigentlich typisch sozialdemokratische Pflicht zu bewerten sei, sondern schweige aus der Angst heraus, Strache würde andernfalls mehr Stimmen bekommen, was Tezcans Meinung nach unglaublich ist“ [T-I, S. 2].

Auf diese Bemerkung hin meint der Journalist, viele Österreicher würden dies anders sehen, weil sie Unbehagen bei einzelnen Aspekten der türkischen Kultur verspüren würden“ [T-I, S. 2–3]. Dieser Blickwinkel vollzieht auch den zweiten Schritt, denn neben der Unvereinbarkeit der Lebensformen wird die vom Botschafter beschriebene Schlechterstellung legitimiert, indem unterstellt wird, SozialdemokratInnen müssten (aus der berechtigten Sicht vieler ÖsterreicherInnen) nicht für die Rechte der TürkInnen eintreten. Frauen, die in Kopftüchern herumlaufen, Männer, die Frauen schlecht behandeln, und Jugendliche („junge Macho-Türken“), die ihre Mitschüler terrorisieren [T-I, S. 2–3], als Aspekte ‚der‘ türkischen Kultur; hier gehen Eindeutigkeits- und Überlegenheitsbehauptungen auf den Kulturbegriff über, auch dies ist wiederum ein typisches Kriterium für das Vorliegen von Kulturrassismus. Der Botschafter äußert sich zunächst nur zu einem Aspekt der Vorwürfe, er verweist darauf, dass die Behauptung, junge Macho-Türken würden ihre Mitschüler terrorisieren, statistisch nicht zu belegen sei [T-I, S. 3].

Auch die angeblich schlechte Behandlung der Frauen wird ebenso wenig thematisiert, wie er auf die rassistischen Behauptungen durch den Journalisten widersprechend reagiert. Ein abschließendes Beispiel soll nochmals Tezcans Ambivalenz im Umgang mit Kulturrassismus demonstrieren:

„Erlauben Sie mir noch eine Frage. Wenn etwas nicht zu ihrer Kultur gehört, haben Sie dann das Recht zu sagen, Sie wollen diese Menschen nicht? Das ist eine andere Kultur, ein anderes Parfum, eine andere Folklore. Ihr müsst damit leben. Warum habt ihr 110.000 Türken eingebürgert?“ [T-I, S. 3].

Wiederum wird die mit kulturrassistischen Praxen einhergehende Ausgrenzung und Schlechterstellung vom Botschafter verurteilt,

indem er die Frage stellt, ob Menschen, nur weil sie nicht Teil der eigenen Kultur sind, ausgeschlossen werden dürfen. Tezcan ruft dazu auf, diese Andersartigkeit zu akzeptieren. Er setzt die andere Kultur mit einem anderen Parfum, also mit einem anderen Geruch gleich. Hier stützt Tezcan die Behauptung einer kulturell bedingten Andersartigkeit, ja sogar Fremdheit; Damit vereindeutigt er aber selbst den Kulturbegriff. Wiederholt changiert der Botschafter innerhalb nur einer Äußerung zwischen Kritik am Kultur-Rassismus einerseits und gleichzeitigem Verstrickt sein in die rassistische Praxis andererseits. Der neo-rassistische Diskurs des Kultur-Rassismus konnte an vielen Stellen des Interviews festgestellt werden. Sowohl Interviewer als auch Interviewter sind eindeutig in kulturrassistische Unterscheidungspraxen verstrickt; Christian Ultsch transportiert in seiner Rolle als Interviewer oftmals mit Hilfe der Kultur-Konflikt-These rassistische Unterscheidungen und Begründungen, die charakteristisch für Mitglieder der ‚eigenen‘ Kultur sind. Tezcan hingegen, der als Vertreter der ‚anderen‘ Kultur spricht, kritisiert wie stützt (möglicherweise unbewusst) kulturalistische Zuschreibungen zu gleichen Teilen.

4. Resümee und Ausblick

Das Vorhabendes vorliegenden Artikels war das Zeitungsinterview des türkischen Botschafters Kadri Ecvet Tezcan vom 9.11.2010 daraufhin zu analysieren, wie gängige Begriffe im Kontext von Migration und Integration verwendet werden. Darüber hinaus sollten die getätigten Äußerungen und Zuschreibungen rassismuskritisch untersucht werden. Dieser Ansatz erwies sich als fruchtbar. Es konnten verschiedene Formen von Rassismen abgehandelt werden, wobei jedem Kapitel ein unterschiedlicher Schwerpunkt galt. Als Fazit kann formuliert werden, dass Tezcan rassistische Unterscheidungen kritisiert wie stützt. Etliche Textstellen belegen diese Ambivalenz aus aktiver Kritik bei gleichzeitigem Verstrickt sein in eigene implizite Rassismen. Leider war es aus Gründen des Umfangs nicht möglich, das Interview auf die Problematik der Bildung der Gruppen ‚Wir‘ und ‚Nicht-Wir‘ nach Mecheril [vgl. Maria do Mar Castro Varela, Mecheril, 2010, S.

42], sowie auf die Gefahren des „othering“ / „self-othering“ nach Edward Said hin zu untersuchen [vgl. ebd.]. Das ist insofern bedauerlich, als auch eine Analyse des Botschafter-Interviews mithilfe dieser Begriffe sehr ergiebig gewesen wäre. Gerade weil Rassismen in Massenmedien häufig unkommentiert bleiben und auch häufig (re)produziert werden, schien es dem Verfasser vorliegenden Beitrags wichtig, auf diesen Umstand einerseits aufmerksam zu machen und ihn andererseits durch die Analyse eines Zeitungs-Interviews zu belegen.

Literaturverzeichnis

1. Allemann-Ghionda C. Schule, Bildung und Pluralität. Sechs Fallstudien im europäischen Vergleich. Bern: Lang, 2002.
2. Auernheimer G. Einführung in die Interkulturelle Pädagogik, 5. Aufl. Darmstadt: WBG, 2007.
3. Baacke D. Massenmedien // Flick, Uwe (Hg.): Handbuch Qualitative Sozialforschung. Weinheim: Beltz, Psychologie-Verl.-Union, 1995. S. 339–343.
4. Balibar E. Gibt es einen »Neo-Rassismus«? // Balibar E., Wallerstein I. (Hrsg.): Rasse – Klasse – Nation. Ambivalente Identitäten. Hamburg: Argument, 1990. S. 23–38.
5. Amsel B., Cree G. Insights into semantic decision making: A connectionist attractor network approach. Canadian Journal of Experimental Psychology, 2007, 61(4), 351.
6. Castor Varela M., Mecheril P. Grenzen und Bewegung. Migrationswissenschaftliche Klärungen // Mecheril P., Castro Varela M., Dirim I., Kalpaka A., Melter C. BACHELOR | MASTER: Migrationspädagogik. Weinheim: Beltz, 2010. S. 23–54.
7. Dirim I., Auer P. Türkisch sprechen nicht nur die Türken. Über die Unschärfebeziehung zwischen Sprache und Ethnie in Deutschland. Berlin: de Gruyter, 2004.
8. Dirim I., Mecheril P. Die Sprache(n) der Migrationsgesellschaft // Mecheril P., Castro Varela M., Dirim I.; Kalpaka A., Melter C. BACHELOR | MASTER: Migrationspädagogik. Weinheim: Beltz, 2010a. S. 99–121.

9. Dirim I. / Mecheril P. Die Schlechterstellung Migrationsanderer. Schule in der Migrationsgesellschaft // Mecheril P.; Castro Varela M.; Dirim I.; Kalpaka A. & Melter C. BACHELOR | MASTER: Migrationspädagogik. Weinheim: Beltz, 2010b. S. 121–150.

10. Dirim I. Wenn man mit Akzent spricht, denken die Leute, dass man auch mit Akzent denkt oder so. Zur Frage des (Noe-) Linguizismus in den Diskursen über die Sprache(n) der Migrationsgesellschaft // Mecheril P., Dirim I. (u. a.) (Hrsg.) Spannungsverhältnisse (...). Münster: Waxmann, 2010. S. 91–114.

11. Dittrich E. Das Weltbild des Rassismus. Frankfurt a. M.: Cooperative? 1991; Fichtel K. Journalistische Methoden II – Teil 1: Das journalistische Interview, 2002. http://www.dfjv.de/uploads/tx_eleonartikel/53--fichtel_interview1.pdf (Recherchedatum: 01.12.2011).

12. Flam H. Migranten in Deutschland: Statistiken – Fakten – Diskurse. Konstanz: UVK, 2007; Flam H. Diskriminierung in der Schule // Melter C. Rassismuskritik. Band I. Rassismustheorie und -forschung. Schwalbach/Ts.: Wochenschau-Verlag, 2009, S. 239–255.

13. Foucault M. Was ist Kritik? Berlin: Merve, 1992.

14. Gogolin I. Der monolinguale Habitus der multilingualen Schule. Münster: Waxmann, 1994; Gogolin I. Integration'-deutsche Erfahrungen und Beispiele von anderswo // Hamburger F., Badwa T., Hummrich M. (Hsg.): Migration und Bildung (...), 2005.

15. Gomolla M., Radtke F.-O. Institutionelle Diskriminierung. Die Herstellung ethnischer Differenz in der Schule. 2. Auflage. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2007; Haahr J. Internationaler Vergleich der Schülerleistungen – Konsequenzen für Österreichs Schulen // Achs O., Corazza R., Gröpel W., Tesar E. (Hg.). Bildung – prmotor von Gleichheit oder Ungleichheit? Wien: LIT VERLAG, 2006. S. 42–50.

16. Jäger M. Rassismus und Normalität im Alltagsdiskurs. Anmerkungen zu einem paradoxen Verhältnis // Broden A., Mecheril P. (Hrsg.): Rassismus bildet. Bielefeld: transcript Verlag, 2010. S. 27–41.

17. Jäger M., Kaufmann H. Zum Begriff, 'Institutioneller Rassismus' // Jäger M., Kauffmann H. (Hrsg.). Leben unter Vorbehalt. Institutioneller Rassismus in Deutschland. Duisburg: DISS, 2002. S. 9–15.

18. Kalpaka A., Mecheril P. ‚Interkulturell‘. Von spezifisch kulturalistischen Ansätzen zu allgemein reflexiven Perspektiven // Mecheril P., Castro Varela M., Dirim I., Kalpaka A. & Melter C. BACHELOR | MASTER: Migrationspädagogik. Weinheim: Beltz, 2010. S. 77–92.

19. Linemann L. Kritik – und Stabilisierung von Rassismus in der politisch–historischen Bildung zum Nationalsozialismus // Broden A., Mecheril P. (Hrsg.): Rassismus bildet. Bielefeld: transcript Verlag, 2010, S. 235–265.

20. Mayring P. Qualitative Inhaltsangabe // Flick U. (Hrsg.): Handbuch Qualitative Sozialforschung. Weinheim: Beltz, Psychologie–Verl.–Union, 1995. S. 209–313.

21. Mecheril P. Die Lebenssituation Anderer Deutscher. Eine Annäherung in dreizehn thematischen Schritten // Mecheril P., Thomas Th. (Hsg.): Andere Deutsche – Zur Lebenssituation von Menschen multiethnischer und multikultureller Herkunft. Berlin: Dietz, 1994. S. 57–95.

22. Mecheril P. Prekäre Verhältnisse. Über natio-ethno-kulturelle (Mehrfach-) Zugehörigkeit. Münster: Waxmann, 2003; Mecheril P., Melter C. Gewöhnliche Unterscheidungen. Wege aus dem Rassismus // Mecheril P.; Castro V. M., Dirim I., Kalpaka A. & Melter C. BACHELOR | MASTER: Migrationspädagogik. Weinheim: Beltz, 2010. S. 150–179.

23. Mecheril P. Die Ordnung des erziehungswissenschaftlichen Diskurses in der Migrationsgesellschaft // Mecheril P.; Castro Varela M.; Dirim I.; Kalpaka A. & Melter C. BACHELOR | MASTER: Migrationspädagogik. Weinheim: Beltz, 2010. S. 54–77.

24. Melter C. Rassismuserfahrungen in der Jugendhilfe. Eine qualitative Studie zu Kommunikationspraxen in der Sozialen Arbeit. Münster: Waxmann, 2006; Melter C., Mecheril P. Rassismuskritik Band I. Rassismustheorie und -forschung. Schwalbach / Ts.: Wochenschau-Verlag, 2009.

25. Messerschmidt A. Distanzierungsmuster. Vier Praktiken im Umgang mit Rassismus // Broden, Anne / Mecheril, Paul (Hrsg.): Rassismus bildet. Bielefeld: transcript Verlag, 2010. S. 41 –59.

26. Miles R. Rassismus –Einführung in die Geschichte und Theorie eines Begriffs. 2. Auflage. Hamburg: Argument, 1992.

27. Morgenstern Ch. Rassismus. Konturen einer Ideologie. Hamburg: Argument, 2002.

28. Poliakov L. Rassismus. Über Fremdenfeindlichkeit und Rassenwahn. Hamburg: Luchterhand-Literaturverlag, 1992.

29. Quehl Th. Institutioneller Rassismus – ein Lackmustest auch für die Schule? // Jäger M., Kauffmann H. (Hrsg.): Leben unter Vorbehalt. Institutioneller Rassismus in Deutschland: Duisburg: DISS, 2002. S. 165–201.

30. Rommelspacher B. Was ist eigentlich Rassismus? // Melter C., Mecheril P. Rassismuskritik Band I. Rassismustheorie und -forschung. Schwalbach / Ts.: Wochenschau-Verlag, 2009; Rüesch P. Gute Schulen im multikulturellen Umfeld. Ergebnisse aus der Forschung zur Qualitätssicherung. Zürich: Orell Füssli, 1999.

31. Schwarzgruber C. ‚Der Beruf – ein soziales Erbe?‘ – Die berufliche Mobilität junger MigrantInnen in Wien als Gegenstand der bildungspolitischen Entwicklungsforschung (Diplomarbeit an der Uni Wien), 2011.

32. Terkessidis M. Psychologie des Rassismus. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1998.

33. Terkessidis M. Die Banalität des Rassismus. Migranten zweiter Generation entwickeln eine neue Perspektive. Bielefeld: transcript, 2004.

34. Weiss H., Unterwurzacher A. Soziale Mobilität durch Bildung // Fassmann H. (Hrsg.): 2. Österreichischer Migrations-und Integrationsbericht 2001–2006. Rechtliche Rahmenbedingungen, demographische Entwicklungen, sozioökonomische Strukturen. Klagenfurt: Drava, 2007. S. 227–241.

Zeitungsartikel

1. http://diepresse.com/home/politik/innenpolitik/608981/Tezcan_Warum-habt-ihr-110000-Tuerken-eingebuergert (letzter Zugriff: 21.12.2019).

2. http://diepresse.com/home/politik/aussenpolitik/609403/GhettoKrise_Tuerkische-Medien-verteidigen-Tezcan (letzter Zugriff: 27.11.2019).

3. <http://relevant.at/politik/europa/52890/scheibner-will-tuerkischen-botschafters-abberufen.story> (letzter Zugriff: 26.11.2019).

4. http://diepresse.com/home/politik/aussenpolitik/609127/Wirbel-um-BotschafterInterview_Oesterreich-keine-Kolonie-derTuerkei?gal=609127&index=7&direct=609716&_vl_backlink=/home/politik/aussenpolitik/609716/index.do&popup=story (letzter Zugriff: 26.11.2019).

5. <http://www.dasbiber.at/content/t%C3%BCrkischer-botschafter-fragt%3A-%2526quot%3Bwarum-habt-ihr-110.000-t%C3%BCrken-eingeb%C3%BCrgert%2526quot%3B-im-pres-story> (letzter Zugriff: 26.11.2019).

6. <http://www.kleinezeitung.at/nachrichten/politik/2551296/ankara-wussten-nichts-interview.story> (letzter Zugriff: 29.11.2019).

7. http://www.news.at/articles/1051/8/286712_s1/nach-interview-tuerkischer-botschafter-tezcan (letzter Zugriff: 26.11.2019).

8. <http://diepresse.com/home/politik/innenpolitik/610150/54-Prozent-fuer-Abberufung-von-TuerkeiBotschafter> (letzter Zugriff: 26.11.2019).

9. <http://diepresse.com/home/politik/aussenpolitik/680807/Tuerkischer-Botschafter-Tezcan-geht-nach-Paris> (letzter Zugriff: 26.11.2019).

10. <http://derstandard.at/1288660128663/Auswirkung-Tezcan-hofft-auf-positive-Folgen-seines-Interviews> (letzter Zugriff: 30.11.2019).

11. <http://derstandard.at/1288660128663/Auswirkung-Tezcan-hofft-auf-positive-Folgen-seines-Interviews> (letzter Zugriff: 30.11.2019).

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
-------------------------	----------

Шустова С. В., Зубарева Е. О., Хорошева Н. В. «ДЕТИ-МИГРАНТЫ» КАК СОЦИАЛЬНЫЕ АГЕНТЫ МИГРАЦИОННОГО ДИСКУРСА	5
---	---

Костева В. М. МИГРАЦИЯ В ТРУДАХ Н. Я. МАРРА – ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ	31
--	----

Мощанская Е. Ю. УСТНЫЙ ПЕРЕВОД В МИГРАЦИОННОМ ДИСКУРСИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ, ДИДАКТИКА	45
--	----

Киндеркнехт А. С. МЕДИАТОР КАК УЧАСТНИК СОВРЕМЕННОГО МИГРАЦИОННОГО ДИСКУРСА	84
--	----

Köck Johannes “WARUM HABT IHR 110.000 TÜRKEN EINGEBÜRGERT?“ ANALYSE DES BOTSCHAFTER-INTERVIEWS UNTER BESONDERER BERÜCKSICHTIGUNG DER RASSISMUSKRITISCHEN UND MIGRATIONSPÄDAGOGISCHEN PERSPEKTIVE	116
--	-----

Научное издание

Шустова Светлана Викторовна
Зубарева Екатерина Олеговна
Хорошева Наталья Владимировна
Костева Виктория Михайловна
Мощанская Елена Юрьевна
Киндеркнехт Анна Сергеевна
Köck Johannes

**МИГРАЦИОННАЯ ЛИНГВИСТИКА
В СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ ПАРАДИГМЕ:
ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ, ПЕРЕВОД, ДИДАКТИКА**

Монография

Издаётся в авторской редакции
Компьютерная вёрстка: *Голубцова Л. Н.*

Объем данных 1,23 Мб
Подписано к использованию 12.02.2020

Размещено в открытом доступе
на сайте www.psu.ru
в разделе НАУКА / Электронные публикации
и в электронной мультимедийной библиотеке ELiS

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990, Пермь, ул. Букирева, 15